

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

5

1990

Присяга
Президента

В майские дни ветераны встречаются с однополчанами, с молодежью. Это их Победа, это наша Победа.

И пусть забота о тех, кто защитил мир на земле, будет каждодневной, а не только по праздникам. Это наш святой долг.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 5 (233) МАЙ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- М. ТРОИЦКАЯ. Время
выбора, право выбора 3
А. СОБЧАК, А. ЦАЦУЛИН.
Диктат потребителя: за и
против 7
И. СТАРОСТИНА. От слов —
к делу 11
М. МИРОНОВ. Дамба, или
Горький урок не впрок? 15
Комментирует пресс-центр
МВД СССР 17

20

45 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

- Победа, Родина и долг.
Беседа с маршалом авиа-
ции Е. Я. САВИЦКИМ 20

27

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- И. ЧЕРНИК. Советам — ре-
альную власть 27
Д. КУКУШКИН. Каким бу-
дет следствие? 29
Б. ПЕТЕЛИН. После уро-
ков... в банду 31
РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 35

36

ПРЕСТУПНОСТЬ: ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ

- М. МИХАЙЛОВА. Выстрелы
на рассвете. Попытка пси-
хологического портрета 36

48

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

- НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
Дополнительные льготы.
Комментарий юриста 48
В. ДЕМИНА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИ-
КУМ 50, 128
ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА 51, 61
НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ
Г. КРУГЛОВ. Властелины
скорости 52
Как бы вы поступили? 54, 61
АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИ-
ЖЕНИЯ 55
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
В. СЛАВИН. Через час бы-
ло бы поздно 57
ОТ «А» ДО «Я»
Е. ПРОХОРОВА. Фальши-
вомонетничество 59

62

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Г. ЛОМОНОСОВ. Прокурор тридцатых годов 62

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Г. ТАРАСЕНКО. Не пред-
дусмотрел... 72

73

СОБЕСЕДНИК

М. ФУРМАН. Муромская находка 73

Спрашивайте — отвеча-
ем 76

Л. ЛЯНГЕ. Зачем судье
«уклоны»? 77

Ю. БЫЧКОВ, А. ЧУРКИН.
О «спорте — не спорь-
те»? 81

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»
И. ТИМОНИН. Спасибо за
чуткость 84

85

В. ГОРДЕЕВА. «Не жди ме-
ня — мне нет возвра-
та...» Документальная по-
ведь 85

99

Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕН-
КО. Год дракона. Роман.
Продолжение 99

126

КРОССВОРД
Знаете ли вы право? 126

Первая страница обложки

15 марта 1990 года М. С. Горбачев принес на Съезде народных де-
путатов СССР присягу Президента СССР, в которой дал клятву стро-
го следовать Основному Закону Советского государства.

Фото А. Хрупова

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,

Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),

В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),

И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,

В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,

П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,

Е. В. СМЕРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,

А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ,

И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

Фото в номере В. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ВРЕМЯ ВЫБОРА, ПРАВО ВЫБОРА

Итак, сажусь писать заметки, что называется, о «текущем моменте». Кажется, нет ничего проще — подытожь все ежедневные «политдискуссии», что ведешь и на работе, и дома, и в транспорте. А с другой стороны, нет ничего сложнее — настолько тугой узел проблем, противоречий, противостояний, уже угасающих надежд и разочарований.

Сегодня большинство среди нас — политики. И это показатель нашего безразличия и безучастия к происходящему. Да, после весны 1985 года рушится стремительно и лавинообразно полное отчуждение нашего человека от политической жизни общества. И мы сегодня уже не те, что пять лет назад.

В шутку сказала коллегам, что название этих заметок будет (о, великие классики, они предугадывали все движения души человеческой!) «Утраченные иллюзии». И в этом была доля правды. Только так ли это страшно? Да, первое весеннее опьянение от перестройки прошло. Но так ли плохо, что оно сменилось пониманием и осознанием, в какой трудный путь пустились мы. И это второе состояние должно быть плодотворнее первого.

Только, увы, плодов на нашем дереве пока созревает немного... Зато налицо другое — противники перемен консолидируются. Пришло время, когда сила действия почти сравнялась с силой противодействия. Когда в ход идут экстремизм, прямой саботаж, разжигание национальной розни... Стоит ли перечислять дальше нашу боль — каждый осязает ее. Сегодня мы вдруг ощутили, как распадается, рассыпается наше «мы». Помните еще не так давно произносимое «мы — советские люди»? И теоретические выводы обществоведов об «общенародном государстве». Оказалось же, что «общенародное государство» — это когда мы не вмешивались в дела власть предержащих, когда позволяли все от своего имени и когда повсеместно нарушались наши права.

Конечно, и сегодня наши права не всегда и не во всем соблюдаются. Но мне очень симпатична позиция, высказанная в «Известиях» народным депутатом А. Яковлевым: «Во имя будущего страны вестись она (борьба.— М. Т.) должна только законными, правовыми средствами, если даже речь идет о монархистах или анархистах».

Мы нынче разом вспомнили политические учения, течения, направления. Это понятно — прошлое должно учить сегодня. Но при всей, простите, разноточности фронтов, блоков, сколько из них привержены радикализму преобразований? Большинство опровергают позиции власти законодательной и исполнительной. А что несут? Созидание или зло? Перед злом же власть не имеет права быть бес- сильной.

Только когда перестанем мы впадать в крайность — искать образ врага в политическом оппоненте? Декларировать плюрализм и свободу взглядов и «клеить» иноверцев? Противники перестройки в большей части на митинги не ходят. Они предпочитают действовать, прикрываясь словами о ее же опасности, о благе народа. Или другая их категория — порождение административной экономики — дельцы теневого бизнеса. Добиваться дестабилизации общества им удастся. Вот почему «и сверху и снизу» осознана опасность критической ситуации. Да, стране нужен правопорядок, людям — спокойствие, личная безопасность. Разгул насилия, беззакония, преступности должен быть пресечен.

И если уж мы декларируем (увы, пока в основном только так) построение правового государства, то верховенствовать должен закон. Должен, но всегда ли так? Со всех трибун звучит: качество принимаемых законов растет, но исполнение...

Мы исходим из привычной установки — примем хороший закон, и проблемы в какой-то области исчезнут. И спешим, спешим... Один, второй, третий закон... Наши парламентарии работают, по моему мнению, все более профессионально. Тогда почему же растет разочарование в их деятельности, почему все меньше желающих смотреть заседания сессий? А один мой знакомый назвал увиденное действие модным у молодежи словом «тусовка», что в переводе на общечеловеческий язык означает пустое времяпрепровождение. Сразу срифмовалось — «рисовка». У кого-то из депутатов действительно так. Одни делают это «во имя и от имени своих избирателей», другие... Впрочем, что до других, то те вообще предпочитают такое — «народ нас не поймет». А народ-то разный, как и те, кто представляет его интересы в высшем законодательном органе. В этом суть. Но мы по-прежнему не соглашаемся, что каждый может «сметь свое суждение иметь» — если он думает прежде всего не о своих амбициях, а о судьбе нашей многострадальной, деле нашем многотрудном. Это право каждого.

Но есть сегодня и особенный долг, и обязанность тоже каждого — не просто словом, а конкретным делом защитить перестройку. И не столько фрондировать и конфликтовать, сколько консолидироваться.

Да, мы все устали от нехваток, обещаний, взаимной злобы и раздраженности, порожденных убожеством и бедностью жизни, душевной болью. Я хорошо знаю, что такое больная душа... Не приведи господи такого! Один из симптомов болезни — тревога и беспокойство. И в этом плане общество наше тяжело больно — тревога, беспокойство, неуверенность разлиты в избытке. Но все-таки не утешение нам нужно сегодня, а успокоение, самые радикальные средства.

Их мы ждем от новых законов.

Но судя по тому, как они обсуждаются, принимаются, исполнение их будет еще сложнее. Различные формы собственности, судьба земли. Право каждого хозяйствовать! Обеспечить их может только правовое государство, где соблюдено равенство всех перед законом, где никакая власть не может понуждать человека делать и думать не так, как ему хочется. А это невозможно без того, чтобы человек стал свободным, подлинным хозяином средств производства, заводов, земли, страны, убеждений и поступков.

Но посмотрите, сколь резко в парламенте поляризовались по этому поводу мнения. Немало было резких высказываний, в которых частная собственность выглядела как пугало. О том, что она-де расплодит теневую экономику. Хотя та махрово расцвела и наживает

миллионы именно на основе административно-командной экономики.

Депутаты угрожали нам и батрачеством и капитализмом. Что ж, наш парламент — отражение соотношения сил в обществе. Главное все-таки в том, что победил здравый смысл при принятии законов, которые должны обеспечить многообразным формам хозяйствования и собственности, а значит, каждому из нас, действительно равные права и условия.

Не излагая содержания принятых этой весной Закона СССР «О собственности в СССР», Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, подчеркну главное: правомочия Советов по распоряжению землей, права и обязанности землевладельцев и многие другие юридические нормы не позволяют создавать местные «декреты» и указы.

Законы называли историческими, выразили эмоции и одобрения возгласами «Наконец-то!», аплодисментами. Теперь они должны жить и действовать. Должны. А будут ли? Ведь есть законы об аренде, о кооперации... А что происходит? Примеров можно привести много и в основном — негативных.

На сессии, подводя итоги дискуссии «чья у нас земля», очень уважаемый мною депутат А. Ф. Вепрев, сумевший глянуть шире и глубже, «неведомственнее» своих коллег — председателей колхозов, высказал мысль о том, что надо как можно скорее сталкивать закон с жизнью — она исправит недостатки. Возможно. Только, к сожалению, чаще не жизнь, а ведомства и чиновники «исправляют» законы и отнюдь не в сторону улучшения и совершенствования. И выходит: строя правовое государство, мы констатируем — растет неуважение к закону, небрежение его исполнением.

Примеры? Их тьма. Читаю в «Известиях» за 21 февраля этого года Постановление Верховного Совета СССР «Об организации работы Верховного Совета СССР по реализации решений второго Съезда народных депутатов СССР». Один из пунктов его гласит о необходимости расширения кооперативного движения. Верховный Совет, стало быть, и впредь за кооператоров.

А вот те же «Известия» днем раньше — за 20 февраля. Статья «Пух и перья от кооперации». В ней — судьба кооперативного движения не та, что определена законом, а та, что в жизни: в Краснодарском крае одним решением местных властей практически прекращена деятельность 677 кооперативов. Московский горсовет принял документ, в котором по крайней мере десять пунктов не основаны на законе или прямо противоречат Закону «О кооперации в СССР». Можно продолжить перечисление фактов.

Так что не в одном законе дело. Дело в его исполнении. И это, увы, не только данного нормативного акта касается. К сожалению, пока нередко торжествует не закон, а произвол. Конечно, хорош только тот закон, в котором заложен механизм его действия. Но не от одного этого зависит его жизнеспособность, а и от исполнения. Вот почему мы сегодня в полный голос заговорили о соотношении законодательной и исполнительной власти. И в повестку дня встал вопрос о президентстве.

Я читала отчеты с сессии, с третьего внеочередного Съезда народных депутатов СССР, смотрела трансляции по телевизору, и у меня сложилось впечатление, что все-таки очень многие наши депутаты (что уж говорить о нас с вами, грешных!), мягко говоря, не очень понимают, «что оно такое и с чем его едят». И еще: размеже-

вание, которое в последнее время в обществе обострилось, проявилось при обсуждении этого вопроса.

Нам всем еще предстоит понять (а для этого прожить при данном институте власти), что такое президентство. Уже сейчас в президенте некоторые хотят видеть твердую власть, «железную руку», способную навести порядок. Ждут от него не стабилизирующей роли в деле укрепления законности и демократии, а силы, «твердости курса», «классового правосознания». Полноте! Что же в нас заговорила ностальгия по «всесоюзному надсмотрщику»? Было! До сих пор очухиваемся!

Отсюда понятны и опасения такого рода: не приведет ли режим личной власти к диктатуре? Потому разумны и дальновидны были депутаты, которые ставили вопрос так: решая вопрос о президентском правлении, мы должны выработать такую систему, которая, помимо крайне необходимого наведения в стране порядка и законности, стала бы дополнительной преградой против неконституционного стремления к власти.

Свою позицию на этот счет ясно и однозначно выразил и сам Президент СССР М. С. Горбачев: «...Очевидна необходимость радикализации политики перестройки. Именно в этих целях прежде всего я использую полномочия Президента. Особо подчеркну, что эти полномочия будут мной использованы для действительно решительного продвижения вперед всех перестроечных процессов на демократической основе.

Считаю нужным сказать об этом, потому что и до Съезда, и здесь, на самом Съезде, высказываются опасения: не грозит ли президентство узурпацией власти. Для таких опасений нет оснований. Гарантия тому — сама Конституция, на страже которой стоят теперь мощные, обладающие реальными правами высшие представительные органы государственной власти — Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Гарантия тому — серьезные, глубоко продуманные противовесы, которые исключают развитие в сторону единовластия. Гарантия тому — и ставшие у нас реальностью гласность, политический плюрализм».

...Невозможно в короткой статье даже коснуться всех болевых точек, аспектов сегодняшнего «текущего момента», принятых правовых актов. Да и неправильно будет в спешке, походя говорить о них. Каждый из них — предмет для глубоких и непростых размышлений.

Возвращаюсь к тому, с чего начала. Итак, иллюзии утрачены. Пять лет перестройке, а результаты скромнее, чем ожидалось. Чуда не произошло. И не будет. Вперед продвинет только дело.

Тогда, весной 1985 года, многим казалось: достаточно внести кое-какие коррективы в практику, и дело пойдет... Не пошло. И сегодня эти ожидания должны смениться для всех и каждого вопросом: туда ли мы тратим силы? Выкладываясь ли в митинговой демократии или компетентно и честно, без суеты делать свое дело... Что дальше? Строить или разрушать, крушить? Поймем ли, что жить нам в одном доме. Доме, который обещали разрушить «до основания, а затем...». В первом — крупно преуспели и продолжаем преуспевать. Ну «а затем»? История свидетельствует — на развалинах и даже без котлована под фундамент ничегошеньки не построишь. Разве этого мы хотим?

Маргарита ТРОИЦКАЯ

ДИКТАТ ПОТРЕБИТЕЛЯ: ЗА И ПРОТИВ

Известно, что до сих пор все основные трудности экономики социалистических стран проявлялись именно на рынке потребительских товаров и услуг в виде явления, называемого по-разному — либо «рынком поставщика», либо «диктатом производителя», но всегда со всеми хорошо изученными и печально известными его негативными последствиями.

Как заставить производителей, диктат которых в условиях гипертрофированной монополии государственной экономики является, увы, реальностью, повернуться лицом к потребителям, заботиться о человеке по существу, а не посредством лозунгов? Все предприятия-покупатели, контролирующие органы, союзы потребителей должны стать посредниками и своеобразным заслоном между производителями и потребителем-гражданином. В том числе и торговля, которая, используя экономические рычаги, должна отстаивать интересы потребителей. Коренные интересы конечных потребителей и торгующих организаций перед лицом производителей в принципе совпадают. Более того, еще подлежит осмыслению тот факт, что необходимость охраны интересов и прав потребителя впервые возникает не в магазине, не у прилавка, а непосредственно в производственных процессах, протекающих в промышленных отраслях.

Зачастую работников торговли и вообще сферы обслуживания обвиняют в таких грехах, за которые должны быть привлечены к ответственности непосредственные виновники, то есть разработчики и производители, а также работники ведомственных контрольно-технических, метрологических служб и госприемки. Пока что государственные контролирующие организации практически не выполняют своих функций контроля за технологией, а следовательно, и за качеством продукции, и за состоянием охраны здоровья человека и среды его обитания.

Государство до последнего времени не уделяло должного внимания этим важнейшим функциям защиты интересов и прав потребителей, что проистекало из ошибок социально-экономической политики прошлых лет. Как известно, экономическая теория и хозяйственная практика, средства массовой информации нашей страны еще недавно резко осуждали «привнесенный культ буржуазного потребителя» и «пресловутую систему взглядов вещизма», формируя в массах в целом искаженное и неуважительное отношение к собственности.

Движение потребителей рождается, по существу, на наших глазах. Сегодня действует уже около шестидесяти организаций потребителей. Например, в Москве и Ленинграде действуют общества потребителей, имеющие разветвленную районную сеть первичных организаций, активно работающих по месту жительства.

Следует, однако, отметить, что в законодательстве вопросы деятельности обществ потребителей практически не урегулированы. Единого законодательного акта о защите своих прав советский потребитель не имеет. Поэтому сам факт разработки и опубликования для всенародного обсуждения проекта Закона СССР «О качестве продукции и защите прав потребителя» весьма примечателен. Проект этого закона, безусловно, является шагом вперед и вносит определенный вклад в обеспечение защиты потребителей от недоброкачественной продукции и услуг. В нем заложен ряд статей, фиксирующих положение потребителя в случае нарушения его прав при предоставлении ему продукции несоответствующего качества.

Вместе с тем в проекте вся деятельность обществ, союзов и клубов потребителей сведена к праву потребителей на качественную продукцию и обслуживание, что неоправданно сужает задачи общества потребителей. Во всех странах мира, где действуют союзы потребителей, последним обеспечены и другие исключительно важные права: право на безопасное потребление товаров и услуг; право на объективную и достоверную информацию и добросовестную рекламу для принятия покупателем сознательных решений; право на свободный выбор товара и услуги; право на равную доступность к различным материальным благам; право быть услышанным в экономической и общественно-политической жизни страны; право на обучение потребителя.

Чрезвычайно важными областями активного движения потребителей во всем мире являются комплексы мероприятий, направленных на эффективное и всестороннее обучение потребителя. Оно охватывает в основном эутенику, то есть науку о рациональном ведении домашнего хозяйства, а также формирование необходимой информации о принимаемых решениях относительно покупки при полном использовании и соблюдении всех прав потребителя.

Все эти права, к сожалению, остались за рамками законопроекта. Необходимость и своевременность данного законопроекта не вызывает ни малейших сомнений. Однако в предложенной авторами редакции этот документ в случае его принятия низведет права потребителя до еще более низкого, чем теперь, уровня. Основные наши замечания по данному проекту сводятся к следующему: в нем искусственно объединены два плохо состыкованных вопроса: о качестве производимой продукции и о правах потребителя в части потребления этой продукции. В результате этого в законопроекте допущено смешение ряда понятий.

Самого потребителя с его правами и формами реализации этих прав можно понимать двояко: как коллективных потребителей в лице предприятий и их объединений и как индивидуального конечного потребителя в лице покупателя, клиента, пациента, посетителя, зрителя, жильца, для которого собственно и производится продукция и оказываются услуги. На страже прав и интересов последних могут и должны стоять такие общественные организации, как клубы и общества потребителей.

Но содержащаяся в статье 5 проекта Закона формулировка «потребитель» как раз отождествляет потребителей в лице промышленных предприятий и потребителей-граждан, непосредственно приобретающих товары и услуги для удовлетворения своих личных потребностей. Представляется, что эти два принципиально различающихся понятия потребителя в законе должны быть разведе-

ны, а определения соответствующих терминов должны быть даны в отдельных четких формулировках.

Имеет смысл определение понятия «потребитель» дать в редакции, принятой Комитетом ИСО (международная организация по стандартизации — «Кополко»), в соответствии с которым «потребителями являются отдельные граждане, приобретающие или использующие потребительские товары, услуги либо имущество для личных целей».

Но самый главный недостаток обсуждаемого проекта заключается в том, что он не содержит четкого механизма реализации прав потребителей и гарантий, обеспечивающих их реальность. Так, в п. 1 статьи 3 (Законодательство Союза ССР и союзных республик о качестве продукции и защите прав потребителя), как и бывало раньше, говорится о том, что в соответствии с настоящим законом могут приниматься иные акты и постановления ведомственного толка. А это значит, что общие декларации о защите прав потребителей, содержащиеся в законе, будут так «разъяснены» министерствами и ведомствами, что от них ничего не останется. Поэтому необходим принципиально иной подход — в самом законе максимально полно (по возможности исчерпывающе) определить содержание прав потребителей, не делегируя это на усмотрение министерств, ведомств и других исполнительных органов.

В тексте законопроекта многократно как заклинание говорится о необходимости защиты прав потребителя, однако документ этот в своей основе и по сути не обеспечивает решения данной задачи. Достаточно сказать, что о главном экономическом рычаге повышения качества продукции, товаров и услуг — социалистической конкуренции в условиях насыщенного рынка говорится лишь вскользь в декларативной форме (ст. ст. 2 и 4).

Необходим принципиально иной подход к определению понятия качества продукции и услуг. Но не с товароведческих позиций, а с позиций социально-экономических. Вместо разработки в законе системы антимонополистических мер у потребителя пытаются отнять его единственное на сегодняшний день законное право безусловного возврата некачественного товара. Если быть точным, это право потребителя в значительной мере фактически уже утрачено благодаря действию многочисленных подзаконных актов, реализованных в виде ведомственных правил и инструкций, таких, как Правила обмена товаров, Правила бытового обслуживания населения и пр.

В проекте Закона (статья 29) вместо подтверждения закрепленного в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и Гражданских кодексах союзных республик права потребителя на выбор варианта поведения при обнаружении недостатков в приобретенном товаре (гарантийный ремонт, расторжение договора с возмещением убытков, замена вещи либо соразмерная уценка и т. д.) делается попытка навязать потребителю обязательный гарантийный ремонт, производимый гарантийной матерской, с которой покупатель ни в каких правоотношениях не состоит.

Таким образом в проекте фиксируется сложившееся положение, которое можно именовать как «диктат производителя» и «рынок продавца». При этом он закрепляет полную юридическую и экономическую безответственность Госстандарта СССР как за снижение уровня требований («жесткости») стандартов и технических условий при полной анонимности утверждающих их лиц, так и за использование действующих нормативов, обоснованность которых в перио-

дически обновляемой нормативно-технической документации становится все более сомнительной.

Так, возможность широкого участия обществ потребителей в разработке стандартов, технических условий и другой нормативной документации сначала объявляется одним из факторов, определяющих влияние потребителей на формирование требований к качеству продукции (п. 2 статьи 6 проекта). Но затем в тексте законопроекта исчезает всякое упоминание об участии обществ потребителей в разработке и принятии этих важных документов (см. п. 3 статьи 10, п. 3 статьи 12, п. 4 статьи 13).

Оценивая законопроект в целом, можно отметить, что он выражает явно технократическую направленность, допускает централизованный подход при разрешении вопросов в духе отживших административно-командных методов.

Поэтому группой ленинградских ученых и специалистов по инициативе Ленинградского клуба потребителей был разработан альтернативный проект Закона о защите прав потребителей, который направлен на рассмотрение в Комитеты Верховного Совета СССР.

В декабре 1989 года была создана общесоюзная Федерация обществ потребителей, благодаря чему движение потребителей приобрело определенные организационные рамки.

Активное участие в подготовке законодательства о правах потребителей, принятие мер по насыщению рынка товарами и защита прав потребителей в случае их нарушения, контроль за качеством производимых в стране и приобретаемых за рубежом товаров — далеко не полный перечень задач, стоящих перед обществами потребителей.

Сегодня в стране происходит процесс свертывания рынка и переход к распределению товаров (особенно дефицитных) по предприятиям и организациям, что нарушает принципы социальной справедливости и право любого потребителя на равный доступ к материальным ценностям, а в конечном счете усиливает спекуляцию. И с этими явлениями призвана бороться новая Федерация обществ потребителей, девиз которой «За и против: защита потребителя — против диктата производителя».

А. СОБЧАК,
президент Федерации обществ потребителей СССР,
народный депутат СССР,
профессор

А. ЦАЦУЛИН,
член Координационного совета
Федерации обществ потребителей,
кандидат экономических наук

ОТ СЛОВ—К ДЕЛУ

Вспомним прошлое лето... Под аккомпанемент многочисленных разговоров и регулярных выступлений прессы об экологической беде Крыма «Крымское лето-89» было таким, как и ряд прежних. С грязным морем, с регулярно, официально и неофициально закрываемыми пляжами, с воздухом, утратившим былую свежесть и целебность.

Чем отличалось минувшее лето? Большим пожаром в районе Большой Ялты, уничтожившим 160 гектаров реликтовой крымской сосны, увеличением регулярных выбросов неочищенных сточных вод в районе Балаклавы, Севастополя, Сак, Ялты, многочисленными письмами Крымской областной природоохранной прокуратуры по поводу столь же многочисленных фактов варварского отношения к природе.

Увы, печальный счет потерь не становится меньшим. Хотя расти, казалось бы, некуда — экологическую ситуацию в Крыму специалисты признали критической. Но такое состояние не может длиться долго: или... или. Так как же нам не допустить нежелательного «или»? Об этом шла речь в материале «Крымский синдром, или Потери плюс... потери», опубликованном в нашем журнале в августе прошлого года.

У недавнего, довольно стойкого убеждения «на наш век хватит» приверженцев все меньше и меньше. И в том, что Крыма уже не хватает и на наш век сегодня, видимо, не нужно убеждать никого. Это еще раз подтвердили официальные ответы, отклики специалистов, полученные редакцией после публикации материала.

«В Совете Министров Украинской ССР при участии республиканских министерств и ведомств, госкомитетов, Крымского облисполкома рассмотрены вопросы, поднятые в публикации. Считаем, что в статье правильно оцениваются как экологическая ситуация, сложившаяся в Крымской области, так и причины, приведшие к такому положению,— говорится в письме заместителя Председателя Совета Министров УССР Е. Качаловского.— Неблагоприятная экологическая обстановка в Крыму — следствие того, что промышленные предприятия министерств и ведомств СССР, размещенные на территории области, не осуществляли необходимых эффективных природоохранных мероприятий, а местные Советы народных депутатов не использовали предоставленные им права и не применяли жестких санкций к нарушителям природоохранного законодательства.

Хотя за годы XI и XII пятилеток на охрану природы Крыма было израсходовано более 200 миллионов рублей, что позволило вдвое увеличить мощности систем оборотного водоснабжения предприятий, сократить сброс загрязненных стоков и выбросов в атмосферу, экологическая обстановка в области продолжала оставаться неудовлетворительной».

Добавим, такой она остается и сегодня. Что же делается для изменения создавшейся ситуации?

«В 1989 году сессия Крымского областного Совета народных депутатов утвердила «Программу по обеспечению оздоровления экологической обстановки в Крымской области на XII и XIII пятилетки», — говорится далее в письме заместителя Председателя Совета

Министров УССР.— Предусмотрено уже с 1989 года прекратить строительство новых мощностей на Сивашском анилиново-красочном заводе. С 1991 года прекращается производство окиси цинка на Сакском химическом заводе, к 2000 году здесь намечено прекратить функционирование производств, загрязняющих окружающую среду».

О конкретных мерах по оздоровлению экологической обстановки на Крымском полуострове, намеченных и уже предпринимаемых, говорится и в ответе Государственного комитета СССР по охране природы. Так, предусмотрено поэтапное прекращение вредных производств на Сивашском химзаводе, перепрофилирование аглофабрик Камыш-Бурунского железорудного комбината на выпуск экологически чистой продукции. С 1990 года автомобильный транспорт области намечено обеспечить неэтилированным бензином.

«Ряду министерств и ведомств поручено обеспечить на территории Крымской области применение прогрессивных экономических методов орошения земель,— говорится в ответе Госкомприроды СССР,— рассмотреть вопросы о целесообразности дальнейшего рисосеяния и предотвращении загрязнения сбросными водами из коллекторно-дренажных систем озера Сиваш и Каркинитского залива».

Здесь бы вслед за поэтом удовлетворенно сказать: «Я наших планов люблю громадьё». Но для этого нужно быть уверенным, что все «запланированное, намеченное, предусмотренное» будет безотлагательно выполнено. Будет ли?..

Увы, пока то, что записано в многочисленных документах, есть желаемое, а не действительность. В частности, в ответе, полученном редакцией из Главного планово-экономического управления Крымского областного Совета народных депутатов, сказано:

«Для уменьшения загрязнения атмосферного воздуха автотранспортом созданы диагностические пункты по проверке и регулировке двигателей на токсичность, в том числе в местах дислокации постов ГАИ на границах территории Крыма».

Вряд ли крымский воздух ощутил последствия осуществленного мероприятия и стал чище. Во-первых, потому что пункты эти редки и маломощны. Автору этих строк пришлось проехать по дорогам Крыма почти 3 тысячи километров и только на посту ГАИ у Гурзуфа довелось увидеть диагностическую аппаратуру, работающую, как правило, без особых перегрузок. Во-вторых, автомобилям с неотрегулированными двигателями вовсе не надо пересекать границы Крыма — по данным областной госавтоинспекции, значительный процент загрязнения атмосферы обеспечивают машины с местными номерами, на дороги области регулярно выходит транспорт, техническое состояние которого и экологическая чистота воздуха — явления несовместимые.

И, главное, самый строгий контроль и тщательная регулировка двигателей автомобилей, снижающая токсичность выбросов, являются все же полумерой. В области не создана рациональная структура автомобильного парка, нет экономического обоснования его численности, комплексной системы по контролю и использованию автотранспорта. Нейтрализаторы отработанных газов автомобилей нужны не сегодня, они требовались еще вчера. Однако промышленного производства этих приборов в стране нет. Таким образом, эта, как, впрочем, и многие другие проблемы выходит за границы Крымского полуострова. Но ведь это не значит, что они должны оставаться нерешенными?

Многое из того, что накапливалось годами, в один день не решишь. С этим приходится соглашаться, читая мнения различных инстанций, призванных прийти на помощь Крыму. Возражения вызывает встречающаяся порой неопределенность слов, подразумевающая неопределенность действий. Так, согласно официальному сообщению Госкомприроды УССР, «в период 1988—1989 гг. приняты постановления о прекращении финансирования строительства рудника и дробильно-обогажительной фабрики на базе месторождения горы Гасфорт, цеха «Титан-3». Но закрыто ли финансирование на деле? Вразумительного ответа на этот вопрос нет и по сей день.

В том, что уникальная природа Крыма нуждается в экстренной помощи, убеждать вроде никого не надо. Однако в решении многих чрезвычайно важных вопросов дистанция от слова к делу по-прежнему велика, порой настолько, что преодоление ее кажется нереальным. Во всяком случае, при нашей жизни.

Так, который год подряд идут разговоры о необходимости использования нетрадиционных источников энергии. В Крыму есть все условия для того, чтобы энергия солнца и ветра смогла заменить многочисленные котельные, интенсивно коптящие небо. Есть здесь и установки, к сожалению, единичные, которые работают на солнечной энергии и многие годы значатся как «экспериментальные».

Сейчас всеми инстанциями, ответственными за экологическую ситуацию в Крыму, довольно четко обозначены причины теперешнего положения, именуемого не иначе, как бедственное. «Развитие промышленности, сельского хозяйства, увеличение численности населения, несвоевременный ввод природоохранных объектов, многоведомственность санитарно-курортных учреждений явились основными причинами отставания в социальном развитии курортных городов и зон, нерационального использования рекреационных ресурсов и ухудшения экологической обстановки в области», — говорится в ответе Крымского главного планово-экономического управления.

В письме, подписанном заместителем председателя Госплана Украинской ССР В. Поповым, отмечено также, что «засилье ведомств на крымских курортах привело к комплексности их застройки, низкой эффективности использования курортно-рекреационных ресурсов и в значительной степени к ухудшению экологической обстановки».

Многие специалисты, озабоченные судьбой курорта, отмечают, что решение крымской проблемы далеко не однозначно. На полуострове сегодня затянут узел острых, болевых вопросов, которые не могут быть решены поодиночке, в отрыве друг от друга.

Существует ли сегодня единый заказчик на строительство санаторно-курортных учреждений, гостиниц и объектов общекурортной инфраструктуры на курортах общесоюзного значения, в том числе и Крыма? Формально ответственность за проведение дальновидной «курортной политики» правительством возложена на ВЦСПС. Говорить о действительной ответственности ВЦСПС за положение дел на курортах не приходится: только в Крыму «командуют отдыхом» десятки ведомств, а если быть точнее, то крымские здравницы на 180 тысяч мест принадлежат 440 предприятиям 70 министерств и ведомств. Профсоюзы же располагают лишь 16 процентами от общего количества мест.

Нет секрета, как и почему произошел ведомственный захват Крыма, который продолжается и сейчас, и нет гарантии, что подоб-

ное положение не сохранится до тех пор, пока останется прежней экономическая основа существования курортных регионов.

«Санаторно-курортные учреждения Крыма не участвуют в формировании местных бюджетов. Весь доход идет многочисленным владельцам, а курортный сбор с каждой путевки — ВЦСПС,— подчеркивается в письме главного планово-экономического управления Крымского облисполкома.— Около полумиллиона населения связано с работой и обслуживанием курортно-рекреационного хозяйства, его основные фонды превышают 1,5 миллиарда рублей. Однако эта отрасль не является полноправной в народнохозяйственном комплексе Крыма».

«Не является полноправной» — это, по сути, означает, что курортный регион не может существовать с доходов от «индустрии отдыха». Для того чтобы его бюджет держался на плаву, крепнул и давал возможность решать вопросы социально-экономического развития области, в Крыму размещались многочисленные промышленные предприятия, порой абсолютно противопоказанные хрупкой природе полуострова, но финансово выгодные, обеспечивающие реальные деньги для местных бюджетов. К чему привела такая «сиюминутная» выгода, известно.

Местным Советам, обладающим, казалось бы, огромными богатствами, отпущенными природой, по сей день неведомо состояние экономического благополучия. Их можно (и, наверное, нужно) упрекать в чрезмерной уступчивости засилью ведомств, но и понять логику их поступков нетрудно. Мощные промышленные предприятия, добываясь права на место под крымским солнцем, как правило, сулят различные материальные блага — построить поликлинику, отремонтировать школу, помочь с транспортом и прочим. Чаше обещаний бывает больше, чем дел. В итоге гости-арендаторы строили поликлинику в Ялте более десяти лет, а десятки других посул оказались забытыми.

Председатель исполкома любого местного Совета в Крыму в роли постоянного просителя поистине стал притчей во языцех. Спросите мэров Ялты, Судака, Гурзуфа, Евпатории, Алупки, как дается им челобитие перед арендаторами по поводу выполнения былых обещаний, и услышите в ответ: «Так дальше быть не может».

Действительно, курортное дело не может ни существовать, ни развиваться дальше без комплексной программы развития курортов, всесторонне продуманной и обоснованной. И главное — без разработки экономических принципов организации индустрии отдыха, туризма, лечения.

Это же надо, в самом деле, суметь поставить дело так, что популярный курорт, ежегодно принимая 10—11 миллионов человек, отнюдь не процветает, а год от года ветшает, утрачивая свои уникальные свойства, расплачиваясь за наше неумение хозяйствовать лесами, чистотой моря, их целительной силой.

Многие экологические проблемы здесь могут быть решены только на основе научно обоснованной экономической платформы. Для создания совершенной защиты моря от стоков требуются современные очистные сооружения, начинку для которых на сегодняшний день можно приобрести лишь за твердую валюту. Надо наконец перестать говорить, а начать создавать на Южном берегу систему канатных дорог, которая решит транспортную проблему и уберет с узких улиц, почти вертикально уходящих вверх, истошно ревущие, нещадно чадающие автобусы. Но и здесь нужны деньги, валю-

та. Значит, у всесоюзного курорта должен быть свой валютный счет, регулярно пополняемый отчислениями министерств и ведомств, получивших прописку у Черного моря. Арендная плата владельцев здравниц за землю и пляжи, за возможность пользоваться лечебными и оздоровительными факторами уникального курорта должна регламентироваться четкими нормативами. Только тогда может быть сохранен климатический потенциал курорта. А для этого «необходима кардинальная перестройка управления курортным хозяйством страны, перевод его на принципы хозрасчета», — считает заместитель председателя Госплана УССР В. Попов. И с ним трудно не согласиться.

В настоящее время облисполком Крымского Совета народных депутатов направил в Совет Министров СССР и Совет Министров УССР проект закона «О статусе Крыма как курорта общесоюзного значения», требования которого предусматривают превращение курортно-рекреационной сферы в приоритетную отрасль народного хозяйства. Очень хочется верить, что рассматриваемый закон, будучи принятым, обеспечит защиту Крыма, убережет курорт от возможной экологической беды.

Ирина СТАРОСТИНА

ДАМБА, ИЛИ ГОРЬКИЙ УРОК НЕ ВПРОК?

Три последних года расположенный в Мариуполе комбинат «Азовсталь» вел активное наступление на Азовское море. Игнорируя протесты защитников окружающей среды, комбинат отсек дамбой в Таганрогском заливе 90 гектаров морской акватории для того, чтобы сваливать туда отходы производства.

Казалось, в наши дни, когда так весомо звучат голоса в защиту природы, подобное не может происходить. Увы, может...

Отсыпка дамбы осуществлена по проекту, разработанному в июне 1984 года Харьковским институтом «Водоканалпроект» в соответствии с проектным заданием на развитие второй очереди завода «Азовсталь», утвержденным Советом Министров СССР 7 июля 1971 года. Задание было согласовано с Центросанрыбводинспекцией (ныне ЦУРЭН) еще 11 ноября 1967 года.

Организаторы строительства, многие из которых считают себя активными сторонниками перестройки, уцепились за документы, принятые в годы застоя, принялись активно губить море. Понимая, что заключение от 1967 года явно устарело, проектную документацию пытались согласовать с ЦУРЭНом. Но здесь еще в 1980 году дважды отказывали в выдаче положительного экспертного заключения на строительство дамбы для отвалов мусора.

Недопустимость сооружения дамбы и сброса металлургических и других отходов в Азовское море неоднократно подтверждали Минрыбхоз СССР и Главрыбвод.

Они исходили из того, что засыпка прибрежной зоны Таганрогского залива отходами металлургического производства, а также вымывание вредных веществ из материала дамбы — шлака и скла-

дируемых отходов — приведут к ухудшению условий обитания и воспроизводства рыб и кормовых организмов. Сократятся нерестовые и кормовые площадки, загрязнится море.

Министерству металлургии было предложено решить вопрос об организации площадки для складирования мусора за пределами акватории и прибрежной зоны Азовского моря.

Все эти предписания давались в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 42 от 16 января 1976 года «О мерах по предотвращению загрязнения Черного и Азовского морей». Однако с ними не посчитались и в 1985 году начали строительство. Азоврыбвод, используя свои права, 18 сентября 1987 года вынес предписание о прекращении работ до согласования проекта с органами рыбоохраны. Предписание игнорировали. Азоврыбвод трижды: 14 апреля, 21 апреля и 31 мая 1988 года обращался в Орджоникидзевское отделение Промстройбанка СССР города Мариуполя с требованием о незамедлительном прекращении финансирования работ по отсыпке дамбы, однако финансирование было закрыто лишь после обращения Азоврыбвода в Азово-Черноморскую природоохранную прокуратуру.

Комбинат изъяс из рыбохозяйственного и водохозяйственного оборота часть акватории Азовского моря, не имея при этом разрешения на специальное водопользование, что является нарушением Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик. Строительство дамбы и отторжение от Азовского моря части его акватории не согласовано с соответствующими органами Минрыбхоза СССР и Минздрава СССР.

Азоврыбвод Минрыбхоза СССР предъявил комбинату «Азовсталь» иск на возмещение ущерба, причиненного рыбному хозяйству Азовского моря, на сумму более семи миллионов рублей.

Государственный арбитр Госарбитража СССР В. Арефьев, кроме представителей истца и ответчика, привлек к участию в заседании арбитража специалистов Госкомприроды СССР: ведущего биолога Н. Мельникова, ведущего инженера В. Евтюгова и главного гидробиолога Главрыбвода О. Черникову.

Представители «Азовстали» вначале иск отклонили. Они считали строительство правомерным, ссылались на ряд инстанций, от которых были получены одобрения, и представили контрсметы, из которых следовало, что ущерб составляет «всего» 5 миллионов 392 тысячи рублей 30 копеек.

Дальше — больше. После различных уточнений суммы ущерба, причиненного Азовскому морю, установлено, что он составляет лишь один миллион сто тысяч рублей. Почему так значительно понизилась сумма? Оказывается, исключили убытки, которые возникнут из-за отторжения от Азовского моря части акватории и эксплуатации склада отходов в будущем (определение размера этих убытков должно быть возложено на органы Госкомприроды УССР).

Но и во взыскании этих денег арбитраж отказал. Оказывается, стороны пришли к соглашению, что Минчермет СССР и комбинат «Азовсталь» обязуются возместить ущерб в размере более миллиона рублей, построив в 1989—1993 годах рыбоводно-мелиоративные объекты в Азовском бассейне, а это, согласитесь, лучше, чем просто взыскать деньги. Ну а в случае невыполнения этих мероприятий до 31 декабря 1993 года эта сумма подлежит взысканию с «Азовстали» в полном объеме.

М. МИРОНОВ

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ.**

Рост преступности среди молодежи и подростков вызывает особую тревогу общества. Лица в возрасте 14—29 лет составляют почти 60 процентов участников преступлений, а по отдельным видам — до 90. За 1977—1988 годы преступность среди 14—15-летних возросла вдвое. В 1989—1990 годах рост преступности среди подростков и молодежи продолжался.

Меняется состав несовершеннолетних участников преступлений. При относительно небольшом увеличении числа учащихся резко стало расти количество совершивших преступления несовершеннолетних рабочих, а также подростков, не занятых трудом и учебой.

Продолжается изменение структуры преступности. Смещение происходит в сторону корыстных преступлений: 67 процентов совершенных подростками преступлений составили кражи, грабежи и другие имущественные преступления. Для 14—15-летних этот показатель превышает 80 процентов.

Вызывают особую озабоченность противоправные группировки молодежи. Так, в Казани за последние полтора года выявлены 65 группировок антиобщественной направленности, объединяющих свыше тысячи человек. Среди причин такого положения — серьезные упущения во взаимодействии ведомств и общественности в воспитании молодежи, профилактике. Плохо велась работа по выявлению и разоблачению лидеров преступных групп, не обеспечивалась надежная охрана порядка. Благодаря гласности эти обстоятельства стали достоянием общественности. Определены конкретные меры. В Казани число сотрудников милиции, ежедневно задействованных в охране порядка, увеличено вдвое. В полтора раза возросла численность дружинников. К уголовной ответственности привлечено 75 лидеров, 65 из них осуждены к лишению свободы. Количество групповых драк в городе заметно сократилось.

МВД СССР продолжает оказывать помощь органам внутренних дел Казани. Но одной милиции успеха добиться трудно. Хотелось бы видеть более активное участие в решении проблемы молодежной преступности в Казани, да и в других городах, где в той или иной мере проявляют себя антиобщественные группировки, со стороны партийных, советских органов, общественных организаций, педагогических коллективов, родителей.

Приходится констатировать, что все чаще среди правонарушителей оказываются девочки. Пять лет назад они составляли менее четырех процентов среди несовершеннолетних участников преступлений, в настоящее время — 7. Более 60 процентов правонарушительниц еще в школе употребляли спиртные напитки, преждевременно начали половую жизнь. Ежегодно в приемники-распределители для несовершеннолетних доставляются до 20 тысяч девочек. Значительная их часть в период бродяжничества торгует собой, оплачивая таким образом проезд, временное жилье, питание, кровительство. Сейчас на учете органов внутренних дел свыше четырех тысяч проституток, более половины из них — молодежь, почти каж-

дая десятая до 18 лет. Не уменьшается количество венерических заболеваний. За год среди подростков их регистрируется более 14 тысяч. В числе зараженных почти 10 тысяч — девушки, причем каждая шестая не достигла 14 лет.

В предыдущих комментариях мы говорили о семейном неблагополучии как о факторе, крайне негативно влияющем на состояние преступности несовершеннолетних. В результате растущего числа разводов ежегодно 700 тысяч детей остаются в неполных семьях. Каждый год регистрируется полмиллиона детей, рожденных вне брака. Отсутствие должного контроля в неполных семьях приводит к безнадзорности подростков. За различные правонарушения в течение года около 900 тысяч несовершеннолетних попадают в милицию (в том числе почти 200 тысяч, не достигших 14 лет), в приемники-распределители помещается 100 тысяч детей и подростков.

Наиболее негативное влияние на детей оказывают родители, ведущие антиобщественный образ жизни. Именно из таких семей выходит большинство подростков и молодых людей, совершающих преступления. Серьезные недостатки имеются в индивидуальной воспитательной работе. На учете милиции сейчас более полумиллиона подростков. В их числе осужденные условно и с отсрочкой исполнения приговора, совершившие преступления до достижения возраста уголовной ответственности, наркоманы и токсикоманы. Но до настоящего времени комиссии по делам несовершеннолетних не закрепили общественных воспитателей за большей частью этих подростков. Ослаблен контроль комиссий за их трудоустройством. А тем временем в связи с переходом предприятий на хозрасчет все чаще приходится сталкиваться с нежеланием руководителей и трудовых коллективов принимать несовершеннолетних (тем более «трудных») на работу. Во многих случаях они вынуждены устраиваться в коллективы, где и моральный климат и условия труда не помогают исправлению.

И еще одна острая проблема. У значительной части подростков, состоящих на учете в милиции, в той или иной степени отмечаются отклонения в психическом и умственном развитии. На учете в органах здравоохранения состоит 1,4 млн. несовершеннолетних, имеющих психические расстройства. Многие из них систематически совершают правонарушения. Сколько-нибудь действенной системы их лечения и перевоспитания в стране нет. Мы имеем спецшколы и спецучилища системы Гособразования для тех детей, которые совершили грабежи, изнасилования, другие подобные действия, но не привлечены к ответственности в уголовном порядке по возрасту. В них не принимают подростков, имеющих психические и физические недостатки. Да и в целом эти учреждения способны принять в год не более 15—20 тысяч правонарушителей. Для сравнения — ежегодно около ста тысяч несовершеннолетних освобождаются от уголовной ответственности по возрасту и другим нереабилитирующим основаниям. Подавляющая их часть плюс около 80 тысяч получивших в суде отсрочку исполнения приговора остаются среди сверстников. Не случайно уровень групповой преступности у подростков вчетверо выше, чем у взрослых.

МВД СССР совместно с другими государственными органами реализует целый комплекс мер, направленных на совершенствование профилактики, улучшение воспитательной работы с «трудными». Созданы подразделения по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи. Профилактическая служба объ-

единила инспекции по делам несовершеннолетних, воспитательно-трудовые колонии, приемники-распределители для несовершеннолетних. Ведется поиск новых, нетрадиционных форм работы. В частности, возможности приемников-распределителей для несовершеннолетних используются для проведения психолого-педагогических консультаций, помощи трудным подросткам, педагогам и воспитателям. В штаты этих подразделений вводятся квалифицированные специалисты — психологи, медики, юристы. По согласованию с Прокуратурой СССР и другими ведомствами мы приступили к эксперименту по оказанию приемниками-распределителями помощи подросткам, оставшимся без средств к существованию.

Планируется создание центров социальной помощи подросткам, разработка программы педагогического всеобуча родителей, идет проработка предложений о преобразовании комиссий по делам несовершеннолетних в комиссии по социально-правовой защите детей.

Ведется работа, направленная на недопущение передачи преступных традиций несовершеннолетним. С этой целью принято решение о создании специальных следственных изоляторов при ВТК. До 1995 года будут созданы условия для того, чтобы осужденные к лишению свободы подростки отбывали наказание только в области, крае, республике по месту их постоянного жительства.

По-прежнему не снижается острота в борьбе с употреблением и распространением наркотиков. Сейчас в стране зарегистрировано 118,2 тысячи человек, хотя бы один раз задерживающихся в связи с употреблением наркотиков. Среди них почти каждому второму при обследовании в медицинских учреждениях поставлен диагноз «наркомания». Работа с этими лицами направлена в первую очередь на осуществление добровольного лечения. В то же время 1240 человек, злостно уклоняющихся от лечения, помещены на лечение в принудительном порядке.

Однако главные усилия направлялись на ликвидацию рынка наркотических средств. Сюда входит контроль за производством, хранением, продажей наркотиков, обнаружение и уничтожение дикорастущих массивов и подпольных плантаций растений, являющихся сырьем для их изготовления, а также выявление и разоблачение изготовителей, притоносодержателей и других распространителей наркотиков.

Острота проблемы не снята: на резкое сокращение базы растительных наркотиков дельцы наркобизнеса отреагировали повышением цен в два-три раза. Стало расти число лиц, употребляющих сильнодействующие лекарства, не отнесенные к категории наркотических, но дающие близкий эффект, так называемых психотропных средств. В прошлом году раскрыто более тысячи хищений в лечебных учреждениях, на базах и в аптеках. В Москве, Ленинграде, Кирове выявлены подпольные лаборатории по изготовлению наркотиков. Наркоманами совершено 28 471 преступление, что на 9,3 процента больше, чем в 1988 году.

В составе Главного управления уголовного розыска создан межрегиональный отдел, работающий в республиках Средней Азии и Казахстане. Силами этого отдела, в частности, разоблачена большая группа сбытчиков наркотиков, деятельность которой охватывала значительную часть страны. Обнаружено 200 кг готового гашиша, изъято оружие.

Но все это, пожалуй, только сдерживающие меры. Необходимо создать единую общегосударственную программу.

ПОБЕДА, РОДИНА И ДОЛГ

Беседа нашего корреспондента Владимира Журавлева с маршалом авиации, дважды Героем Советского Союза, лауреатом Ленинской премии, заслуженным военным летчиком СССР Е. Я. Савицким.

— Товарищ маршал, прежде всего позвольте поздравить Вас с праздником Победы, который мы отмечаем вот уже 45-й раз. Интересно, где Вы встретили 9 мая 1945 года?

— Я находился в те майские дни в местечке Фалькензее западнее Берлина, был командиром 3-го истребительного авиационного корпуса Резерва Верховного Главнокомандования. Берлин пал, а мы еще воевали. Знали о том, что на Родине уже празднуют победу, но вынуждены были выполнить свой воинский долг до конца и вести этот последний бой. Около 400 фашистов было уничтожено, 1450 взяты в плен. Помню, ко мне привели полковника. Он говорил по-русски и оказался референтом Геббельса с русской фамилией Ростовцев. Он был жалок. Как выяснилось, из бывших графов, в Германию вывезен еще ребенком, воспитывался в духе ненависти к Советской власти. Этого русского в форме гитлеровского полковника мы отправили в Москву, его дальнейшая судьба мне неизвестна. А я на другой день поехал в Берлин и оставил, как и многие, автограф на рейхстаге, нацарапав ключом на одной из колонн: «Летчик-истребитель Евгений Савицкий».

— Какое чувство вы испытывали как победитель?

— Огромную радость. Вся прежняя жизнь промчалась в коротком головокружении. Как у каждого, наверное, победителя. Я ощутил себя в тот миг не командующим корпусом, не генерал-лейтенантом, а бывшим новороссийским беспризорным Женькой Савицким, разорявшим лотки нэпманов, воспитанником детдома ОГПУ, учащимся ФЗУ, молодым рабочим, из-за куска хлеба одержавшим победу на ринге над иностранным матросом. И путь к победе уже не казался невероятно трудным, рискованным, опасным, каким он был на самом деле.

— Евгений Яковлевич, если вдуматься в происхождение слова «победа», нетрудно понять, что наши далекие предки не случайно избрали корнем этого слова «беду», через которую надо было пройти, чтобы выстоять, выжить всем смертям назло.

— Да, наш путь к победе действительно лежал через беду, сквозь тяжелейшие испытания, которые потребовали напряжения всех жизненных сил, мужества, самопожертвования. Не каждый в

силах преодолеть такое испытание, ведь мы справились с коварным, хорошо обученным и вооруженным противником, который покорил всю Европу, даже к Москве подходил.

— Кое-кто из военных историков пытается провести мысль о том, что, мол, война была выиграна численным преимуществом, непомерно большим числом жертв и жестокими законами военного времени.

— О недостаточной подготовленности к войне сказано и написано уже немало, поэтому давайте все-таки обратимся к главному вопросу: почему, несмотря на невероятнейшие беды, мы победили?

Многочисленное, но необученное, слабо вооруженное войско само по себе ничего не стоит. Недаром даже «покоритель Вселенной», как он себя называл, Чингисхан одерживал свои победы благодаря передовой военной технике того времени, которую он вместе со специалистами захватывал в качестве трофеев. Гитлер, как известно, вообще поставил под ружье не только огромную немецкую армию, но и армию сателлитов, а также научно-технический потенциал почти всего континента. Короче, давайте искать ответ по существу. Еще в тяжелейшем 1941 году, 15 декабря, английская «Таймс» в обзоре «Победа русских» отмечала: «Москва явилась серьезной проверкой людей, техники и командования, тяжелым испытанием, которые русские выдержали лучше, нежели их противник». Видите, какое признание, а ведь именно в то время, да и позже гитлеровцы пытались оправдать свой разгром под Москвой то русским морозом, то бездорожьем, то невероятным количеством техники. Теперь же кое-кто пытается представить из нас этаких гуннов, которые брали числом, а не умением. Есть еще и другая категория аналитиков, считающих, что мы выиграли войну благодаря жестокой руке, принудительной дисциплине. Да, дисциплина была, но она вытекала прежде всего из высокого чувства ответственности большинства наших солдат, от рядового до маршала, от готовности держать ответ перед высшим трибуналом — своей совестью.

— Вам довелось в годы войны, да и в мирное время плечом к плечу служить вместе с замечательными полководцами и военачальниками Г. К. Жуковым, С. А. Красовским, А. М. Василевским, С. С. Бирюзовым, С. И. Руденко, К. А. Вершининым, И. Д. Черняховским и многими другими. Какими они запомнились вам?

— Командующий войсками Западного и 3-го Белорусского фронтов, генерал армии дважды Герой Советского Союза Иван Данилович Черняховский был мне знаком еще со времен комсомольской юности. Это был парень из нашего города Новороссийска, работал когда-то бондарем на цементном заводе, потом окончил курсы шоферов. С другими я познакомился в разные годы, но в основном в войну.

Довольно часто, когда говорят о военачальниках, а тем более таких, как, скажем, Г. К. Жуков, то чуть ли не обожествляют их. К чему такое идолопоклонство? Это были земные, плоть от плоти дети своего народа. Вот и Георгий Константинович Жуков, которого мне довелось видеть не только на белом коне на параде Победы, но и в дни беды. Помню первую встречу с ним в январе 1942 года. Меня вызвали в подмосковную деревню Перхушково, где находился штаб фронта, и командующий поставил задачу: полететь на разведку, установить расположение штаба противостоящего нам гитлеровского корпуса и уничтожить его.

Мы выполнили задание Г. К. Жукова. Начав воевать под Москвой, я участвовал в битвах за Сталинград, Кавказ, Таврию, Белоруссию, Прибалтику...

— Вы — почетный гражданин Вильнюса. Какими были бои за этот город?

— Начиная бои на литовской земле в составе соединения 3-го Белорусского фронта, которым командовал И. Д. Черняховский, мы встретили ожесточенное сопротивление гитлеровцев, особенно на подступах к Вильнюсу. Фашисты основательно укрепили его, превратили в настоящую крепость, которая, по их замыслу, должна была стать преградой на пути к Восточной Пруссии.

Ступив на литовскую землю, мы были наслышаны о том, что здесь уже успели сделать гитлеровцы во время оккупации. Еще накануне войны Геринг в своей так называемой «Зеленой папке» дал директивы: «В прибалтийских странах германским органам следует опираться на немцев: использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышами и русскими».

За три года оккупации гитлеровцы истребили почти четверть населения этой республики, они разрушили восемьдесят процентов промышленных предприятий и, подобно деревням Белоруссии, сожгли многие селения дотла. В одной из литовских деревень — Пирчюняей я услышал об этих чудовищных преступлениях, но сколько других спаленных селений довелось увидеть.

Наш аэродром находился под Вильнюсом в десяти километрах от города у селения Порубанок. Здесь были мой командный пункт и 78-я истребительная дивизия, а также рота танкистов 3-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. Т. Обухова, выделенная нам для охраны.

Когда на аэродром сели наши первые самолеты, летчиков встретили местные жители на бричке, предложили помощь. Ну, какая тут, казалось бы, может быть помощь гражданских лиц, думал я, но вскоре фашисты выбросили в район Вильнюса большой десант — около 100 транспортных самолетов, затем еще. Положение нашего полевого аэродрома стало критическим. Вот тогда я и вспомнил о местных жителях. Найти их было нетрудно. Пришли седой мужчина и женщина, владеющая русским языком. Разговорились, и я объяснил, что нам приходится туго, бомбят, стреляют, словом, нужны земляные капониры для укрытия людей и техники.

Мужчина и женщина о чем-то посоветовались и сказали, чтобы мы показали им место земляных работ и дали эскизы с указаниями размеров нужных укрытий. Потом я уехал к танкистам и вернулся поздно. Утром глазам своим не поверил: по всему полю высотой около полутора метров высились земляные заграждения. Там работали в основном женщины и дети. Они носили землю ведрами, носилками, а кое-кто даже в кухонных кастрюлях. Я смотрел на худые, изможденные, уставшие лица и не знал, как отблагодарить этих женщин, детей, стариков. Хотелось подойти и обнять каждого как родного. Вскоре начался артобстрел. Я попросил всех закончить работу и укрыться в соседнем леске.

А спустя несколько дней местные жители устроили нам концерт у одного из капониров. Пришли воины из двух полков, устроились кто как мог, а сельские жители, женщины и их дети образовали хор. Никто из наших бойцов понять не мог слов песни, но мелодию помню и сегодня. Литовка-переводчица сказала тогда, что эта песня

о Даугаве, и нам, огрубевшим в боях, эта песня напомнила близкое и дорогое, родной дом.

Затем я попал в Вильнюс. Мы въехали в город в одном бронетранспортере с генералом В. Т. Обуховым. Вокруг еще шли бои. Отступая, фашисты запирали людей в подвалы, устраивали пожары. Неподалеку от улицы Базельской они согноли в костел около трех тысяч жителей, чтобы обречь их на гибель, но к костелу пробилась наша стрелковая рота и предотвратила преступление. Мы с Виктором Тимофеевичем Обуховым услышали о запертой в каком-то подвале группе людей. Устремились туда, но было уже поздно — фашисты всех расстреляли. Среди жертв оказалось много женщин.

Мысленно возвращаясь к далекому времени, я часто думаю о том, как могло случиться, что кое-кто забыл о большой беде, которую принесла война, развязанная фашистами, о многих жертвах среди гражданского населения и, конечно же, среди фронтовиков.

Бои за Литву были тяжелыми. О них сегодня напоминают братские могилы, в которых лежат и мои товарищи, однопольчане по истребительному авиакорпусу. Кстати сказать, за успехи в боевых действиях по освобождению Литвы наш авиакорпус был награжден орденом Кутузова II степени. Кроме того, на знамени корпуса есть другая награда — орден Суворова II степени. 32 наших летчика стали Героями Советского Союза.

— Вы удостоены этого звания дважды. Сколько боев у вас на счету?

— Я совершил 216 боевых вылетов, сбил 22 самолета противника лично и 2 в группе. Но были бои и на земле, особенно в тех населенных пунктах, куда мы вступали нередко сразу же за танкистами. Там происходили самые непредвиденные ситуации, и тогда приходилось браться за оружие рукопашного боя. Случались всякие ситуации. Однажды, заняв населенный пункт и еще не успев как следует расположиться, услышали стрельбу из нашего же дома. Оказалось, что это мой шофер Петр Остапенко палит куда-то. Спрашиваю: «Кого пугаешь, Петр?» А он отвечает: «Фрицы, гады, «виллис» украли». Выяснилось, что он оставил в машине ключ зажигания, а тут откуда ни возмись шестеро фашистов. Видимо, где-то прятались, а увидели машину, да еще с ключом, ну и деру дали. Что тут было делать? Петр Остапенко решил эту проблему посвоему. Ночью отправился в тыл к немцам, прошел десять километров и в одной из деревень, где стояли эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова», из-под носа у часовых увел «опель-капитан». Прямо детектив! Жаль, не дожил этот находчивый и храбрый солдат, уроженец Полтавщины, до дня Победы. А сколько других однопольчан, рядовых, командиров, политработников, навечно остались лежать на пути от Москвы к Берлину?!

...Мне довелось увидеть и «холодную войну». 24 июня 1945 года я был участником парада Победы в Москве, а уже в конце того же года, продолжая проходить службу в Германии, однажды вылетел на «ЯК-3» с аэродрома Дальгов в Бранденбург. Согласно Потсдамскому соглашению, это была советская зона, и союзники сюда без разрешения не летали, как и мы к ним. И вдруг вижу: летит мне наперерез истребитель «Тайфун» с опознавательными знаками Великобритании. Я насторожился: что случилось с союзником, может быть, заблудился? Но почему он в таком случае летит мне наперерез, будто на перехват?

Английский самолет резко покачал крыльями, что я понял как

вызов — давай, мол, померяемся силой моторов. Меня поразила откровенная наглость, и я бросил свою машину в сторону англичанина. Он быстро среагировал, и завязался воздушный «бой», разумеется, без пушечных и пулеметных выстрелов. Впрочем, спортом это тоже назвать было нельзя, а скорее попыткой припугнуть, мол, хоть и победитель, Иван, но не зазнавайся. В общем, у меня были все основания проучить иностранного летчика. Как только он ни выкручивался, ни сопротивлялся, а в хвост ему я все-таки зашел, что, собственно говоря, и требовалось доказать, хотя за это могли и наказать.

Поначалу так оно и случилось. Когда история о первом послевоенном поединке дошла до маршала Жукова, меня отстранили от командования корпусом. А через несколько недель маршал вызвал меня в свой штаб. «Будете разговаривать с товарищем Сталиным», — сказал маршал Жуков. Вскоре зазвонил телефон. На проводе был Сталин. Я подробно доложил о встрече с английским летчиком, а Сталин спросил: «Значит, ваша машина лучше английской, и вы победили в этом, как вы говорите, навязанном бою?» Я убежденно ответил, что да, наш истребитель лучше.

Понимаю, читателей может заинтересовать вопрос, что я думаю о бывшем Верховном главнокомандующем. Скажу прямо, мне, как военному человеку, ближе взгляды в воспоминаниях маршала Г. К. Жукова. Мне же доводилось встречаться со Сталиным только дважды. Первый раз в годы войны, когда меня вызвали в Кремль, а затем на воздушном параде в Тушино в 1948 году, памятном для меня многими событиями, в том числе и рождением дочери Светланы.

— Евгений Яковлевич, вы единственный человек на планете, чья дочь стала дважды Героем Советского Союза, летчицей-космонавтом, первой из женщин, шагнувшей в открытый космос. Как стал возможен феномен Светланы Евгеньевны Савицкой?

— Меня об этом спрашивают часто. Что тут сказать? Как отец, я, конечно, испытываю радость и гордость за свою дочь, но то, что она совершила, является без преувеличения результатом ее собственной целеустремленности, трудолюбия, упорства. Мы с женой Лидией Павловной, в последние годы секретарем Кунцевского райкома партии, оба всегда были заняты работой, дома нам никто не помогал. Домработниц никогда не было, все всегда делали сами, к этому приучили и детей, дочь и сына. На них не распространялись никакие льготы детей генерала, а затем маршала. Светлана ни разу не ездила в моей служебной машине, не имела никаких привилегий ни в одежде, ни в других благах, росла, как растут нормальные дети в трудовых семьях. Возможно, моя служба в авиации и рассказы о войне и небе в какой-то степени помогли ей сделать жизненный выбор, но не больше, ибо все остальное она совершила сама. Школьницей записалась в аэроклуб, прыгала с парашютом из стратосферы, поступила в МАИ, летала на самолетах, участвовала в соревнованиях. Ну, чем мог я помочь ей, скажем, на чемпионате в Лондоне, где она стала чемпионом мира по авиаспорту?

Это большое достижение по существу и открыло ей путь в космос. Но, повторяю, я как отец ей не помогал, а, пожалуй, даже мешал. Кому хотелось брать на себя двойную ответственность, если бы что-то случилось?

— Когда-то в начале века В. И. Ленин писал: «Рабочий класс России доказал и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать

небо». На ваших глазах эти пророческие слова стали былью. Наша страна стала пионером освоения космоса, достигла других высот. Правда, в последние годы принято говорить не столько о достижениях, сколько о нерешенных проблемах. Ваше отношение к ним?

— Прежде всего меня волнуют негативные процессы, которые тормозят экономические и социальные преобразования. За десятилетиями мирной жизни, к сожалению, очень поздно наше общество пришло к мысли о необходимости перестройки на более динамичные пути развития всех сфер нашей жизни. Если бы мы могли решать все научно-технические и социальные проблемы так успешно, как осваивалось воздушное и космическое пространство, мы бы не говорили сегодня не только о нерешенных проблемах, но и бедах, явившихся прямым результатом отступления от заветов В. И. Ленина. Будучи убежденным коммунистом, состоящим в партии уже около 60 лет, я с особой болью вижу упущения в воспитании молодежи. Понятно, когда в начале двадцатых мое поколение вынуждено было беспризорничать, попадать в детские дома, колонии. Но ведь мы и выходили оттуда людьми, получившими путевку в нормальную трудовую жизнь. Теперь же приходится слышать изо дня в день о детях-сиротах, о неблагополучии в исправительно-трудовых колониях, где нередко не только не исправляются, а выходят рецидивистами. Причем молодые люди с одной, а иногда и несколькими судимостями приходят служить в армию. Они приносят с собой не только разного рода внеуставные отношения, но и воинские преступления, в том числе такие, как хищение оружия, уход с ним из расположения части. Эти явления вытекают из упущений в воспитании молодого поколения, в отходе от тех традиций, которые помогают побеждать беды.

— Сейчас идут большие дебаты, какой должна быть наша армия: или формироваться по принципу всеобщей воинской повинности, или это должна быть профессиональная армия?

— Давайте смотреть здраво. В случае создания профессиональной армии каждому рядовому надо платить 800—1000 рублей в месяц, а офицеру и того больше. Если государство способно изыскать такие средства, мы, военные, конечно, проголосуем за профессиональную армию, куда будут приходить воины, обученные в ДОСААФ, по призыву и собственному желанию избравшие ратную службу. Возможно, когда-то так и будет, но сейчас, мне думается, мы далеки от реальности в решении этой проблемы, и на армию надо смотреть с учетом возрастающих требований, чтобы не ослабить обороноспособность Родины. 41-й год не должен повториться никогда. Вот почему забота об армии сегодня — это забота о завтрашнем дне каждой советской семьи, каждого гражданина.

— В настоящее время готовится Закон об обороне СССР. Каким бы Вы хотели видеть его?

— Приказом Министра обороны СССР образована постоянно действующая внештатная Военно-законодательная комиссия, которая должным образом изучает все накопившиеся в последние годы нерешенные армейские проблемы. Намечаемые меры, как мне представляется, в определенной степени снимут социальную напряженность в войсках, в частности, по такому острому вопросу, как социальная и правовая защищенность военнослужащих. Не буду говорить о суровом быте, о трудностях службы как таковых. Не это сегодня составляет главную боль защитников Отечества, а то, что

в своем же Отечестве находятся люди, которые хулят свою армию на чем свет стоит, да и не только хулят, а вот и стреляют, поднимают руку на тех, кто, выполняя приказ, защищая законные права граждан, охраняет жизнь многих людей, оказавшихся в беде.

Особую тревогу вызывает судьба семей военнослужащих, проходящих службу в зонах конфликтов. Это же надо — до чего мы дожили, что спустя 45 лет после войны ввели в свой обиход термин военного времени «беженцы»?

— Товарищ маршал, наша беседа была бы неполной, если бы мы не затронули тему воинов-афганцев.

— Знаете, я как человек военный скажу о том, что с очень большим уважением отношусь к воинам, выполнившим в Афганистане интернациональный долг. Я в прошлом тоже воин-интернационалист. До Великой Отечественной исполнял этот долг в Маньчжурии, после войны — в Корее. Знаю по себе, как тяжела война вдали от Родины. Участвовать в ней очень трудно. Даже сознание того, что ровесники прогуливались с девушками по улице Горького в то время, когда под Кабулом шел бой, делало каждого воина-афганца участником тяжелейшего испытания, не говоря уже о боях в горах. Когда-то гитлеровцы направили на Кавказ дивизию «Эдельвейс». Это были специально обученные, прошедшие тренировки в Альпах части, а в Афганистане сражались не подготовленные для боевых действий в горах воины. Короче говоря, давайте уважать труд наших воинов, державших в руках оружие Родины, доказавших верность фронтовому братству.

В нашем обществе сейчас происходят сложные процессы, но они не должны размывать, разрушать наше историческое наследие, память о победе предков, уважение к мужеству.

— Товарищ маршал, разрешите поблагодарить за беседу и еще раз поздравить Вас, а также всех ветеранов Великой Отечественной войны и тех, кто продолжает крепить их традиции, с всенародным праздником Победы!

СОВЕТАМ— РЕАЛЬНУЮ ВЛАСТЬ

Как этого добиться? Повысить роль местных Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве и усилить их ответственность за комплексное социально-экономическое развитие территории. Комплексность предусматривает сочетание территориального и отраслевого принципов планирования. Приоритетное же развитие социальной сферы возможно осуществлять, лишь учитывая все ресурсы и резервы территории, возможные способы их интенсивного и рационального использования. Понятно, что оперативно разрешить все эти вопросы можно лишь с переходом регионов на принципы самофинансирования, самоокупаемости и самоуправления. А для этого местным Советам народных депутатов требуется соответствующая правовая и материальная база.

Правовые основы расширения прав и повышения ответственности местных органов в новых условиях хозяйствования были созданы Законом Союза ССР «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР» от 27 ноября 1989 года, постановлениями Совета Министров СССР, которыми на принципы регионального хозрасчета с 1990 года переведены некоторые союзные республики и другие крупные регионы страны.

Для укрепления материальной базы местных Советов целесообразно сосредоточить в их ведении все вопросы организации производства товаров народного потребления, непосредственное руководство строительным комплексом, социально-бытовым, торговым и культурным обслуживанием населения, городской инфраструктурой, природоохранной деятельностью. В связи с этим встает вопрос о передаче в местное подчинение ряда предприятий и организаций союзных и республиканских министерств и ведомств, продукция и услуги которых идут на удовлетворение потребностей населения данной территории.

Но даже сделав и этот шаг, мы не сможем решить все проблемы повышения ответственности местных Советов народных депутатов за развитие территорий, если не будут найдены и введены в действие новые источники доходов бюджета, создана прочная материальная и финансовая основы, достаточные для того, чтобы местные органы могли развивать экономику подведомственных территорий, не прибегая к помощи государственного бюджета. Обязательным условием здесь, на наш взгляд, является положение, что каждое предприятие, каждая хозрасчетная организация независимо от отраслевого подчинения должна определенной частью своей прибыли или доходов участвовать в формировании местного бюджета. Это будет способствовать установлению и укреплению юридически закрепленных экономических отношений между трудовыми коллективами и Советами народных депутатов. Не менее важно и другое. Расходы на социально-экономическое развитие таким образом ставятся в непосредственную зависимость от эффективности производ-

ства и конечных производственных результатов, достигнутых на данной территории. В отношении кооперативов такой порядок действует. Налоги на их доходы поступают в районные бюджеты.

В формировании доходов местных бюджетов должны участвовать ресурсные платежи в виде платы за воду, за трудовые ресурсы, за пользование землей.

Следующим направлением укрепления финансовой базы местных Советов в условиях самофинансирования и самоуправления может стать разрешение на введение местных (муниципальных) налогов и сборов.

Например, в городах нашей страны на уборку, благоустройство и озеленение затрачиваются огромные бюджетные средства. В 1990 году из бюджета г. Москвы на эти цели выделено 247 миллионов рублей. А в городах ФРГ, Нидерландов, некоторых других стран службы благоустройства бургомистратов являются самокупающимися, порой даже прибыльными, поскольку чистота в городах поддерживается за счет средств владельцев домостроений и частных компаний и фирм благодаря местному налогу.

Другим видом местного налога могут стать экономические санкции за нарушение природоохранного законодательства.

В условиях хозяйственной реформы местным Советам должно быть предоставлено право выпуска облигаций, займов, ценных бумаг, другими способами аккумулировать свободные средства предприятий, организаций, кооперативов, отдельных граждан.

Необходимо шире развивать и деятельность подведомственных Советам предприятий и организаций с выходом их на внешний рынок. Одним из назревших вопросов является переход к валютной самокупаемости местных Советов.

Многие новые элементы в хозяйственную жизнь территорий внес Закон «О кооперации в СССР». Уже к началу 1990 года в Москве, например, было зарегистрировано около 15 тысяч кооперативов самых различных направлений. Общий объем кооперативных товаров и услуг в 1989 году превысил 5,5 млрд. рублей.

Умело направляя развитие кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности на территории, Советы народных депутатов могут добиться, что она станет действенным средством укрепления материальной базы местных бюджетов. Ведь в соответствии с действующим законодательством плата за патенты, подоходный налог с граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, тех, кто работает по регистрационным удостоверениям, остается в полном распоряжении местного Совета. Налоги с доходов кооперативов, их членов и лиц, работающих там по трудовым соглашениям, также поступают в распоряжение Совета, исполком которого зарегистрировал устав данного кооператива. Местные Советы могут шире использовать возможности кооперативов для развития производства товаров народного потребления и разнообразных услуг населению, что особенно важно в условиях территориального хозяйственного расчета и самообеспечения.

Итак, в условиях самофинансирования и самокупаемости территорий повышается не только роль перспективных и текущих планов, но и местного бюджета. Они служат инструментами экономического воздействия на все расположенные здесь предприятия. Возрастает также и значение решений городского и районных Советов народных депутатов, поскольку расширяются их полномочия.

Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)»

установлена обязанность предприятий активно участвовать в проводимой Советом народных депутатов работе по обеспечению комплексного экономического и социального развития территории, лучшего удовлетворения потребностей населения (п. 4 ст. 9 Закона). В свою очередь, местные Советы призваны налаживать взаимодействие с трудовыми коллективами и их советами в обеспечении комплексного развития на своей территории. Обеспечить эту задачу в совокупности можно только в условиях самофинансирования и самоуправления территории. Новый хозяйственный механизм позволяет Советам усилить воздействие на формирование планов объединений, предприятий и организаций по вопросам, относящимся к ведению Советов, имея в виду более полное удовлетворение социальных нужд трудящихся.

Однако возникновение экономических взаимоотношений Советов и предприятий должно гарантировать соблюдение при этом прав трудовых коллективов. Без такой гарантии ведомственный диктат, от которого экономика страны отходит в ходе осуществления радикальной экономической реформы, может быть подменен точно таким же административным диктатом территориальных органов управления.

Поэтому необходимо накапливать опыт правового и экономического регулирования взаимоотношений Советов народных депутатов с трудовыми коллективами, с Советами вышестоящего и нижестоящего уровней, с органами общественного самоуправления. Нужно учиться решать проблемы населения в условиях развивающихся рыночных отношений, замены жесткого плана госзаказом. Необходимо совершенствовать законодательство о кооперативах в части их взаимоотношений с Советами. А углубляя радикальную экономическую реформу, одновременно подкреплять и дополнять ее правовыми актами.

И. ЧЕРНИК,
юрист

КАКИМ БУДЕТ СЛЕДСТВИЕ?

Сейчас большое внимание уделяется улучшению работы правоохранительных органов и особенно следственного аппарата. И это не случайно. Растет количество нераскрытых преступлений, ощутимо падает профессиональный уровень работников розыска и дознания, снижается их авторитет, а организованная преступность все чаще заявляет о себе.

Как повысить качество следствия? Лично мне выход видится в более кардинальном решении проблемы автономии следствия. На мой взгляд, достигнуть этого можно, только выведя его из подчинения МВД, КГБ и прокуратуры, то есть выделив следствие в независимую самостоятельную структуру.

Возможно, таким конституционным органом в стране могла бы быть Следственная комиссия при Верховном Совете СССР, которую он имеет право образовать согласно статье 122 Конституции СССР. Эта комиссия была бы подотчетна Верховному Совету СССР через Комитет по вопросам законодательства, законности и правопоряд-

ка, что позволило бы ему анализировать деятельность Следственной комиссии, давать заключения о соответствии ее практики нормативным актам по борьбе с преступностью.

Подобная перестройка следственного аппарата в условиях гласности, демократии и укрепления народовластия вселила бы твердую уверенность в реальное усиление борьбы с преступностью. Но не менее важно и то, что такая перестройка гарантировала бы укрепление прав граждан и социалистической законности, исключение всякой возможности попыток узурпации власти, злоупотреблений, недопущение впредь необоснованных репрессий и незаконных, позволила бы с большей гарантией вести следствие объективно и квалифицированно, осуществлять в необходимых случаях маневр силами, оперативно-техническими средствами в зависимости от возникающих задач по усилению борьбы с преступностью, в том числе и организованной.

Следственная комиссия при Верховном Совете СССР, если она будет образована, должна иметь небольшой, высококвалифицированный аппарат. Она может быть укомплектована в значительной степени за счет личного состава следственных подразделений МВД, КГБ и прокуратуры при условии наличия у следователей достаточной юридической, профессиональной подготовки и соответствующих личных качеств.

Важность усиления борьбы с организованной преступностью возрастает еще и потому, что быстрое развитие внешнеэкономических, торговых и иных связей СССР с зарубежными партнерами может быть использовано коррумпированными преступными элементами для установления контактов с международной мафией в целях наркобизнеса, незаконных валютных операций, спекуляций материалами и т. п.

Перестройка следствия, на мой взгляд, позволит органам милиции и КГБ больше уделять внимания улучшению дознания, розыска, организационным вопросам, оперативной работе в интересах усиления борьбы с преступностью. Прокуратура же СССР и ее органы получили бы более широкие возможности по осуществлению надзора за выполнением организациями, ведомствами, должностными лицами законов и постановлений правительства, а также за ведущимся следствием по уголовным и иным делам.

За Следственной комиссией и ее органами на местах, естественно, будут закреплены административные помещения, которые занимает сейчас следственный аппарат МВД, КГБ и прокуратуры, а также все следственные изоляторы.

На мой взгляд, основными направлениями в деятельности объединенного следственного аппарата могут быть борьба с особо опасными государственными преступлениями, хищениями в особо крупных размерах государственной, кооперативной и другой общественной собственности, воинскими преступлениями, взяточничеством со стороны руководящих должностных лиц министерств и ведомств, уголовными деяниями, наносящими ущерб внешнеэкономической деятельности, экологии страны, а также ведение следствия по тем сотрудникам правоохранительных органов, которые допустили наказуемые в уголовном порядке противоправные действия в отношении советских граждан, иностранцев и лиц без гражданства.

Д. КУКУШКИН,
кандидат юридических наук

ПОСЛЕ УРОКОВ... В БАНДУ

...На Арбате несколько молодых людей затолкали в подворотню двух подростков и сняли с них кроссовки и «варенки», бросив взамен какое-то тряпье.

...Неподалеку от Комсомольской площади четверо юных верзил с криками «Знай чебоусарцев!» зверски избили паренька, отобрали у него джинсы и меховую шапку.

Только два эпизода. Два происшествия в Москве. Именно там, где больше всего милиции, где легендарный МУР и многое другое, что должно на самом высоком уровне поддерживать общественный порядок, защищать людей от преступников.

На самом деле таких эпизодов не два. Их сотни. А то и многие тысячи. И все их объединяет одно: грабили, раздевали, избивали подростки.

Ставшая доступной для всех с недавних пор уголовная статистика раскрыла глаза на грустный и тревожный факт: в стране произошел заметный рост преступности среди несовершеннолетних. Если всего несколько лет назад доля несовершеннолетних среди правонарушителей составляла 10 процентов, то к сегодняшнему дню она достигла 15 процентов. Ныне 40 процентов преступлений подростков носит организованный групповой характер.

Фактор «организованной силы», численное превосходство (пятеро — семеро на одного!) позволяют группировкам подростков безбоязненно (не встречая сопротивления со стороны жертвы!) и безнаказанно (уголовная ответственность маловероятна!) совершать дерзкие разбойные нападения, грабежи, хулиганские действия, квартирные кражи.

Что же представляют собой эти группы? Хотя если иметь в виду то, что создаются они для нападения и порой вооружены ножами, кастетами, металлическими палками, то и называть многие из них надо бандами.

Прежде всего следует сказать, что сама среда подростков-правонарушителей — это особый «слой общества». Со своими установками, своими взглядами на жизнь, моралью, внутренними «законами» и, как правило, искаженными представлениями о законах государственных. И эти искаженные представления — одна из причин, почему они безбоязненно идут на многие преступления. Так под влиянием бывших осужденных многие подростки считают, что за первую и вторую кражи им «ничего не будет». Убеждение в безнаказанности доходит до откровенной глупости: в городе Фрунзе группа несовершеннолетних, специализировавшаяся на квартирных кражах, была уверена, что «за 17 краж ничего не будет, а вот за 18-ю привлекут!» Откуда такая глупая уверенность? Во многом от того, что ребята убеждены в правдивости своих «бывалых» лидеров, в знании ими жизни и умении ловко обойти закон, улизнуть от ответственности. Тем более что во многих случаях преступлениями подростков «дирижируют» взрослые подстрекатели и организаторы. Ведь не секрет, что, как правило, это лица, ранее судимые, которые лживыми побасенками о воровской солидарности фактически «загребают жар» руками ребят, подвергая их опасности, а сами остаются

в тени. Так, несовершеннолетний Валерий П. на следствии скрыл роль «дяди Рената», который учил его воровать и посылал «на дело». И только в колонии Валерий понял, что он лишь «шестерка» в его руках. Но «дядя Ренат» остался на свободе, а он, Валерий, оказался в колонии.

Каждая подростковая группировка имеет свое название — «контора», «группа риска», «группа бизнеса» и другие. Здесь есть свои лидеры — в возрасте 19—20 лет. «Старики» (или «боевики») — помладше, лет по 16—18. Самую низкую ступень занимает «шелуха» — 14—15-летние подростки. В группах имеется своя касса — «общаг», из которой лидеры финансируют тех, кто попал в заключение, больницу, финансируются также похороны «своих». Есть в группах и свои «идеологи», которые утверждают, что «контора», другие «группы риска» — это для «настоящего мужчины», который именно здесь может почувствовать себя «полноценным» человеком. Расчет психологически точен и достаточно эффективен. Действительно, представьте себя на месте подростка: дома его ругают родители, в школе — учителя. А «контора», наоборот, его защищает и дает возможность «проверить себя»: поиграть во «взрослые игры с жесткими правилами». Это ближе, понятнее, чем заформализованные классные и комсомольские собрания, нудные нотации родителей и учителей.

Бытует мнение, что в преступные группы идут ребята разболтанные, которым чужда какая-либо дисциплина. Так ли это? Ведь на самом деле в организованных преступных группах молодежи существует жесткая дисциплина. Один из принципов: попался — отвечай сам. Говори: ничего не знаю, никакой группы нет, действовал один. В ходе предварительного следствия над каким-нибудь из попавшихся «группа» ведет свое контрследствие. По утрам проводят «планерки» с теми, кого вызывает следователь. Вечером обсуждают показания и вырабатывают план, как обойти закон и уйти от ответственности.

Сегодня несовершеннолетние правонарушители действуют по формуле «незаконно, но выгодно». Возьмем группы «бизнеса». Юные спекулянты за день «делают денег» больше, чем их родители получают за полмесяца — месяц своей напряженной работы. О какой морали, о каком честном труде можно говорить с такими ребятами?

Посмотрим правде в глаза: в этих новых изменившихся условиях наша правоохранительная система в лице службы профилактики правонарушений несовершеннолетних, следствия и суда зачастую не достигает главной социальной цели — заставить оступившегося подростка осознать свою ошибку и не повторять ее в будущем. Безнаказанность за первое (второе-третье) правонарушение порождает «преступный ком»: совершение подростками новых правонарушений, остающихся опять-таки безнаказанными. И на закон они начинают смотреть как на мифический жупел, которым только запугивают. Иное дело группа...

Организаторы преступных групп молодежи обладают не только «связями», деньгами, но и нередко недюжинными организаторскими способностями. Они осуществляют внутри «своих» групп «судебные функции» в виде так называемых «разборов» конфликтов, споров, возникающих в группах. И главное, сознательно насаждают в своих «конторах» физические расправы и жестокость, чтобы каждый подросток знал: за нарушение заговоров «конторы» пощады не будет.

Пройдя «школу» в преступных группировках, они не боятся следствия и суда, того, что их могут «закрыть» (арестовать) и осудить. К этому их уже подготовила «контора». Подготовила и наша гуманность, и наше всепрощенчество. Организованная преступность подростков достигла таких размеров и жестокости, что требует ужесточения правовых мер борьбы с ней. Конечно, в первую очередь это должно относиться к «лидерам» и «боевикам» подобного рода группировок.

Прошло 10 лет, как органы внутренних дел получили в свою подследственность уголовные дела несовершеннолетних. Тогда казалось, что объединение в МВД СССР всех государственных функций по борьбе с подростковой преступностью — профилактической (инспекции по делам несовершеннолетних), розыскной (уголовный розыск), следственной и исправительно-воспитательной — позволит воздвигнуть достаточно надежные «оборонительные бастионы». Увы, приходится с сожалением признать: жизнь опрокинула эти надежды. «Ножницы» между состоянием подростковой преступности и состоянием борьбы с ней не уменьшились, а в последние годы даже возросли. Более того, «вал» молодежной преступности продолжает расти и дальше.

И, конечно, пора дать четкие ответы на ряд вопросов, связанных с подростковой преступностью. И прежде всего можно ли ожидать положительных результатов от «женской профилактики»? Вопрос этот связан с тем парадоксальным фактом, что большая часть многотысячного корпуса сотрудников вчерашней инспекции по делам несовершеннолетних, а ныне службы профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи — женщины. Проводимая ими «индивидуальная профилактика» вызывает лишь улыбку у несовершеннолетних правонарушителей. В социальном плане эта профилактика также малоэффективна: почти 50 процентов подростков, состоящих на учете в ИДН, вновь совершают преступления.

Совершенно очевидно, что необходимо всю «армию ИДН» включить в практическую работу по выявлению и пресечению деятельности подростковых групп, создаваемых для совершения преступлений. То распыление функциональных обязанностей этой службы, которое ныне существует, не гарантирует и в будущем успеха профилактики организованной преступности несовершеннолетних.

Продолжают демонстрировать свой невысокий профессионализм по раскрытию и расследованию преступлений несовершеннолетних аппараты уголовного розыска и следствия. К тому же из обеих служб продолжается отток квалифицированных кадров. Поскольку именно на работников уголовного розыска и следствия падают наибольшие служебные и психофизиологические перегрузки в борьбе с преступностью, люди просто не выдерживают и уходят. А где взять новых? Ведь становление профессионала-сыщика и профессионала-следователя требует не одного и не двух лет.

Кроме того, по подсчетам ученых, на стыке взаимодействия уголовного розыска и следствия теряется до половины всей информации, имеющей доказательственное значение по делу. Причины потерь — профессиональные и управленческие просчеты и пробелы. Характерны в этом отношении дела «о налетах на Москву», организуемые приезжими молодежными группами. Совершаемые преступления, по словам самих налетчиков, укладываются в простую схему: выбирают жертву, окружают ее впятером — всемером, создают «силовое кольцо» и требуют «обменять» дорогостоящие вещи:

куртки, шапки, джинсы на их тряпье. При сопротивлении в ход пускается «численное превосходство», а нередко ножи и «другая арматура».

Многие из таких подростков находятся у себя дома под следствием, имеют подписку о невыезде. И тем не менее уезжают в столицу и совершают новые преступления. Их не пугает арест и скамья подсудимых. Они хорошо знают следственно-судебную практику и «прикидывают» ее на себя. А она такова: уже в ходе следствия около 40 процентов несовершеннолетних правонарушителей освобождаются от уголовной ответственности. Приплюсуйте сюда освобождение от отбытия наказания и условное осуждение. И получается, что реальному наказанию подвергается чуть более одной трети несовершеннолетних правонарушителей. Недаром большинство подростков считает, что за первое и второе преступление им «ничего не будет».

Как же справиться с организованной преступностью подростков? К сожалению, на этот вопрос до сих пор нет конкретных ответов ни у наших ученых, ни в органах внутренних дел, ни в прокуратуре. А время не ждет. Пока законодатели и правоохранительные органы раскачиваются, вал подростковой преступности растет.

Если серьезно, то, конечно, в основе роста организованных форм этой преступности лежит совокупность экономических и социальных факторов. Это в общем-то ясно. Так что же — ждать, пока изменятся эти факторы? Неужели правоохранительные органы уже сейчас не имеют современных возможностей для борьбы с молодежной преступностью?

Имеют, разумеется. Возьмем, к примеру, Казань. Город до недавнего времени буквально гремел чуть ли не как центр организованной преступности молодежи в стране. Стал, как говорится, притчей во языцех. Действительно, там не только его окраины, но и центр терроризировали банды подростков. И все же с недавних пор здесь удалось навести порядок. Для этого пришлось провести большую работу. И прежде всего выявить и привлечь к уголовной ответственности десятки «лидеров» преступных групп. 45 подросткам суды отменили отсрочки исполнения приговоров. А других наиболее активных милиция держит в поле оперативного наблюдения. Почувствовав опасность и неизбежность наказания за свои «фокусы», они тут же поутихли.

Утром и вечером возле школ выставляются родительские патрули. Созданы рабочие группы из работников службы профилактики милиции с участием сотрудников прокуратуры города. На их заседания приглашаются «лидеры» групп подростков с родителями, классными руководителями, участковым инспектором милиции. Каждому «лидеру» и его родителям делается под расписку официальное предостережение. Таким путем удалось нейтрализовать деятельность 30 дворовых «лидеров».

Как только в милицию поступает сообщение о концентрации подростков у дискотек или на улицах, туда немедленно направляются силы оперативного реагирования. Это позволило предупредить ряд массовых драк.

Конечно, работники правоохранительных органов понимают, что молодежь невозможно полностью уберечь от разного рода антиобщественных влияний. Однако более согласованная и продуманная организация работы службы профилактики, уголовного розыска, следствия, прокуратуры и судов должна обеспечить активизацию

борьбы с организованной преступностью подростков и уже сегодня внести перелом в эту работу. На это нацелена комплексная программа борьбы с организованной преступностью, принятая на втором Съезде народных депутатов СССР. Надо включить на полную мощь все «рычаги» правоохранительных органов, провести перегруппировку их рядов и профилактических связей со школами, ПТУ, семьями подростков, комсомолом, с общественностью по месту их работы и жительства. Это и обязанность всех нас, взрослых. Ведь не зря говорят: организованная преступность несовершеннолетних — это «выстрел в спину общества».

Б. ПЕТЕЛИН,
кандидат юридических наук,
доцент Академии МВД СССР

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Жительница г. Самарканда В. Королева произвела обмен квартиры. Вскоре выяснилось, что квартира, куда она переехала, имеет скрытые дефекты. В. Королеву такие «сюрпризы» не обрадовали, и она потребовала обратного обмена. Но ей стали чинить препятствия. Об этом наша читательница написала в редакцию.

Претензии В. Королевой рассмотрены Самаркандским областным Советом народных депутатов совместно с народным судом Багишамальского района Самарканда. Решением народного суда обмен признан недействительным. В. Королева переселилась в прежнюю квартиру.

* * *

Разрешение спорных вопросов по соблюдению Правил дорожного движения между водителем автомашины и сотрудником ГАИ стало поводом для письма нашего читателя из г. Пензы В. Тарасова. Он интересовался, каким образом водитель может отстаивать свой взгляд в конфликтной ситуации.

На письмо читателя ответил начальник Госавтоинспекции Пензенской области А. Козлов. Он довел до сведения В. Тарасова (мы считаем, что это будет полезным знать не только ему), что, согласно действующему законодательству, водитель может написать объяснение, обосновав свое несогласие с действиями сотрудника ГАИ.

Кроме того, он имеет право обратиться к командованию подразделения, где служит сотрудник, составивший протокол о конфликте. Далее, если у водителя все же останутся сомнения в объективности рассмотрения его заявления, он может обратиться к руководству областной Госавтоинспекции.

Последней инстанцией является народный суд.

ПРЕСТУПНОСТЬ:

Организаторы и исполнители

ВЫСТРЕЛЫ НА РАССВЕТЕ

ПОПЫТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Идут минуты... Я жду, когда его приведут в эту комнату, где табуретки привинчены к полу. Пустые проемы готовы донести в коридор любую случайность, которая может случиться. Тревожно ли мне...

Подхожу к окну. Несколько полинявшее, но еще высокое синее южное небо. Зелено-рыжий наряд деревьев. Ушла жара ашхабадского лета. Время, когда тепло еще разлито в воздухе. А мне зябко. Оттого ли, что здесь так прохладно, или от нервного ожидания.

В эти минуты мысли как-то очень быстры. И о том ли сейчас думается.

Вдруг приходит в голову, что в не такой уж короткой жизни не раз приходилось видеть, говорить с преступниками. В колониях, но там они все-таки были уже несколько другие. Охотно шли на разговор. Там, в несвободе и изоляции, любой новый человек вызывал у них интерес, там они все в той или иной степени становились «философами». С удовольствием делились своими размышлениями и ощущениями с корреспондентом: «Гражданка начальница, разрешите обратиться...»

Сейчас его приведут сюда, получится ли разговор. С ним, бандитом и убийцей... Но все же еще и с человеком.

Да простит мне читатель, если я несколько отвлекусь и обращусь к личному. Там, в холодной комнате следственного изолятора, мне неожиданно подумалось, что в жизни этой и меня, и многих из нас не раз убивали... Убивали предательством друзья и любимые, молчанием товарищи, когда могло оживить только одно сказанное ими слово. Сваливали почти замертво отступничеством...

Такие вот мысли, такие ассоциации. Но ведь после все-таки жилось, реанимировали обстоятельства, обязывающие жить, люди, которые, сами проходя через это, говорили: будем жить дальше. И ты жил.

Конечно, после пережитого каждый раз в душе что-то отмирало, но все-таки оставалось самое главное, дарованное нам — жизнь человеческая. Здесь совсем другое...

Фамилии изменены.

Шаги в коридоре. В дверном проеме — молодой парень. Рядом с невысоким следователем он кажется глыбой, крепкой и сильной.

— Здравствуйте, Азиз,— начинаю я.— Можно поговорить с вами?

Его право отказаться, уйти. Глаза смотрят усмешливо-снисходительно.

— Отчего ж не поговорить?

Как начать разговор? Ведь не так же прямолинейно, в лоб: расскажи, как грабил, убивал?

— Как тебе здесь, в изоляторе?

— Прекрасно, отдыхаю.

Вопрос о том, обижают ли, отпадает сам собой, когда вижу его здоровенные, крепкие бицепсы и взгляд уверенного в своей силе человека.

Постепенно разговор выстраивается. Но мы говорим не о том, о чем узнала я, прочитав несколько томов уголовного дела. С виду неглупый, очень неглупый парень. Энергичный и предприимчивый. Стоит только вспомнить, с какой изобретательностью он продумывал и совершал преступления. Так сказать, «мозговой центр» своей банды.

— Слушай, а ведь с твоей головой и энергией ты и так мог жить неплохо, учиться, зарабатывать.

Говорю и чувствую, как иронично смотрит он на меня и какими примитивно-убогими кажутся ему мои рассуждения.

И все-таки он согласно кивает головой:

— Может быть. Знаете, я ведь немало читал, даже серьезное что-то пытался осиливать. Скучно.

— Что же не скучно?

— Приключенческая литература. Особенно «Граф Монте-Кристо».

Итак, любимый герой и пример для подражания — граф Монте-Кристо.

— И ты всерьез считаешь, что в том, что делал граф и творил ты, есть что-то общее?

— А что? Ведь и у меня есть мечта, идея, только о ней не будем. Без нее человеку нельзя.

— Но все-таки твоего кумира не назовешь столь жестоким.

— А почему вы думаете, что я жестокий? Ведь я им ничего плохого не делал.

— Ну, знаешь, даже отбросив те два убийства,— тут я с ужасом ловлю себя на мысли: господи, да что же это я с такой легкостью говорю о вещах ужасных, страшных?! — Не хотела бы я оказаться связанной в багажнике, когда меня всю ночь возят по городу и неизвестно, чем это кончится...

— Но ведь не убивали же...

— А те двое?

— Только одного зря, а второго надо было убить. Если б не я его, так он бы меня.

Как же он присвоил себе право решать, кому жить, кому нет. По праву силы? Нет, пока я еще не поняла, почему. Может быть, еще раз почитать его показания? Посмотреть документы, чтобы пришло понимание.

— А тебе не кажется, что графа Монте-Кристо из тебя все-таки не вышло?

— Ну посмотрим... Мне сейчас 25. Выйду лет через десять.

Вот такой он сам себе срок отмерил за свои преступления. Сам себе определил...

— Не думаешь, что может быть самый худший для тебя исход? Нелегко задать такой вопрос, даже зная, кто перед тобой сидит.

— Я надеюсь.

Помолчав, говорю:

— Конечно, как без этого. Знаешь, есть такое изречение латинское. Произношу по-латыни: «Пока дышу, надеюсь».

А кому-то уже не на что надеяться. Тем, кого он с сообщниками лишил жизни...

Неожиданно помолчав, Азиз смотрит мне прямо в глаза и произносит:

— Вы не поверите, но ведь у меня даже не было любимой девушки. Я, по существу, никого и не любил...

И посчитав, что эта невольно вырвавшаяся фраза показала его какую-то слабость, поднимается:

— Можно я пойду?

В дверном проеме оборачивается и просит:

— Повторите еще раз, как это звучит по-латыни, ну эта фраза: пока дышу, надеюсь.

Я повторяю...

Из материалов дела:

31 мая 1989 г. около дома № 165 по ул. Айтакова г. Ашхабада была обнаружена автомашина «Москвич-2140», госномер 25-01 АША, принадлежащая АТСП Минздрава ТССР. В салоне машины и на частях кузова имелись пятна бурого цвета, похожие на кровь. Данная машина закреплена за гр-ном Манько С. С., местонахождение которого не было известно. В связи с этим было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 107 УК ТССР. (Статья 107 УК ТССР — умышленное убийство. — Авт.).

Потерпевшая Манько Т. А. показала, что 30 мая ее сын Сергей около 7 утра ушел на работу. Одет был в брюки синего цвета фирмы «Монтана», светлую рубашку, на ногах были шлепанцы. На руках часы импортные фирмы «Ориент». Сын домой больше не вернулся.

Свидетель Холопова Т. Н. показала, что утром около 8 часов Манько выехал из гаража, в тот день он должен был обслуживать сотрудников поликлиники № 8. Больше в гараж не вернулся.

Свидетель Кулиева М. А. показала, что 30 мая водитель Манько в поликлинику № 8 не приехал.

УБИЙСТВО... ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Предрассветные сумерки — время особенно тихое. Смолкли ночные запоздалые звуки и шум машин. Еще не пробудились утренние голоса города. В эти часы сны бывают особенно крепки. Духота июньской ночи расплзается, заполняя город. Темные окна домов укрывают ночную жизнь людей.

Но вот в это беззвучие врываются, сокрушают тишину выстрелы. Четвертого июня около пяти часов утра в пятом микрорайоне именно они так внезапно и неожиданно кинули из постелей разбуженных жителей к окнам. Многие, не зажигая света, прильнули к стеклам, вглядывались во двор. Потом свидетели расскажут, что стрелявших было двое. Один чуть повыше, оба в белых рубашках. Они убегали, огибая пустырь. Кто-то из жителей крикнул в окно: «Эй, что вы там делаете?» В ответ прозвучали выстрелы, сначала

по тому окну, из которого слышали голос, потом еще по одному, в котором горел свет.

Бежали двое к школе номер один. Там неожиданно увидели сторожа. Заметил и он их, стал следить за бежавшими, но, увидев, что обнаружен, что в его сторону направлено ружье, спрятался.

Успели скрыться и «стрелки».

Из рассказа начальника отделения уголовного розыска Советского РОВД г. Ашхабада капитана милиции А. Арутюняна:

«Когда мы — начальник РОВД А. Поздняков, его заместитель Ю. Саркисов и я — прибыли на место происшествия, милицейский наряд уже обнаружил на месте стрельбы труп молодого мужчины с четырьмя пулевыми ранениями. Рядом валялись отстрелянные гильзы от ружья и, видимо, в спешке оброненный патрон. Лицо погибшего было изуродовано выстрелом. И все-таки зональный участковый уполномоченный предположил, что убитый — житель этого микрорайона Александр Силин».

Квартира Силина оказалась пустой. Но все говорило о том, что тут были гости. Неубранный стол с остатками закусок, пустые бутылки свидетельствовали о том, что гульба кончилась совсем недавно. Подтвердили и соседи: да, у Силина сегодня, как и нередко в последнее время, собирались компании. Установить личности гостей удалось быстро.

В их числе был и знакомый Силина Азиз Гусейнов. Выяснилось, что он дольше других оставался в квартире, потому мог быть последним, кто видел Силина в живых.

Из рассказа начальника отделения уголовного розыска Советского РОВД А. Арутюняна:

«Гусейнов сразу привлек наше внимание. Держался он настороженно, видно было, что сильно нервничал. Конечно, можно понять состояние человека, которому сообщили о смерти товарища. Но Гусейнов путался, давая показания, противоречил сам себе. То утверждал, что Силин пошел провожать выпившего гостя и не вернулся, а через несколько минут сообщал новую «историю» о том, что Силин пригласил его, Гусейнова, пойти в одно место, куда должны подъехать его знакомые, предложившие ему совершить нападение на кассу. Из машины вышли трое, удалились с Силиным, чтобы обговорить подробности. Потом с той стороны раздались выстрелы. Силин крикнул ему: «Убегай!» Все, больше он ничего не знает.

Однако, сравнивая эти показания с показаниями других гостей, мы пришли к выводу, что он лжет. А значит, что-то скрывает. Что? Пять часов шла отработка показаний Гусейнова, и на каждый его довод находился у нас контраргумент, уличающий его в надуманности схем, которые он пытался навязать нам. Момент признания наступил как-то сразу, и вот тогда прозвучали слова: «Мы его с Олегом убили...» И подробно рассказал, как это произошло».

В тот вечер Силин гулял с друзьями. Заливал отчаяние. Вот уже который день не мог найти он сбежавшую от него Анжелу. Она и раньше исчезала на время после скандалов, когда, случалось, после выяснения отношений оставались на теле синяки. Но возвращалась. А в этот раз ее отсутствие затягивалось. Отчего Силин и психовал.

Не берусь оценивать их отношения. Но то, что Силин хотел вернуть назад Анжелу, бесспорно. Только вот в силу своих моральных

устоев делал это в духе собственника, лишившегося того, что, казалось, принадлежало ему.

Дважды приходил на квартиру к ее бабушке, но та сказала, что внучка давно уже не появлялась дома. Не поверил, устроил скандал, угрожал. В результате был доставлен в отделение милиции и оштрафован. Через какое-то время опять заявился по этому адресу и опять услышал, что старушка сама не знает, где внучка, облил керосином дверь и веранду и поджег.

В тот вечер, будучи уже крепко выпивши, встретил на улице своего знакомого Азиза Гусейнова.

— Слушай, не знаешь, где Анжела?

— Знаю, могу даже пойти с тобой, это тут, в четвертом доме. Только давай еще малость подзаправимся...

Дал Силину 30 рублей на две бутылки водки. Уже под утро, когда все было выпито, Силин напомнил:

— Пошли...

— Давай только зайдём за Олегом, лишний не будет.

Олег Митрохин, разбуженный дружкой, без лишних слов поднялся — он привык подчиняться Азизу.

— Возьми ружье. Может пригодиться.

— Ты что, правда решил помочь этому?..

— «Поможем». Что-то он стал намеки делать, что знает много. Еще шантажировать, слизняк, вздумает.

— Иди, поможешь собрать, — позвал Митрохин Силина.

Вдвоем они собрали обрез. Да, Силин сам собрал оружие, из которого прозвучали выстрелы у подъезда дома № 4, где якобы находилась Анжела.

Азиз стрелял в упор. А когда Силин упал, выстрелил еще раз и опять в упор, в голову.

— Теперь ты, — обернулся к Митрохину.

Тот разрядил обрез четыре раза. Но, как показала судебно-медицинская экспертиза, стрелял уже в мертвого.

Потом палили по окнам — ведь их в этом квартале могли узнать.

Сотрудники милиции, осматривая обстрелянные квартиры, нашли в них картечь, скорее всего самодельную. Вывод был однозначен — эти расплющенные свинцовые плашки оказались идентичными тем, что найдены несколько дней назад в багажнике машины «Москвич» № 25-01.

Из материалов дела:

По подозрению в совершении убийства гр-на Силина А. И. был задержан Гусейнов А. Д., у которого были обнаружены документы на имя Манько С. Н. Гусейнов признал, что убийство Манько им совершено совместно с Митрохиным. В связи с этим оба уголовных дела объединены в одно производство.

В СТАРИННОМ ГРАФСКОМ ДУХЕ!..

Продолжение разговора в следственном изоляторе

— И все-таки ты что, действительно хотел помочь Силину найти Анжелу или...

— А чего ее искать, когда она несколько дней жила у меня.

Если бы я не знала остального, если бы я не читала материалов уголовного дела...

Вроде даже и искренне звучит сейчас его презрение к Силину, который позволял себе так обращаться с женщиной.

— Она, кстати, не первый раз скрывалась от него у меня. Приходила с синяками. Нет, вы не думайте, мы с ней не жили, хотя я ее и приодел, подарил несколько платьев (кстати, из ворованных.— Авт.). Вот и решил проучить Силина, чтоб над ней не издевался.

Никак все-таки не удается мне понять, когда он искренен, а когда позирует под графа. Этаким благородный рыцарь, защитник слабых, карающий зло? Может, это еще остатки того доброго, что было заложено в нем природой, но что разъедалось злом, творимым им с легкостью по праву силы?

— Я по его глазам видел, что если я его сегодня не убью, так он меня завтра ментам сдаст...

Может, в тот момент опасность быть разоблаченным, которая исходила от Силина, родила страх, вскинувший ружье? Нет, в этом он никогда не признается, потому что страх — удел слабых, он же всегда уповал на силу.

— Этого надо было. Вот того, Манько, жаль. Он ведь один у матери. А еще суд будет, увижу ее...

Стоп. Что это он дал себе расслабиться? Опять уходит в себя. Проглянет что-то человеческое и мгновенно растает.

Вроде и не наивный я человек, но почему-то все-таки думалось, что хоть какие-то намеки раскаяния увижу, а тут... О жутких, страшных делах говорит спокойно, так спокойно, что озноб бьет.

Вот только руки его... Пальцы, сцепленные крепко, до побеления... И ни страха, ни упрека себе...

А может быть, все-таки был страх от разоблачения, от того что донесет, «продаст» Силин, знавший об их делах?

Что-то не складывается, не складывается образ защитника, карающего зло. Нет, не вырисовывается граф Монте-Кристо.

«Самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что нехорошо поступил, хоть и безо всякого раскаяния. А эти... не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что имели право и... даже хорошо поступили. И заметьте, все это молодежь, то есть именно такой возраст, в котором легче всего и беззащитнее можно попасть под извращение идей».

Слова эти принадлежат не криминологу, не специалисту «по исправлению и перевоспитанию», не психологу. Хотя того, кто сделал это наблюдение, можно по праву считать и тем, и другим, и третьим. Это Ф. М. Достоевский. Вторая часть цитаты — словно про того, с кем беседовала я в следственном изоляторе.

Человек идет в первый раз на преступление не вдруг, а потому, что готов к нему в силу состояния души. Во второй — потому, что легкость и безнаказанность рождают надежду: пронесет и в этот раз. Одно тянет за собой другое. И потому мотивы каждого последующего преступления лежат в предыдущем.

ЧТО МОГ ЗНАТЬ СИЛИН?

Информация из республиканской газеты:

«Начиная с сентября прошлого года в Ашхабаде был совершен ряд тяжких преступлений, разбойные нападения на квартиры граждан, государственные учреждения, кражи личного имущества, уго-

ны автомашин. Все это время они оставались нераскрытыми. Работникам милиции не удавалось выйти на след преступников».

Из материалов дела:

«В период с 15 октября 1988 г. по 4 июня 1989 г. организованная Гусейновым банда в составе Кондратова и Митрохина осуществила ряд дерзких бандитских нападений на граждан, учреждения, в ходе которых были совершены убийства при отягчающих обстоятельствах Манько С. Н. и Силина А. И., причинены менее тяжкие телесные повреждения, завладели личным имуществом граждан, осуществили бандитские нападения с целью завладения государственным имуществом».

Октябрь 1988 года. Здесь ли точка отсчета? Если преступлениям банды, то да. Что же касается Гусейнова, то он, считай, уже лишний год гулял на свободе. Именно за год до октября 1988 года он впервые совершил преступление. Тогда умысла причинять кому-то вред, красть не было. Надо было выйти из неприятного положения, в которое попал. И в руках держал не обрез, а обыкновенную стамеску, с помощью которой открыл ночью дверь отдела кадров своей бывшей работы. Бывшей, потому что уволили его за прогулы по неуважительным причинам. А чтобы дальше не осложнять себе жизнь из-за подобной записи в трудовой книжке, решил похитить ее...

Но сколько не искал в сейфе свою книжку, не нашел. С досады ли, со злости ли, что сорвалось, прихватил несколько чужих трудовых книжек. Правда, они были ему не нужны. А вот найденные в кабинете вещи: норковая шапка, плащ, японский зонтик и прочая «мелочь» — пригодились. Легко и просто, что называется, «без вопросов» в прямом и переносном смысле этого слова продал, как говорится в деле, «случайным лицам». Ну а трудовые книжки? Запалил подходящий костер и сжег их.

Горел тот костер круто, он словно разделил прошлое и будущее. Стал началом «октября 1988 года».

— Надо работать головой и быть уверенным,— объяснял Гусейнов своему напарнику Сашке Кондратову за несколько дней до их первого совместного дела.— Вот у меня в руке пистолет. Игрушка детская. Хотя, согласись, сделана здорово. А со страху вообще не отличишь. Но ей надо действовать так, будто уверен, что настоящая пушка. Тогда ты — хозяин успеха. А потом, чего мандражить? Мы с тобой все теперь знаем, когда в столовой народу меньше всего, когда выручка скопилась...

— А в случае, имеется это...— Кондратов показал Азизу баллон с «Черемухой».

— Пойдет...

Вот и вышел из дверей столовой последний отобедавший. Они видели это из своего «укрытия». В пустом зале было тихо, только кассирша за кассой о чем-то увлеченно беседовала с женщиной в белом халате, тоже работницей столовой. Взяли по стакану компота, не торопясь выпили, еще раз огляделись. Можно. К кассе подошли не торопясь. Сашка еще тогда успел подумать: «Во дает Азиз, словно не раз такое проделывал». А тот быстро достал из кармана пистолет-игрушку, вскинул руку, направив его прямо на кассиршу. Сашка успел увидеть круглые глаза ее напарницы и, как договорились, направил ей в лицо струю «Черемухи». После сразу же подбежал к открытому сейфу, сгреб деньги, лотерейные билеты.

И вдруг кассирша закричала, вскочила с места. Но тут же замолчала — Азиз ударил ее рукояткой пистолета по голове. А в дверях уже толпились сотрудники столовой.

— Молчать, кто хочет жить, — пистолет подействовал мгновенно. — Все на месте, пока мы уйдем.

Но они не пошли, а побежали. За углом увидели такси. Оно остановилось. Бросив шоферу: «В аэропорт, опаздываем», почувствовали облегчение, когда тот с ходу дал газ.

— Вот тебе и игрушка, — смеялся позже, дома у Кондратова, Азиз, когда делили деньги. Их оказалось немало — больше трех тысяч.

— Главное, как легко прошло, — согласился Сашка.

— А я что говорил — уверенность и расчет, — голос Азиза звучал по-хозяйски покровительственно. — Башка для того, чтоб думать. Заранее все просчитать.

— Вот и билетки лотерейные, может, тут «Волга», — потряс Кондратов пухлой пачкой.

— А вот у тебя башка не работает, — умерил его пыл Азиз, — тут не «Волга», а ментам наводка. Думаешь, трудно проверить, куда поступала эта серия. Так что сожжем их.

Для чего человеку дана голова? Банальный вопрос. Ответ на него известен. Вопрос в другом — на что употребит человек данное ему от природы умение соображать. Во вред или во благо.

Снова вспоминаю разговор с Гусейновым в следственном изоляторе. Пребывание в нем, общение в камере со «знатоками уголовного кодекса» не прошло для него впустую.

— Меня следователь пытается представить главарем банды. Будто я всем руководил, — его самоуверенность сменяется излишней скромностью. Ибо выгодней предстать перед судом рядовым участником групповых преступлений. — Да у Олега Митрохина самого голова хорошо работает.

Но именно Гусейнов продумывал все детали предстоящих дел, изучал предварительно обстановку на месте будущего преступления. Позже, когда стали совершать «налеты» на квартиры, узнавал номера телефонов этих квартир, распорядок дня жильцов, когда они бывают дома, а когда квартира пуста. В ходе следствия у него изъяли выполненный им чертеж автозаправочной станции, на которую они совершили нападение, чтобы похитить выручку.

Воспоминание об этом эпизоде вызывает у него досаду. Как и еще о тех двух, когда вроде все продумали, но сорвалось. Были у них две попытки похитить крупные суммы денег в государственных предприятиях.

Первая — прямо хоть анекдот рассказывай. Азиз не мог себе простить, как они «фраернулись» тогда. Как по-глупому большие деньги уплыли у них из рук. И главное, что пистолет-игрушка опять подействовал, когда они ворвались в кабинет начальника одного из РСУ, где находился кассир, получивший именно сегодня (Азиз знал это точно из предварительно проведенной «подготовительной работы») зарплату на все управление. И тот, «козел», безропотно поднял руки вверх, когда они с Сашкой ворвались в кабинет и схватили портфель с деньгами. Портфель с деньгами! Ему выть от злости хочется, когда вспоминает. Умнее их оказался тот кассир. Положил в портфель сверточек — ну точь-в-точь деньги завернуты, а сам их в карманах держал. Тоже, наверное, голова работает.

Такая «невезуха» словно подхлестнула их. И уже очень скоро, рассчитав и продумав вроде все до мелочей, снова решились на грабеж.

Был у них теперь похищенный мотоцикл, все тот же действующий «безотказно» пистолет-игрушка. Проследили, как кассир одного из РСУ вышла, получив зарплату, и села в автобус. Они на мотоцикле обогнали этот автобус и стали ждать его приезда на территорию республиканской детской больницы. Вот автобус въехал на территорию, пассажиры вышли. Кассирша с деньгами осталась в нем одна. Азиз ворвался в салон, схватился за сумку. Да, все вроде они рассчитали. Но вот не учли одного, что могут встретить сопротивление женщины и случайно оказавшегося рядом рабочего. Одним словом, произошло то, что в деле, после описания этого эпизода, зафиксировано: «Вынуждены были отказаться от своего намерения и скрылись на мотоцикле, не доведя своего преступления до конца по не зависящим от них причинам».

По их преступному следу можно бы проследить, как множатся наглость и дерзость. Как одно тянет за собой другое. В деле много эпизодов, которые вменяются этой банде. Они связаны с насилием над личностью пострадавших, с неоднократными угонами машин, с кражами и грабежами. Иные, когда, захватив машину и затолкав хозяина в багажник, они всю ночь кружат по городу, развлекаются,— свидетельство цинизма и издевательства над тем, кто слабее.

ОТЧЕГО У МЕНЯ СОМНЕНИЯ!

Все это время, а прошло уже немало после возвращения из командировки в Туркмению, не покидают меня сомнения. Вроде возьмусь за перо, начну писать, а что-то словно стопорит, останавливает. Спрашиваю себя: а то ли это дело, о котором надо писать? И в первую очередь вот почему. Мне все кажется, что читатель пролистает те страницы, на которых появится материал. Теперь ему подавай процессы громкие, где бы миллионы фигурировали, где бы имена, известные всем, звучали. Вот тогда он вздохнет прочтет статью или очерк. Тогда разговоров с товарищами, знакомыми хватит не на один день. Читатель теперь не только почитать в газете, журнале подобное любит, но и поговорить о прочитанном, а скорее даже не о прочитанном, а вообще о ситуации, о том, куда «они нас завели, а сами между тем что делали-то»... Еще и к публикации добавит от себя о том, что слышал и знает «наверняка». И во многом прав будет, говоря и размышляя «о всеобщей коррупции, взяточничестве», одним словом, о том, насколько прогнили власть предержащие.

Или вот еще дела о рэкетирах. Тоже на них можно у читателя «заработать очки», если расписать соответственно.

И не в упрек все это я своему читателю пишу, скорее себе и своему брату-журналисту. Охочи мы стали до громкого да звонкого. Делим дела на выигрышные и невыигрышные для написания. Хочется крикнуть «попервое» да погромче, чтоб коллегам «нос утереть». Опять же это не в порядке упреков, а в порядке раздумий. Может, это теперь читателю в первую очередь надо? Так угодим ему. Он ведь нынче даже в сводках МВД, которые регулярно печатаются во многих изданиях, и у нас в журнале в том числе, те места отыскивает, где про «такие дела» значится.

И вряд ли останавливает свое внимание на самых, на мой взгляд, цифрах ужасающих — тех, что свидетельствуют о неуклонном росте преступности молодежи. В первую очередь тяжких и особо тяжких преступлений. Мне думается, что в этом плане совсем незвучное дело, о котором я пишу, кажется наиболее типичным для преступлений молодежи. И, может быть, не менее страшным, чем дела миллионные, свидетельствующие о разложении власть предержащих. Почему? А вот почему.

Потому что не может с оптимизмом смотреть в будущее общество, у которого молодое поколение столь разъедено нравственно. Вряд ли такое общество перспективно. И если преступность молодежи и дальше будет столь стабильна, не говоря уже о росте, то... Не столь уже банален традиционный восклик: то ли еще будет! В плане дел и экономических, и нравственных, и экологических, и прочего.

Вот поэтому я и продолжаю писать материал.

ПОСЛЕ БЕГСТВА

Эти две неудачи вывели его из себя. Не помнит, чтобы ночью не спал вот так, как в ту ночь после бегства... Из-за таких «дел» и себя уважать перестанешь. Мысли одна другой злее копошатся, поднимают с постели. И вдруг — как полоснуло то, о чем никогда и не задумывался: а если б не один, а несколько работяг оказались рядом? Как щенков бы повязали и... Выругался на пришедшую мысль. На себя, на дружков своих. Попробовал уснуть. Какое там! Как серые мыши, ползут в ночи подлые мысли, грызут, кусают. От того еще муторнее становится. Нет, надо как-то по-другому, чтоб с гарантией. Пушку надо настоящую.

С той ночи он стал словно одержимый: во что бы то ни стало раздобыть настоящее оружие. «Поиграли» — хватит!

Делают несколько попыток завладеть оружием, но все срываются.

Я вот все думаю: отчего он так упорно искал оружие? Надежнее — безусловно. Но, по-моему, сколько бы ни старался выдать себя за человека без страха, все равно именно страх, опасение встретить сопротивление толкали его на это.

Пословица «кто ищет, тот всегда найдет» применима к делу и доброму, и к подлому. Им «повезло». «Подломили» они одну квартиру, снова действовали наверняка: заранее узнали, что дома никого, и поживились неплохо. Но все добытое барахло было ерундой по сравнению с тем, что наконец-то в их руки попало ружье. Да не просто «мелкашка», а пятизарядное. Вещь надежная. Как бережно завернул он его в клеенку и ощутил, что тот пистолет — полное фуфло по сравнению с этой вещью. Теперь бы на него тот работяга кинулся! Теперь можно и посерьезнее дела прокручивать.

Через несколько дней сделал из ружья обрез, дома отлил к нему пули.

Он давно уже вынашивал мысль напасть на автозаправочную станцию. По его прикидкам, выручка там должна быть несколько тысяч. Расположена вдалеке от милицеских постов. Работают всего двое. Время, когда выручка составляет наибольшую сумму, Гусейнову было известно. Он несколько дней вел наблюдение за станцией. Далековато уходить будет, нужна машина.

Была темная южная полночь. И машин в городе поубавилось. Они стояли у магазина в центре города. Вот высветили тьму фары приближающейся машины. Вскинули руку. В «рафике» один водитель. Удача. Попросили подбросить их в аэропорт. Водитель согласился. «Поездка в аэропорт» кончилась для него тем, что пассажиры, связав ему руки и завязав глаза, пригрозили обрезом:

— Шуметь не советуем.

За руль сел Гусейнов. Роли распределили заранее. Гусейнов должен был ворваться в помещение станции и, угрожая все тем же игрушечным пистолетом, забрать выручку, а Митрохин через окно держать под прицелом обреза работников.

Все шло по плану — машин на заправке не было. Открытое окно светилось в духоте ночи. Митрохин подбежал к окну. Гусейнов бросился к двери, дернул. Заперто! В окно Олег увидел, как рванулся в соседнюю комнату, где был телефон, мужчина, работавший на заправке. Он нажал курок. Выстрел в тишине прозвучал особенно гулко. Раненый упал. Азиз рвал на себя дверь, кричал запершимся внутри. И тут где-то вдалеке раздался шум автомашины. Он приближался.

Азиз гнал «рафик» в сторону аэропорта. Внутри все клокотало. Опять сорвалось. Неудача словно тащилась за ними по пятам. Случай путал тщательно продуманные планы. В голове мелькали мысли одна другой мрачнее: наверное, уже приехали на станцию менты. Заправщики ведь их хорошо видели. Показания дают, описывают, как выглядели нападавшие. Теперь надо выждать.

Но... уже через десять дней они снова пошли на преступление.

СИМПТОМЫ «БОЛЕЗНИ»

Почему? Не раз задавала я себе этот вопрос: почему с какой-то прямо маниакальной одержимостью банда творила одно дело за другим? Вроде, рассуждая здраво, даже из чувства самосохранения после каждого дела, когда награбленного хватило бы, чтобы какое-то время прожить безбедно, они могли затаиться. Нет, эпизоды в деле следуют один за одним. Что называется, не давали себе продыху. И что еще меня удивило: почему столь долго не могли работники правоохранительных органов их обезвредить? Ведь действовали открыто, следов оставляли немало, да и приметы должны были давно уже иметься. Впрочем, это тема отдельного разговора. Я же коснулась этого момента лишь потому, что вижу в нем одну из причин внешних, способствовавших дерзости, которая росла у бандитов от дела к делу. Бездна наказанности порождает уверенность, что можно творить черное дело и дальше. И потому способствует росту преступности. Является, так сказать, одной из причин внешних. А внутренние?

Может быть, непомерная алчность гнала его по ночам из дома? Вспомнилось даже известное воровское «жадность фраера сгубила». Потому задала Гусейнову этот вопрос.

— Зачем вам надо было столько денег, почему столь часто «ходили на дела»?

— Вы не думайте, я не пью, не курю и уж тем более не употребляю наркотиков. Почему? — Он задумывается, прежде чем ответить. — Понимаете, это как болезнь. А когда ... сходишь, ну, понимаете, о чем я, сразу легче становится.

Как болезнь... Что же поражает она? Душу? Да, установлено, что немало преступников, отбывающих наказание в колониях, имеют те или иные отклонения психики. Но, может быть, не были они больны «до», может быть, само преступление катализирует эти болезни. Порождает их. И потом, не путаем ли мы порой психологические, личностные отклонения с отклонениями психическими? Боюсь, что тут не так просто разобраться психологам и психиатрам, разграничить, где чья прерогатива, не то что журналисту.

И все-таки в данном, частном случае я бы рискнула отметить несколько симптомов «болезни» Гусейнова. Слово «болезнь» я взяла в кавычки потому, что в медицинском смысле он здоров. А основное — безнаказанность и страх. Да, да, страх, хотя внешне он больше всего боится его выдать. И тогда понятной становится эта его фраза: «Того, афганца, Манько, мы ведь не хотели». Вот так цепь преступлений словно не оставляет преступнику выхода, провоцирует на проступки более опасные, он уже себе не хозяин.

Итак, они знали, что свидетелей становится все больше. Но еще одно чувство не давало Гусейнову покоя — несостоятельность его планов, которые проваливались. Что же получается, значит, не он хозяин ситуации? С этим его гипертрофированное самолюбие не могло смириться. Всегдашняя уверенность в себе была поколеблена. И он решил укрепить ее делом более крупным. А для этого нужно еще оружие. Его-то и решили для начала достать, совершив нападение на военкомат. И это их решение стоило жизни Манько, чью машину они захватили, а его убили, избавившись от свидетеля.

Так от игрушки, с которой Гусейнов впервые совершил преступление, потянулся теперь уже кровавый след. Следующим убрали и Силина, который знал кое-что об их делах. Можно было начинать крупное дело, но тут их все-таки взяли работники милиции.

...И вот мы сидим с ним в следственном изоляторе. За окном разлита осенняя теплота. Я знаю, что Гусейнову предъявлено обвинение по нескольким статьям. Одна из них «Бандитизм». Статья 75 Уголовного кодекса Туркменской ССР звучит так: «Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях, — наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества».

...Он отмерил себе 10 лет. Что отмерит суд?

Вот исчезает в коридоре изолятора его широкая, могучая спина. «Сила есть...» — вспоминается мне. Но ведь вроде и ум тоже.

Только вот на что употребить его...

М. МИХАЙЛОВА

Р. С. И вот прозвучали слова приговора. Перед этим Верховный суд Туркменской ССР тщательно, взвешенно и объективно исследовал обстоятельства дела и приговорил А. Гусейнова к 15 годам лишения свободы.

Приговор вступил в законную силу.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ:

ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЛЬГОТЫ

В условиях сложного экономического положения, инфляции, товарного дефицита не следует забывать о тех, кто нуждается в повышенной социальной защищенности, особой заботе и помощи со стороны общества. В конце прошлого года Совет Министров СССР принял несколько постановлений, направленных на улучшение условий жизни отдельных категорий населения. Мы попросили юриста В. ДЕМИНА рассказать об их содержании.

— Прежде всего, Вячеслав Петрович, кого эти постановления касаются? Кто и какие дополнительные льготы получил?

— Начну с тех граждан, которые ранее никакими льготами вообще не пользовались. Речь идет о бывших несовершеннолетних (в возрасте до 16 лет на момент освобождения) узниках фашистских концлагерей.

Правительство согласилось с предложением Советского детского фонда имени В. И. Ленина, поддержанным Госпланом СССР, Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, Министерством финансов СССР и ВЦСПС, о распространении на этих лиц некоторых льгот, предусмотренных для участников Великой Отечественной войны.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 6 октября 1989 года № 825 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей» им, так же как и участникам Великой Отечественной войны, предоставлена 50-процентная скидка со стоимости проезда один раз в год (туда и обратно) железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом, и 50-процентная скидка со стоимости лекарств, приобретаемых по рецептам врачей. Они имеют право на получение беспроцентной ссуды на индивидуальное жилищное строительство в порядке, предусмотренном для инвалидов Отечественной войны, то есть в размерах, порядке и на условиях, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 февраля 1988 года № 197 «О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства».

Ежегодный очередной отпуск указанной категории граждан должен предоставляться в удобное для них время. Они имеют также право на получение дополнительного отпуска без сохранения заработной платы продолжительностью до двух недель в году. Им предоставлено право пользоваться при выходе на пенсию поликлиниками, к которым они были прикреплены в период работы.

Бывшие несовершеннолетние узники фашистских концлагерей

имеют преимущественное право на обеспечение по месту работы путевками в санатории, санатории-профилактории и дома отдыха, а также на прием в садоводческие товарищества (кооперативы), установку телефона.

Те из них, кто является членами садоводческих товариществ, пользуются правом на получение беспроцентной ссуды на приобретение или строительство садовых домиков и на благоустройство садовых участков.

Кроме того, бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей, признанным инвалидами вследствие общего заболевания, трудового увечья и других причин (за исключением лиц, инвалидность которых наступила вследствие противоправных действий), предоставляются льготы по оплате лекарств, жилой площади и коммунальных услуг, предусмотренные пунктами 1 и 17 Положения о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 23 февраля 1981 года № 209. Они имеют право на преимущественное обслуживание в амбулаторно-поликлинических учреждениях и на внеочередную госпитализацию, бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), а также на обеспечение в установленном порядке протезами и другими протезно-ортопедическими изделиями, на получение бесплатно по рецептам врачей лекарств. Жилая площадь (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), занимаемая бывшими несовершеннолетними узниками фашистских концлагерей, признанными инвалидами вследствие общего заболевания, трудового увечья и других причин (за исключением лиц, инвалидность которых наступила вследствие противоправных действий), и проживающими совместно с ними членами их семей, оплачивается в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих, а излишняя жилая площадь (до 15 кв. метров) — в одинарном размере. Им и проживающим совместно с ними членам их семей предоставляется скидка в размере 50 процентов с установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией.

Решение о праве на эти льготы принимается комиссиями по назначению пенсий, образованными при исполкомах районных (городских) Советов народных депутатов, на основании документов, подтверждающих пребывание указанных лиц в фашистских концлагерях.

Льготы бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей предоставляются на основании удостоверения о праве на льготы, выдаваемого соответственно Министерством обороны СССР, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 27 февраля 1981 года № 220 «О распространении льгот, установленных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1978 года № 907 для участников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих и партизан, на вольнонаемный состав действующей армии».

— А какие категории граждан получили дополнительные льготы?

— Это бывшие военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях в Республике Афганистан и на территории других стран, а также жены (мужья) умерших инвалидов Отечественной войны. «Афганцам» с 1 января 1990 года предоставлено право бесплатного

проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси); на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в порядке, определяемом Советами Министров союзных республик. Лекарства по рецептам врачей им отпускаются бесплатно (пункты 1, 2 постановления Совета Министров СССР от 21 декабря 1989 года № 1118 «О дополнительных мерах по улучшению условий жизни некоторых категорий граждан»).

Женам (мужьям) умерших инвалидов Отечественной войны с 1 января 1990 года предоставлены льготы по оплате жилой площади, коммунальных услуг и топлива, предусмотренные пунктами 17, 18 Положения о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 23 февраля 1981 года № 209 (с последующими изменениями и дополнениями).

Жилая площадь (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), занимаемая женами умерших инвалидов Отечественной войны и проживающими совместно с ними членами их семей, оплачивается в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих, а излишняя жилая площадь (до 15 кв. метров) — в одинарном размере. Им предоставляется скидка в размере 50 процентов с установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией.

Если жены умерших инвалидов Отечественной войны проживают в домах, не имеющих центрального отопления, им предоставляется 50-процентная скидка со стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению.

Следует подчеркнуть, что указанные льготы предоставляются только тем женам (мужьям) умерших инвалидов Отечественной войны, которые не вступили в другой брак.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

После смерти Ивана Семеновича Федоренко остался вклад на сумму 5 тысяч рублей. Его жена Анна Михайловна обратилась в отделение Сбербанка СССР с просьбой выдать ей эти деньги. Однако там ей сказали, что Федоренко сделал завещательное распоряжение, согласно которому вклад после его смерти должен перейти его сыну от первого брака — Сергею Ивановичу Федоренко.

Анна Михайловна посоветовалась с юристом, и тот ей рассказал, что и при наличии завещания некоторые наследники имеют право на обязательную долю, которая составляет $\frac{2}{3}$ от доли, причитавшейся бы им при наследовании по закону. В частности, такое право имеют двое малолетних детей Анны Михайловны и Ивана Семеновича. Юрист порекомендовал Анне Михайловне обратиться в суд.

Правильную ли консультацию получила Федоренко?

Задача 2

Инвалид 1-й группы Левиков проживал один в собственном доме. Ему было трудно обслуживать себя и содержать дом. И Левиков попросил своего племянника Фролова, жившего по соседству, стать его попечителем. Тот согласился, и решением райисполкома был назначен попечителем.

В течение нескольких лет Фролов помогал Левикову по хозяйству, заботился о нем. А потом предложил Левикову продать дом и переехать жить к Фроловым. Племянник говорил, что содержать два дома ему не под силу, к тому же пенсия Левикова слишком мала, и ее не хватает на все необходимые расходы. Левиков продавать дом категорически отказался. Тогда Фролов заявил, что он как попечитель может продать дом и без согласия Левикова, поскольку действует исключительно в его интересах.

Прав ли Фролов?

...Духовные и светские лорды и общины.., собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, по зрелом обсуждении... заявляют, для восстановления и подтверждения своих древних прав и вольностей, нижеследующее:

1. Что притязания на власть приостанавливать законы или исполнение закона королевским повелением, без согласия парламента, незаконны.

2. Что притязания на власть изъятия от законов или исполнения законов королевским повелением... незаконны.

4. Что взимание сборов в пользу и в распоряжение короны, в силу якобы прерогативы, без согласия парламента, или за более долгое время, или иным порядком, чем установлено парламентом, незаконно.

5. Что обращаться с ходатайствами к королю составляет право подданных, и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконно.

6. Что набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону.

8. Что выборы членов парламента должны быть свободны.

9. Что свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента.

Билль о правах.
Англия. 13 февраля 1689 г.

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ

Каждый день на дорогах нашей страны гибнут более 100 человек, 700 получают ранения, остаются инвалидами.

За последние 5 лет дорожно-транспортные происшествия унесли 215 тысяч человеческих жизней, 1,3 миллиона человек получили травмы разной тяжести, в этом числе погибших и пострадавших — более 200 тысяч детей и подростков.

Наша новая рубрика «На колесах и пешком» направлена на то, чтобы научить людей правильно ездить, ходить по дорогам, быть осмотрительными, грамотными, осторожными участниками дорожного движения, тем самым снизить число жертв и несчастных случаев.

ВЛАСТЕЛИНЫ СКОРОСТИ

«Тише едешь — дальше будешь», — утверждает старая поговорка. «От того места, куда едешь», — добавляют любители быстрой езды, считая свои слова не только остроумной шуткой, но и бесспорной истиной. Нам еще предстоит разобраться, насколько остроумна их шутка и действительно ли в ней заключена истина. Не подлежит, однако, сомнению главное: водитель обязан быть не рабом скорости, а ее властелином. Что это значит, мы и постараемся разъяснить.

Скорость — главенствующая часть процесса дорожного движения. Она, как и сам автомобиль, дитя технического прогресса. Гонимые машины, которые всегда были в авангарде автомобильной техники, уже преодолели звуковой барьер. Но для рекордов в скоростной езде существуют спортивные трассы, а в транспортных и пешеходных потоках на улицах и дорогах эту страсть благоразумно сдерживают правила дорожного движения. Не всегда, правда, успешно. Превышение скорости движения в опасных условиях — один из самых распространенных видов нарушений дорожной дисциплины, причем распространенных повсеместно: и в городских кварталах, и на загородных магистралях. Так что такое скорость — преимущество автомобиля или его беда?

Рациональный режим скорости зависит от конкретных условий — вида и профиля дороги, ширины проезжей части, ее покрытия, состояния обочин, интенсивности транспортных и пешеходных потоков, погоды, времени суток, освещенности. Водитель должен учитывать все это и исходя из своей оценки регулировать показания спидометра. Умение вовремя выбрать правильную скорость во многом определяется опытом и мастерством сидящего за рулем, которые, как и в любом деле, приходят к нему с годами. Так же, с годами, развивается и чувство скорости. Ведь для начинающего водителя даже невысокая скорость (к примеру, 40—50 километров в час) может оказаться опасной, так как его внимание в основном сосредоточено на манипулировании органами управления, показаниях приборов, а не на дорожной обстановке. Бывалым водителям, возможно, это покажется странным, но пусть они вспомнят себя

новичками, свою робость перед автомобилем, перед дорогой — и в то же время свою неумную страсть к быстрой езде.

У опытного водителя внимание направлено исключительно на оценку меняющейся обстановки. Однако это не значит, что он ведет свой автомобиль обязательно на больших скоростях. Умудренный опытом водитель как раз тем и отличается от начинающего, что проезжает намеченный маршрут без больших перепадов скорости, без резких торможений и с наименьшим количеством переключений передач.

Давно и убедительно доказано, что езда с большой скоростью далеко не всегда оправдывает себя. Даже наоборот: она изматывает силы, чрезвычайно опасна, экономически невыгодна и не дает ожидаемого выигрыша во времени. Показателен в этом отношении эксперимент, впервые проведенный западногерманскими специалистами и повторенный затем во многих странах, в том числе и в нашей.

Двум водителям поручили преодолеть один и тот же маршрут между двумя городами. Одному предложили ехать, неукоснительно соблюдая правила движения, другому разрешили пренебречь ими и выжать из мотора все, что можно. Первый осилил дистанцию за 20 часов 43 минуты, второй прибыл к финишу на 31 минуту раньше — выигрыш во времени, как видите, невелик. Зато первый произвел в дороге 652 торможения (из них ни одного экстренного), второй — 1339 (из них 5 экстренных); первый обогнал 645 своих коллег, второй — 2004; первый израсходовал 135,1 литра бензина, второй — 175,5 литра. Уже эти отдельные сравнительные данные говорят не в пользу лихача. Но не они имеют решающее значение, а то, что скрыто за ними. Чрезмерные психические и физические нагрузки, особенно сильно влияющие на безопасность движения, выпали на долю второго шофера и на любом участке пути могли привести его к аварии. Нелишне напомнить и о том, что при езде с частыми торможениями в 7 раз быстрее обычного изнашиваются шины. Никто не выступает за черепаший скорости — автомобиль превратился бы тогда в дорогую безделицу. Речь идет о разумном отношении ко времени в пути, о четко осознанном контроле за показаниями спидометра и в конечном счете о безопасности всех участников дорожного движения: водителей, пешеходов, пассажиров автотранспорта. Любители чрезмерно быстрой езды постоянно угрожают их жизни и здоровью. Статистика аварийности свидетельствует о том, что в среднем каждая пятая, а в крупных городах едва ли не каждая третья трагедия на проезжей части связана с превышением безопасной скорости, а это значит, что как минимум 20 дорожно-транспортных происшествий из каждых ста — на совести лихачей.

Г. КРУГЛОВ

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

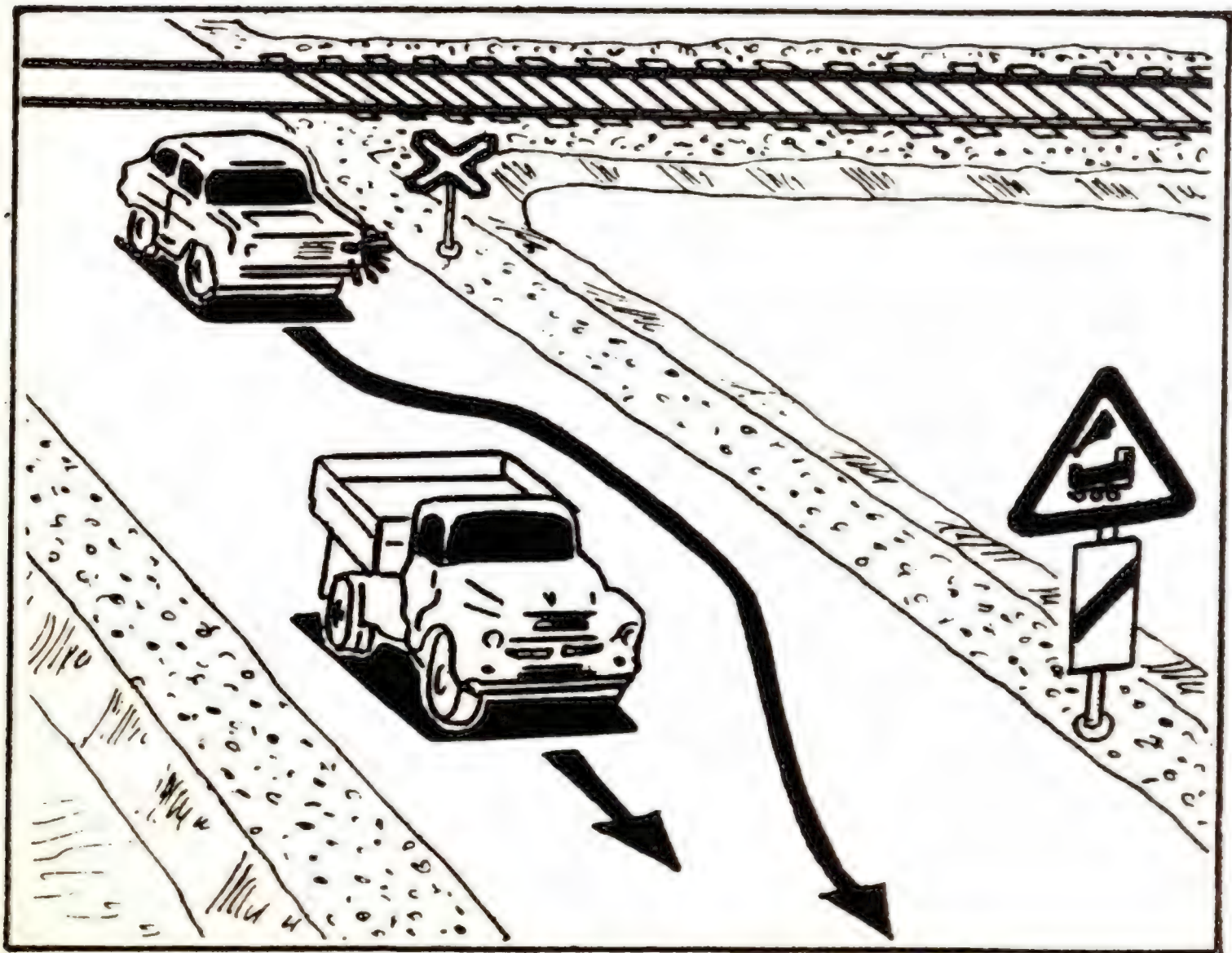
1. Длительное время (часа два с половиной — три), двигаясь по хорошей ровной дороге с постоянной скоростью, вы почувствовали, что появилась сильная сонливость, начали непроизвольно слипаться глаза. Как лучше поступить в такой ситуации?

2. Впереди по ходу вашего движения остановился автобус с детьми (это легко определить по опознавательному знаку транспортного средства, перевозящего группу детей). Какими должны быть ваши действия в такой ситуации?

3. Двигаясь на легковом автомобиле в интенсивном транспортном потоке со скоростью 70 километров в час, вы решили закурить. Могут ли ваши действия привести к созданию аварийной обстановки?

4. Нарушит ли требования правил движения водитель легкового автомобиля, совершив обгон грузовика? (рис. 1).

(Ответы см. на стр. 61.)

АЛКОГОЛЬНОЕ ОПЬЯНЕНИЕ. Находиться за рулем в состоянии опьянения или передавать руль такому человеку — одна из самых тяжких провинностей водителя. И то и другое категорически запрещается (3. 6). Столь же требовательно, под угрозой строгой ответственности, Правила запрещают допускать к управлению транспортными средствами нетрезвых лиц (27. 1).

Запреты распространяются и на случаи наркотического опьянения.

БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ. Ее обеспечение оговаривается общим требованием ко всем участникам дорожного движения и другим лицам: «Не создавать опасности или помех для движения, не причинять вреда...» (1.6). Там, где Б. д. заведомо снижается плохим состоянием дороги и тому подобными причинами, от должностных лиц, ответственных за порядок, требуются меры по запрету, ограничению движения с последующим его восстановлением в нормальных условиях (27.3).

БЛИЖНИЙ СВЕТ ФАР. Кроме естественной функции освещать дорогу перед автомашиной или мотоциклом, трактором и т. п., Б.с.ф. служит и предупредительным сигналом — в светлое время суток (8.1). Им в обязательном порядке обозначаются при движении мотоцикл, любое транспортное средство, следующее в организованной колонне, автобусы и грузовые автомобили, перевозящие организованные группы детей, автобусы и другие транспортные средства общего пользования, когда они едут навстречу общему потоку движения по специально выделенной для них полосе (8.8). Кроме того, им обозначается транспортное средство, везущее крупногабаритный и тяжеловесный груз, буксирующее другое механическое транспортное средство. Б.с.ф. водитель может включить вместе с габаритными огнями (и обязательно при их неисправности спереди) при движении в тоннеле с искусственным освещением. Итого п.8.8 раздела «Предупредительные сигналы» содержит 7 случаев использования Б.с.ф. в качестве предупредительного сигнала. А те, что относятся к освещению дороги, перечислены в другом разделе — «Пользование внешними световыми приборами». Обязательность пользования светом фар в темное время суток на неосвещенных участках дорог предусмотрена п.19.1. Предусмотрена обязанность водителя включить Б.с.ф. вместо дальнего света за 150 м до разъезда со встречным транспортным средством или даже при большем расстоянии, а также в иных условиях, когда дальний свет может ослепить (19.2). Все это касается механических транспортных средств.

БОЛЕЗНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. Это такое состояние, которое водитель может испытывать при недомогании, переутомлении, под воздействием ряда лекарственных препаратов (особенно снижающих скорость реакции и внимание). Все эти ситуации обязывают водителя прекратить дальнейшее управление транспортным средством (3.6). Водителя, находящегося в Б.с., запрещено выпускать за рулем на линию (27.1), ему нельзя передавать управление транспортным средством (3.6).

* См. № 4.

БОЛЬНЫЕ. Среди разнообразных жизненных ситуаций водителю может встретиться такая, когда медицинский работник попросит подвезти его к больному или оказать помощь в транспортировке больного, жизни которого угрожает опасность, в лечебное учреждение. Отказываться водитель не имеет права (исключение делается только для тех, кто управляет специальными или дипломатическими транспортными средствами). Если врач, фельдшер и т.д. едет к больному, жизнь которого не находится под угрозой, в обязанность водителя входит подвезти его в попутном для себя направлении (3.4).

БУКСИРОВКА. Ситуация, когда машина не может ехать своим ходом, может произойти с каждым. Общие правила Б. изложены в разделе 20 ПДД. Выделим из них такие, как обязательное ограничение скорости до 50 км/ч, перевозка людей, Б. на гибкой сцепке, Б. мотоциклов без бокового прицепа и этими мотоциклами. Всего в специальном разделе пять случаев, когда Б. не разрешена. Но в разделе 22 «Перевозка людей» найдем еще и ограничение, связанное с Б. прицепов. Люди не должны находиться на прицепах (включая и прицеп-дачу, а также кузов грузового мотоцикла) во время движения.

ВЕЛОСИПЕДНАЯ ДОРОЖКА. Еще не везде увлечение ездой на велосипедах и мопедах в нашей стране достигло таких масштабов, чтобы мы могли видеть В.д., обозначаемые специальным дорожным знаком под индексом 4.5. Но там, где они уже есть или будут, надо помнить несколько специальных требований, касающихся езды по В.д. Там, где она есть, на велосипеде или мопеде запрещено выезжать на основную проезжую часть дороги. При пересечении В.д. с проезжей частью обычной дороги велосипедисты и те, кто едет на мопедах, при отсутствии светофоров и дорожных знаков должны уступить дорогу другому транспорту, но если другие транспортные средства едут не в прямом направлении, а поворачивают направо или налево, преимущество в движении — у велосипедистов и водителей мопедов (24.7, 14.2, 24.8).

В описании дорожного знака 4.5 (Приложение 1 к ПДД) разрешается при отсутствии тротуара или пешеходной дорожки пользоваться В.д. и пешеходам. Пересечения В.д. с осевой проезжей частью обозначаются разметкой 1.15 (Приложение 2 к ПДД).

ВЕЛОСИПЕД. Транспортное средство, которое не относится к механическим, поскольку управляется мускульной силой седока (раздел 2 ПДД). К В. явно относятся и распространяющиеся среди энтузиастов веломобили, но не относятся инвалидные коляски (см. раздел 2 ПДД, термин «Пешеход»). Все дополнительные требования к движению на В. изложены в разделе 24 ПДД. Из них специально упомянем ограничение минимального возраста велосипедистов 14 годами. В разделе 2 ПДД можно прочитать, что человек, ведущий В. в руках, приравнивается к пешеходу со всеми вытекающими из этого требованиями и обязанностями. Для В. в отличие от автомашин разрешается остановка и стоянка в два ряда (13.2). Снова напомним о запрещении движения на В. по автомагистралям (17.1).

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции

ЧЕРЕЗ ЧАС БЫЛО БЫ ПОЗДНО

Жизнь у Семена и Виты в последнее время была хорошей, безоблачной. Были, разумеется, сложности общего бытового плана — очереди в магазинах, не всегда можно было купить необходимые продукты, а о предметах роскоши Гражданкины пока не мечтали. Однако недаром некий мудрец изрек: «После житейских радостей всегда надо ждать неприятностей!»

Так и получилось.

Однажды утром Леночка закапризничала:

— Мамуленька, я не хочу идти в садик.

«Что это с ней? — недоумевала Вита. — Обычно сама рвется в садик. Может, заболела...»

Вита поставила Леночке градусник. Термометр показал — 37,5...

Но дозвониться в поликлинику оказалось не таким простым делом. Вита уже начала терять терпение, когда наконец в трубке возник недовольный женский голос:

— Поликлиника...

— Мне врача на дом. К ребенку.

— Сколько лет ребенку?

— Четыре.

— Что у него?

— Температура. 37 и 8, — немножко прибавила Вита, опасаясь, что с такой маленькой температурой вызов могут не принять.

— Ладно, принимаю вызов, диктуйте адрес.

— А когда будет врач?

— В течение дня.

— А точнее узнать нельзя?

— Сказано — ждите в течение дня. Подумаешь, температура невысокая, а она паникует! Ничего за день с вашим ребенком не случится...

А Леночка металась в кроватке и тихонько хныкала.

— Где болит, доченька?

— Болит животик.

Испытывая тревогу, Вита решила дать дочке половину таблетки анальгина.

Девочка немного успокоилась, но ненадолго. Через час она снова стала крутиться в кроватке и хныкать.

Шли томительные часы. Врача не было.

Наконец около шести часов вечера Вита вновь бросилась к телефону. Ей ответил тот же недовольный голос:

— Поликлиника слушает...

— Послушайте, поликлиника, где же врач... Десять часов прошло после вызова, а врача еще нет.

— Без паники давайте. Врач на участке, обслуживает вызовы. Дойдет очередь и до вас...

Прошло еще полтора часа. Врача не было. А Леночке делалось все хуже и хуже.

Наконец пришел с работы Семен.

— Врача до сих пор не было,— сообщила ему Вита.

Лицо девочки заострилось.

Ни слова не говоря, он направился к телефону и набрал «03» — телефон станции «Скорой помощи».

Осмотрев Леночку, врач «Скорой помощи» сказала:

— Одевайте ребенка,— и добавила с упреком,— э-эх, вы, родители... Надо давно было «Скорую» вызывать... Еще бы час — и было бы поздно! Могли потерять ребенка...

— Мы же целый день ждали врача из поликлиники. А он не пришел,— лепетала Вита, одевая плачущую девочку.

Только под утро Вита из больницы сообщила, что Леночку прооперировали — у нее оказался острый аппендицит.

А врач из поликлиники так и не пришел.

Семен с утра отправился к главврачу и написал заявление с просьбой наказать врача, не явившегося по вызову к больному. А потом поехал в юридическую консультацию. Он хотел узнать, можно ли, используя закон, призвать к порядку тех, кто своей халатностью чуть не погубил его единственную дочку? Семен подробно изложил адвокату историю, которая произошла вчера с его семьей.

Адвокат, уже знакомый со всеми печальями и приключениями четы Гражданкиных, только вздохнул.

— В Уголовном кодексе РСФСР есть 128 статья — «НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ». Я ее сейчас вам прочту:

«Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным оказывать ее по закону или по специальному правилу,— наказывается исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей, или общественным порицанием либо влечет применение мер общественного воздействия.

То же деяние, если оно повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие для него последствия,— наказывается лишением свободы на срок до двух лет, с лишением права заниматься профессиональной деятельностью на срок до трех лет».

Однако нужно следствие, чтобы установить конкретного виновника. Это хорошо, что вы оставили заявление в поликлинике. Думаю, там разберутся. А чтобы все установить точно, вам надо обратиться к районному прокурору с заявлением. Хотите, я напишу его вам?

Семен согласился. Когда заявление было готово, Семен поблагодарил адвоката и вышел с твердым намерением добиться справедливого наказания тем, кто, пренебрегая своим служебным долгом, подвергает опасности здоровье и жизнь человека.

Путь его лежал в прокуратуру.

В. СЛАВИН

ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО

Рабочий день давно окончился, однако работники магазина не расходились. Они взволнованно обсуждали случившееся. А произошло следующее. При пересчете денежной выручки старший кассир Истомина обнаружила 25-рублевую купюру, которая сильно отличалась от других аналогичных купюр того же достоинства более светлой окраской и неровными, скошенными краями. Директор магазина Мусюкова выяснила, что этой купюрой расплатилась за три пачки сигарет пожилая женщина, приметы которой запомнили продавцы отдела штучных товаров. Обо всем этом Мусюкова сообщила в органы милиции и потребовала возбуждения уголовного дела о фальшивомонетничестве. Однако следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. И вот почему. Сотрудники милиции установили, что сомнительная купюра, полученная от работницы красильной фабрики Власкиной, подлинная. Имеющиеся же на ней отличия возникли потому, что однажды Власкина, используя фабричные отбеливающие растворы и сушильную камеру, почистила свою одежду, в карманах которой случайно оставила документы и деньги.

Закон же (статья 87 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) определяет фальшивомонетничество как **«изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка СССР, металлической монеты, государственных ценных бумаг или иностранной валюты»**.

К тому же далеко не каждый случай изготовления и сбыта денежных знаков и ценных бумаг рассматривается как фальшивомонетничество. Для квалификации таких действий по статье 87 УК РСФСР (и аналогичным статьям УК других союзных республик) прежде всего требуется установить, что **изготовление** денежных знаков и ценных бумаг осуществлялось **с целью их сбыта**. Если же, предположим, человек изготовил купюру или монету для того, чтобы пополнить коллекцию или чтобы продемонстрировать свое художественное мастерство, то его действия нельзя рассматривать как фальшивомонетничество. Второе необходимое условие заключается в том, чтобы поддельный денежный знак мог участвовать в денежном обращении. Поэтому не подлежит квалификации по статье 87 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) подделка советских и иностранных денежных знаков, вышедших из употребления, старинных монет и т. д., поскольку они не могут нанести ущерб советской денежной и кредитной системе.

В настоящее время в денежном обращении СССР находятся, а следовательно, и являются предметами подделки следующие денежные знаки: билеты Государственного банка СССР достоинством в 10, 25, 50 и 100 рублей; государственные казначейские билеты до-

стоинством в 1, 3, 5 рублей и вся металлическая разменная монета.

К ценным бумагам относятся, например, облигации государственных займов, дорожные чеки в рублях и иностранной валюте. Билеты денежно-вещевой и других лотерей к числу государственных ценных бумаг не относятся, так как они в денежном обращении не участвуют и не обмениваются на советские рубли. Подделка таких билетов с целью получения по ним незаконного выигрыша влечет ответственность по статьям уголовных кодексов союзных республик за мошенничество.

Под изготовлением поддельных денег или ценных бумаг следует понимать как их полное изготовление, так и фальсификацию подлинных, например подделка номера и серии облигации государственного займа.

Для состава фальшивомонетничества небезразлична и степень сходства изготовленного денежного знака или ценной бумаги с подлинным. Это сходство должно быть настолько близким, чтобы можно было ввести людей в заблуждение и выпустить предмет подделки в обращение, то есть **сбыть** его.

А сбыть можно фальшивые деньги по-разному. Например, заменять их или расплатиться ими за приобретенные товары, продукты питания, оказанные услуги, за проезд в транспорте и т. д. Сбытом будет считаться и передача поддельных денег взаймы или их дарение. Важно только, чтобы лицо сознавало, что выпускает в обращение поддельные деньги.

Квалифицированным и наиболее опасным видом рассматриваемого преступления является занятие фальшивомонетничеством в виде промысла (ч. 2 ст. 87 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик), то есть когда изготовление и сбыт поддельных денег, ценных бумаг и иностранной валюты становятся более или менее постоянным источником преступной наживы, являются для виновного основным либо дополнительным средством существования. Об этом может свидетельствовать ряд обстоятельств, например, изготовление большого количества поддельных денег с целью получить при их сбыте крупную сумму подлинных либо же систематическое изготовление денежных знаков или их сбыт, хотя бы и в небольших количествах.

Ответственность за фальшивомонетничество несут граждане СССР, лица без гражданства и иностранцы, признанные вменяемыми и достигшие 16-летнего возраста.

В части 1 статьи 87 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) за фальшивомонетничество без отягчающих обстоятельств предусмотрено лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки. В части 2 статьи 87 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик), где говорится о квалифицированном фальшивомонетничестве в виде промысла, предусмотрено более суровое наказание — лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой от двух до пяти лет или без ссылки или смертная казнь с конфискацией имущества.

Е. ПРОХОРОВА,

старший научный сотрудник Академии МВД СССР,
подполковник милиции

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?»

1. Остановиться и отдохнуть. А перед тем, как снова сесть за руль, выполнить несколько гимнастических упражнений.

2. Снизить скорость, а при необходимости остановиться, чтобы пропустить детей, которые могут неожиданно, нарушая правила движения, появиться на проезжей части.

3. Могут, так как курение отвлекает от процесса управления автомобилем и сопровождается нарушением точности вождения. Приходится доставать пачку, сигарету или папиросу, прикуривать, стряхивать пепел и т. д. Все это отвлекает взгляд от дороги. Перемещение взгляда лишь кажется мгновенным, а на самом деле на это затрачивается до 0,8—1 секунды (включая фиксирование нового предмета глазами). За секунду автомобиль, едущий со скоростью 70 километров в час, промчится 19 метров. Расстояние, как видите, немалое, тем более что оно удвоится, так как перевод взгляда с дороги на сигарету и обратно требует вдвое больше времени — 1,6—2 секунды. Этого достаточно, чтобы при внезапном возникновении препятствия на проезжей части водитель оказался бессильным предотвратить несчастье.

4. Не нарушит. За железнодорожными переездами обгон не запрещен (пункт 12.3 Правил дорожного движения).

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью. Конечно, осторожность советует не менять правительств, существующих с давних пор, из-за маловажных или временных причин. И мы действительно видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпаций, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать народ во власть неограниченного деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее время вверить свою безопасность другой охране.

Декларация независимости
Соединенных Штатов Америки.
4 июля 1776 г.

ПРОКУРОР ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Во времена «сталинщины» в наших правоохранительных органах работали не только подручные Вышинского, но и порядочные люди, не идущие на поводу у «временщиков», для них были противны и чужды массовые репрессии.

Мы предлагаем вниманию читателей воспоминания бывшего прокурора 30-х годов, персонального пенсионера, ветерана КПСС **ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОМОНОСОВА**.

Г. М. Ломоносов родился в 1905 г. в семье крестьянина дер. Кудеснеры Старо-Арабосинской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Урмарский район Чувашской АССР). В 1919 г. вступил в комсомол. Участвовал в боевых операциях ЧОНа (частей особого назначения) по борьбе с преступностью. По путевке ЦК ВКП(б) в 1933 г. был направлен в Казахстан. Работал прокурором Мамлютского и Айртауского районов и помощником прокурора Карагандинской области.

ЛЕКЦИИ «МЭТРА» ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Завершились последние занятия в Институте Советского права. К середине 1933 года нам, студентам судебно-прокурорского отделения, предстояло получить назначения на должности следователей, судей и прокуроров.

Три напряженных года учебы приобщили нас к солидному багажу знаний в области юриспруденции. Лекции в институте читали известные в то время правоведы Н. В. Крыленко, П. И. Стучка, а также снискавший позже печальную славу «мэтра» юриспруденции А. Я. Вышинский. Последний, руководивший в институте кафедрой уголовного процесса, проводил со студентами также практические занятия. Я оказался в его семинаре.

Среднего роста, холеный, Вышинский производил впечатление высококультурного, воспитанного человека. Речь его была гладкой и плавной. Как лектор он никогда не пользовался конспектами. Держал в памяти множество цитат. Любил приводить к месту меткие поговорки и пословицы. Но порою что-то ломалось в его отлаженном речевом механизме, и наши изумленные уши становились свидетелями довольно крепких, площадных выражений.

Со студентами Вышинский был строг и резок. Мне не довелось видеть его улыбающимся. Хотя мы охотно слушали лекции Вышинского, зачеты предпочитали сдавать более доступному и приветливому преподавателю М. С. Строговичу.

Впрочем, нас, безусловно, подкупали тогда некоторые черты

характера и бытовые привычки Вышинского. Он был чрезвычайно пунктуальным человеком, являлся в институт минута в минуту. На работу ездил в трамвае. Были ему, правда, свойственны и такие странности. В аудитории он любил появляться бесшумно, застигая студентов врасплох. Бывало, мы стоим, беспечно о чем-нибудь разглагольствуем, Вышинский, незаметно войдя в аудиторию, замрет где-нибудь в уголке и прислушивается к нашему разговору. А затем неожиданной репликой обнаруживает себя.

Студент Ф. Шушунов, затеяв с кем-то спор, запальчиво выкрикнул: «Меня, старого воробья, на мякине не проведешь!» Тотчас же Вышинский за его спиной произнес: «Вот такого-то старого воробья за нос и водят».

В нашей группе учился Юрий Гранит — под строжайшим секретом он поведал мне, что Вышинский до революции был ярым меньшевиком. Но в это как-то не верилось. Вышинский обезоруживал студентов своими поучительными нравоучениями в отношении служения богине правосудия.

«Вы должны стать высококультурными, образованными и честными работниками правоохранительных органов,— поговаривал он.— В обращении с людьми должны быть предельно корректны, внимательны и справедливы. Мы с вами,— твердил он,— являемся ассенизаторами общества, а потому сами обязаны быть всесторонне чистоплотными». Но в лекциях и беседах А. Я. Вышинского назойливым рефреном звучали доводы в пользу его теории доказательств. Он постоянно утверждал, что признание вины обвиняемыми есть царица доказательств. Другими словами, Вышинский считал, что признание имеет во всех судебных процессах основное доказательское значение.

В газетах без конца печатали материалы о саботажниках и вредителях, часто появлялись заметки о суровых решениях судов по наказанию лиц, покушавшихся на социалистическую собственность, но, откровенно говоря, нам, молодым юристам, уже приходилось слышать полярные мнения о недавно функционировавшем «законе» от 7 августа 1932 года. Скоро и мы почувствовали его грозную и весьма субъективную силу.

Совсем немного времени оставалось нам, выпускникам Института Советского права, до вступления в большую жизнь, в которой предстояло встать на стражу законов. Мы должны были на практике применять знания, полученные от наших учителей, и когда это наконец произошло, то уже в ином свете предстала для многих из нас фигура «мэтра» юриспруденции А. Я. Вышинского.

«ЗАКОН» ОТ 7 АВГУСТА 1932 ГОДА

Люди моего поколения хорошо помнят накаленную атмосферу внутриполитической жизни страны в период проведения коллективизации.

Созданию колхозов предшествовало раскулачивание не только зажиточных крестьян, но середняков и бедняков, изъятие у них орудий производства и имущества, арест и высылка членов семей в отдаленные районы страны. На первых порах эти акции не предусматривались никакими законами и осуществлялись не по решению суда, а в административном порядке, так сказать, по «инициативе и волеизъявлению» самих трудящихся масс.

Пользуясь тем, что раскулачивание не регламентировалось законодательством, местные органы во многих случаях «раскулачивали» и середняков, и бедняков. Только впоследствии дела некоторых из них пересматривались, и невинно пострадавшие крестьяне возвращались домой к своим разрушенным хозяйствам.

Сознавая сложность процесса коллективизации, А. Я. Вышинский писал в то время, что «при широких массовых движениях возможны различные грубые ошибки, перегибы, извращения и прямые преступления со стороны неустойчивых элементов, которые не упустят случая использовать это движение в своих корыстных интересах, а нередко в целях сознательного дискредитирования Советской власти и самого колхозного строя».

Однако, как показала жизнь, то, о чем предупреждал Вышинский, явилось неизбежным следствием командно-административного стиля руководства периода культа личности И. В. Сталина. В ту эпоху практически перестали считаться с законами, их попросту «отложили в сторону» по настоянию вождя.

Вскоре после указания Сталина «отложить эти законы в сторону» по «требованию» анонимных рабочих и колхозников вышло в свет постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР № 62 от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Текст этого короткого, но жестокого документа, прикрываемого возвышенными словами о необходимости соблюдения «революционной законности» в вопросе защиты социалистической собственности, стоит привести здесь целиком:

«Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР считает, что общественная собственность (государственная, колхозная и кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, а люди, покушающиеся на общественную собственность, должны рассматриваться как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов Советской власти.

Исходя из этих соображений и идя навстречу требованиям рабочих и колхозников, ЦИК и СНК СССР

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищениях колхозного и кооперативного имущества.

Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин
Председатель СНК СССР В. М. Молотов
Секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе».

Между тем в разных юридических актах, в приговорах судов и в ведомственных служебных бумагах это Постановление именовалось законом от 7 августа 1932 г., а следовательно, на основании этого «закона» суды и определяли те или иные меры репрессий.

Первое время суды были вынуждены объявлять самые суровые приговоры людям, замешанным в присвоениях сельскохозяйственных продуктов, когда во многих местах свирепствовал голод. Так, за собранные на колхозном поле после снятия урожая 2—3 килограмма колосьев или ведро картошки человек мог быть приговорен к расстрелу и лишь в исключительных случаях наказывался 10 годами лишения свободы.

Поскольку в «заcone» от 7 августа 1932 года было сказано, что «покушающиеся на общественную собственность должны рассматриваться как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов Советской власти», то на местах сразу же после появления на свет этого «закона» в спешном порядке были организованы судебные процессы по этим категориям дел, не заботясь о качестве предварительного следствия.

Так, с острой болью вспоминаю я комсомольца из своей родной деревни Николая Иванова, который работал в Марийской АССР на общественной мельнице мельником, был осужден за якобы присвоение нескольких килограммов муки к расстрелу, хотя на суде он категорически отрицал свою вину и потребовал дополнительного расследования, но его просьба не была удовлетворена.

Следует заметить, что уже в 30-е и более поздние годы многие судьи признавались, что у них рука порою не поднималась подписать суровый приговор, когда дело касалось случаев нанесения незначительного ущерба колхозной или кооперативной собственности, и они прибегали к применению ст. 51 Уголовного кодекса РСФСР, которое по некоторым областям и краям достигло 40—60% всех приговоров.

В этой статье говорилось: «В том случае, когда по исключительным обстоятельствам дела суд приходит к убеждению о необходимости определить меру социальной защиты ниже низшего предела, указанного в соответствующей данному преступлению статье настоящего Кодекса, или перейти к другой, менее тяжелой мере социальной защиты, в этой статье не обозначенной, он может допустить такое отступление, но не иначе, однако, как точно изложив в приговоре мотивы, вызвавшие это отступление».

Озабоченность Вышинского вызывало именно применение «на местах» статьи 51 УК РСФСР. Неудивительно, что народный комиссариат юстиции запретил судам применение этой статьи и обязал руководствоваться «законом» от 7 августа 1932 г. без учета размера нанесенного ущерба социалистической собственности.

Впоследствии сфера действия этого «закона» была расширена. Постановлением СТО (Совета труда и обороны) от 21 сентября 1933 года судам вменялось в обязанность привлекать к уголовной «ответственности по данному закону» трактористов, злостно не выполняющих правил по уходу за трактором в случае, если невыполнение повлекло за собой порчу или аварию трактора.

Закон от 7 августа 1932 г. действовал и в военные годы, когда советские люди переживали острую нехватку продовольствия и топлива. Жестокое приговоры выносились за обмен личной одежды на хлеб, сахар или спички, покупку в запас муки или мыла.

Массовые аресты людей под предлогом спекуляции пополняли армию заключенных, которая, как раковая опухоль, разрасталась с невероятной быстротой, ведя кардинальный отсчет от своей печально знаменитой клетки — «1937 год».

Попраание элементарных принципов правосудия сталинская командно-административная машина теперь считала нормальным явлением.

1934 год заложил основы упрощенного судопроизводства. 10 июля правительство приняло постановление об учреждении НКВД (народного комиссариата внутренних дел), в соответствии с которым были изменены функции Особого совещания. А 1 декабря того же года под предлогом усиления борьбы с «врагами народа» и в связи с убийством С. М. Кирова появилось постановление, согласно которому по некоторым видам «контрреволюционных преступлений» устанавливался для расследования и рассмотрения особый порядок в сроках судопроизводства. 10 дней — для расследования, суточный срок — для предъявления обвинительного заключения.

Для упрощения судопроизводства исключались такие институты, как обвинение и защита. Ограничивались права обвиняемого: запрещалось принимать и рассматривать его ходатайство о помиловании. Приговор подлежал немедленному исполнению.

Все эти юридические нововведения — «Особые совещания», «Тройки» — явились противоконституционными внесудебными органами.

Сознавал ли «выдающийся теоретик советского права» А. Я. Вышинский, чем могут быть чреваты подобные отступления от основ законодательства? Во всяком случае, в своих тогдашних публикациях он проявлял беспечное благодушие. Вот, например, что писал Генеральный прокурор по поводу постановления от 1 декабря 1934 года: «Постановление... установило таким образом такой порядок производства дел о террористических актах, при котором особенно важно (разрядка моя.— Г. Л.) четкость, точность и безошибочность работы следственных, прокурорских и судебных органов». Однако это были лишь красивые фразы. Прокурорский надзор за деятельностью органов государственной безопасности (то есть за НКВД) фактически был упразднен. Во многих случаях с прокурором не считались.

Как это ни парадоксально звучит, но в те роковые годы беззакония и произвола органы госбезопасности не всегда считались даже с мнением самого Генерального прокурора Вышинского, безусловно сыгравшего зловещую роль в теоретическом обосновании массовых репрессий.

После исторического по своему значению XX съезда КПСС я работал в Верховном суде РСФСР и был привлечен к рассмотрению дел по реабилитации невинно осужденных в 30-е годы советских граждан. В папке с делом одного осужденного на 10 лет я увидел протест А. Я. Вышинского, которым он просил постановление «Особого совещания» в отношении репрессированного отменить, а его освободить. Резолюция на протесте Генерального прокурора гласила: «В удовлетворении протеста отказать. Сержант госбезопасности, подпись». Таким образом, лицо, отклонившее протест, даже не назвало свою должность и фамилию.

ЗА СТОЛОМ ПРОКУРОРА

Осенью 1933 года я по распределению прибыл в г. Петропавловск Карагандинской области и был назначен помощником областного прокурора.

В первые же дни работы я с удивлением обнаружил, что перегибы и извращения глубоко затронули и сами органы юстиции. Многие работники суда и прокуратуры оказались привлеченными к уголовной ответственности без каких-либо законных оснований. Из-за нехватки квалифицированных кадров на ряде юридических должностей находились выдвиженцы, что называется, «от сохи или станка», не имевшие ни соответствующего образования, ни необходимого опыта работы, подчас весьма малограмотные люди. По этой причине возник большой завал нерассмотренных дел. Судьи были вынуждены буквально «рогожными» мешками забирать дела на выходной день и работать над ними на дому. К примеру, только в одном сельхозотделе облпрокуратуры к моему приходу скопилось 82 дела, не рассмотренных в порядке прокурорского надзора в течение длительного времени, и 116 частных жалоб, а также 558 газетных заметок, направленных сюда редакциями газет для проверки фактов и принятия необходимых мер, и другие неисполненные служебные бумаги.

К сожалению, не справлялись со следственными материалами даже два квалифицированных старших следователя — Груднистый и Скоренко, у которых в производстве находилось несколько десятков уголовных дел, по которым прошли все сроки следствия, а арестованные по этим делам содержались уже много недель под стражей.

До получения путевки в Казахстан мне было известно о создавшемся там положении. В газетах тогда писали о допущенных партийными и советскими органами перегибах и беззакониях, за что секретарь крайкома партии Ф. Голощекин был отстранен от работы. Зная, что в связи с этим на моем пути встретятся всякого рода «ямы» и «овраги», которые придется преодолевать, мне было бы проще отказаться от этой путевки. Ведь имея за плечами восьмилетнюю практику работы в органах прокуратуры Чувашии, а затем в судебных органах Сокольнического и Дзержинского районов Москвы еще до Института Советского права, я мог бы остаться в столице, но меня тянуло на периферию. Я, правда, не представлял тогда всей сложности обстановки в крае. По прибытии в Петропавловск я был поражен увиденным. В деревнях и аулах свирепствовал голод, увеличилась преступность, а судебно-прокурорская машина давала сбой в своей работе.

Моим первым делом в порядке прокурорского надзора оказалось дело народного судьи Темирбаева, обвиненного в «получении взятки деньгами в размере 800 рублей и одного жеребенка натурой». Темирбаев был арестован по указанию начальника Карагандинского ОГПУ, направившего соответствующую директиву начальнику Энбекшильдерского райотдела ОГПУ Г. Савинову: «Предлагаю с получением сего Темирбаева арестовать и приступить к окончанию дела. Допросить самого Темирбаева по существу следственного материала о фактах взяточничества и его связях с байскими преступными элементами в бытность его народным судьей Нуринского района, добиваясь признания совершенных им преступлений».

Как видно из этой директивы, обращалось внимание не на установление истины путем исследования всех обстоятельств дела, а на то, чтобы добиться признания обвиняемым своей вины. Видно, автор директивы хорошо усвоил «теорию доказательств» Вышинского о том, что «признание вины есть царица доказательств», еще до появления его книги «Теория судебных доказательств в советском праве». В практике его положения о признании вины уже существовали, поскольку Вышинский проповедовал их на своих лекциях в юридических учебных заведениях.

Детально изучив дело Темирбаева, я установил, что обвиняемый был злостно оклеветан секретарем народного суда, брата которого народный суд под председательством Темирбаева осудил к длительному сроку лишения свободы за хищение государственных средств. Следствию не удалось добиться признания Темирбаевым вины в преступлении, которого он не совершал, так как показаниями свидетелей и судебными документами вина его полностью отвергалась. Мне удалось доказать, что Темирбаев являлся одним из квалифицированных, внимательных и добросовестных народных судей. Таким образом, после более чем полугодового тюремного заключения Темирбаева, уже тяжело больного туберкулезом, освободили, а дело прекратили за отсутствием в его действиях состава преступления. Органам юстиции было предложено выплатить Темирбаеву зарплату за вынужденный прогул, однако никто перед ним не извинился.

Так же при моем участии удалось прекратить уголовные дела десятка других судебных и прокурорских работников, привлеченных к уголовной ответственности без каких-либо на то оснований.

Кстати, снятие с должностей работников суда и прокуратуры проводилось в большинстве случаев без ведома облпрокуратуры и облсуда решениями областных и районных исполнительных комитетов власти.

Исполком Карагандинского областного Совета и исполкомы районных Советов выносили постановления, обязывавшие судебные органы привлекать граждан к уголовной ответственности за невыполнение хлебопоставок.

Вспоминается и такой случай из моей прокурорской практики. 26 сентября 1934 г. Мамлютский райисполком вынес постановление о предании суду 26 человек за невыполнение хлебопоставок. В постановлении, в частности, отмечалось: «Обязать суд и прокуратуру в 3-дневный срок доказательным процессом провести суд в отношении 26 человек (список прилагается)...»

Я установил, что в деревне из указанных лиц проживало всего 10 человек, а остальные были формально внесены в список из других мест.

Подобные материалы поступали в суд и прокуратуру почти ежедневно.

Сталинский райисполком вынес постановление, которым мне — районному прокурору — предлагалось оштрафовать в 10-дневный срок всех председателей колхозов, не выполняющих план поставок молока и масла, хотя работники исполкома прекрасно знали, что такого права прокурору не предоставлено. Я, естественно, не выполнил этого постановления, что привело к конфликтам с местной властью.

В Камышловском сельсовете Булаевского района по распоряжению уполномоченного исполкома некоего Борискина за невыполне-

ние плана хлебозаготовок были оштрафованы 12 крестьян-единоличников. Для погашения штрафов ночью была направлена в их избы бригада по изъятию имущества. При личном участии Борискина у каждого крестьянина отобрали все имущество до последней ложки, детской одежды и катушек ниток. Затем во всех избах были вынуты оконные рамы, а людям приказали немедленно покинуть свои жилища. В описи изъятых вещей попали лишь выборочные вещи, а сами копии описей никому не вручали. Один из понятых, Александр Трушин, присутствовавший при обыске крестьян, в пьяном виде угрожал им выкриками: «Мы вам покажем кузькину мать!»

Между 5 и 10 ноября 1934 г. постановлением того же Камышловского сельсовета были лишены избирательных прав 20 крестьянских семей, в том числе 8 семей крестьян, состоящих в колхозе. Никаких оснований для лишения избирательных прав не было. Сразу же после состоявшегося решения о лишении указанных семей избирательных прав Борискин послал к ним людей за конфискацией всего имущества «вплоть до иголок».

Когда присутствовавший при обыске член сельсовета Арсентий Логинов попытался узнать у Борискина, на каком основании крестьян лишают избирательных прав и конфискуют их имущество, он услышал в ответ: «Ах, ты скрытый подкулачник!» Затем Борискин приказал посадить Логинова на сутки в холодный амбар.

Пользуясь отсутствием учета отображенного у крестьян имущества, Борискин составлял подложные листы на конфискованное имущество и либо отправлял его к себе домой, либо раздавал своим родственникам.

Когда мне стали известны эти факты, я вынес постановление о привлечении Борискина к судебной ответственности за незаконные действия и одновременно вызвал заведующего райфо (районный финансовый отдел) для проверки конфискованного у крестьян имущества. Как прокурор я внес протест и в Камышловский сельсовет и Булаевский райисполком на их неправильные решения. После этого указанные местные органы были вынуждены отменить свои необоснованные решения и согласиться с прокуратурой о привлечении к уголовной ответственности Борискина.

Подобные факты были не редкостью в то время. Председатель Сенжарского сельсовета Харуто в массовом порядке оштрафовывал единоличников. За неуплату штрафов он отбирал у них 12 лошадей, 22 коровы. Из них по предложению второго секретаря райкома партии Малышева 5 лошадей передал безвозмездно райисполкому. Одну корову за бесценок купил председатель райисполкома А. Ширяев, а вторую — управляющий банком Чернецов. Секретарь райкома Малышев лично отобрал у единоличников села Семаки без всякого решения местных органов власти 8 коров, а решения оформил задним числом.

Разумеется, не без сопротивления местных властей областная прокуратура против указанных лиц возбудила уголовное дело, и они были подвергнуты тюремному заключению на два года. Для того времени это были смелые шаги.

В исполкомах районных Советов поступавшие жалобы зачастую не рассматривались месяцами и надлежащего учета их не производилось. Проводя в 1934 г. в Булаевском районе прокурорский надзор, я обнаружил нерассмотренными 288 жалоб на незаконные действия отдельных работников сельских Советов и исполкома райсовета. Так, жалоба Игнатия Вороны, 39 лет, лежала нерассмотрен-

ной в исполкоме райсовета 3 месяца. Его лишили избирательных прав как кулака. При проверке оказалось, что он батраков никогда не нанимал, спекуляцией не занимался, имел среднее крестьянское хозяйство. Во время гражданской войны был красным партизаном. Сын его погиб в боях за Советскую власть. После разбирательства председатель сельсовета признал, что И. Ворону избирательных прав лишили ошибочно.

Крестьянку Екатерину Яковлеву лишили избирательных прав за то, что она продала на станции несколько литров молока от собственной коровы.

Самодурство отдельных работников доходило до крайности. Так, народный суд Булаевского района, рассмотрев гражданское дело по иску гражданина Руденко к Стройбюро по поводу задержания выплаты зарплаты, вынес решение о взыскании этой суммы в пользу истца. По вступлении решения в законную силу райбанк списал указанную сумму в пользу истца с правопреемника — райстройконторы.

Истребовав решение народного суда по этому делу, председатель исполкома райсовета Воробьев наложил резолюцию: «Райфо! Указанную в решении суда сумму 400 рублей удержать с народного судьи Бурлаченко». Этот председатель исполкома постоянно вмешивался в работу народного суда. Однажды он заявил: «Райисполком является органом диктатуры пролетариата, а суд и прокуратура таковыми не являются, а поэтому должны подчиняться райисполкому. Мы можем давать им (судьям) любые указания по их работе».

Такие безответственные заявления были в духе времени и, естественно, наносили моральный ущерб работникам правоохранительных органов. Но ведь, собственно, к этому призывал и «мэтр» сталинской юстиции Вышинский.

Однажды мне пришлось заниматься делом, связанным с незаконной конфискацией ответственными работниками Мамлютского района серебряной церковной утвари, которую они сдавали в торгсин, а вырученные деньги делили между собой. Конфискаторами оказались председатель райисполкома Киев и заведующий райфо Ковтюх. Им содействовал в подобных махинациях зав. орготделом райкома партии некий Кожемякин. Он же всячески препятствовал привлечению к суду своих соратников, вызывал меня в райком партии и требовал прекращения уголовного дела. Однако дело не было прекращено, и все виновные (в том числе и Кожемякин) понесли в конце концов заслуженное наказание. Давалось это нелегко.

9 сентября 1934 г. я был вызван в бюро Мамлютского райкома партии после появления в печати моих критических статей, на которые в райкоме не обращали должного внимания. Первый секретарь райкома Кожаров неожиданно для всех поставил вопрос о моем освобождении от работы, заявив при этом следующее: «Освободите либо меня, либо прокурора Ломоносова. Дальше так работать не могу. Решайте!» Мне пришлось рассказать о вопиющих фактах беззакония, с которыми столкнулась прокуратура. Но Кожаров не унимался, он требовал приезда комиссии для разрешения вопроса его взаимоотношений с прокурором. Через два дня эта комиссия прибыла. Несмотря на нападки некоторых работников райкома, ряд товарищей — начальники политотделов и некоторые члены бюро райкома — критически и обстоятельно разобрались в надуманном конфликте и признали действия прокурора правильными. В резуль-

тате Кожаров был вынужден признать свою неправоту, и конфликт разрешился мирным путем. К сожалению, не везде на местах побеждал здравый смысл и справедливость. Очень часто «нежелательных лиц» для райкома объявляли «врагами народа» и жестоко с ними расправлялись. При этом пренебрегали элементарными требованиями законности. Указания «великого Сталина» отложить законы в сторону, тезис Вышинского о признании как главном доказательстве понимались многими прямолинейно, а потому нарушения социалистической законности приобретали с каждым годом все больший размах. К счастью, в правоохранительных органах работали и такие люди, которые не могли мириться с укоренившимися беспорядками, с нарушениями законности.

К их числу я в первую очередь хочу отнести тогдашнего прокурора Карагандинской области Андрея Христиановича Пумпур-Андреева, члена партии с 1904 г., латыша, уроженца Курляндской губернии.

Свою деятельность в Карагандинской области в 30-е годы он начал с подбора и расстановки кадров. Андрей Христианович хорошо знал людей, подбирал работников по моральным качествам и профессиональным навыкам, организовал шестимесячные юридические курсы для слабо подготовленных выдвиженцев из крестьян и рабочих.

Меня он дружески опекал, делился своим богатым житейским опытом, знаниями и примерами из практики своих судебных дел.

Помню, как однажды сказал мне: «В работе будьте всегда внимательны и самостоятельны. Никогда не поддавайтесь, Георгий, давлению, пусть даже со стороны самого господ бога! Времена меняются. Все, что сейчас творится,— это аномалия! Это не линия большевистской партии. Рано или поздно все встанет на свои места».

Отношения А. Х. Пумпур-Андреева с работниками НКВД были весьма натянутыми. Я был свидетелем, как его постоянно вызывали и в органы, и в обком партии, откуда он возвращался подавленный и угрюмый.

Андрей Христианович поддержал как-то решение специальной коллегии областного суда, согласно которому обвинявшийся ранее гражданин в совершении якобы «контрреволюционного поступка» был оправдан из-за отсутствия в его действиях состава преступления. Однако органы НКВД передали обвиняемого «тройке», которая подвергнула этого гражданина 10 годам лишения свободы.

15 и 16 июля 1937 года в Алма-Ате, Петропавловске и в других городах состоялись массовые митинги по случаю награждения народного комиссара внутренних дел Ежова Н. И. орденом Ленина.

Работники Энской авиашколы НКВД писали: «Постановление правительства о награждении Вас орденом Ленина,— указывали они в телеграмме Ежову,— мы встретили с великой радостью. Вы, как подлинный большевик, чекист, воспитанный великой партией Ленина — Сталина вовремя разоблачали и пресекали контрреволюционную деятельность врагов народа. Заверяем Вас, любимый нарком, что мы еще больше повысим большевистскую бдительность, до конца выкорчем все троцкистско-бухаринские, фашистские, контрреволюционные элементы».

В дни «ежовских торжеств» мне довелось ехать с А. Х. Пумпур-Андреевым в машине до г. Кокчетав. По пути Андрей Христианович, не обращая внимания на шофера, в резкой форме отозвался

о награжденном наркоче внутренних дел, взял лежавший рядом на сиденье номер областной газеты, в которой сообщалось о чествовании Ежова, и бросил его под ноги.

Дальновидному опытному большевику уже тогда отчетливо представлялись масштабы чудовищных правонарушений во внутривполитической жизни страны.

К моему великому сожалению, позже я узнал, что Андрея Христиановича освободили от занимаемой должности ввиду тяжелой болезни. А потом последовала более страшная новость — Пумпур-Андреева по постановлению «тройки» расстреляли. Так расправились с неугодным, тяжелобольным работником юриспруденции — человеком безупречной репутации.

Если бы не активное в свое время вмешательство А. Х. Пумпур-Андреева в 1937 г., мог пострадать и я, лишиться партийного билета, а возможно, и свободы...

Рассказ Г. ЛОМОНОСОВА
записал С. ГЛУШНЕВ

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

НЕ ПРЕДУСМОТРЕЛ...

Около полуночи на пульте отдела вневедомственной охраны Ленинского РОВД Калуги сработала сигнализация: загорелась лампочка с табличкой «магазин «Электрон». Через несколько минут патрульные машины прибыли на место. Стеклопные двери магазина были разбиты, а прилавок кооперативного отдела оказался пустым. Проведенная ревизия обнаружила недостачу импортной радиоаппаратуры на несколько тысяч рублей. Неизвестный преступник сорвал крупный куш. Казалось бы, похищенного ему хватит надолго...

Однако через несколько дней сигнализация сработала вновь, и прибывшая в магазин оперативная группа опять осматривала разбитые двери и покореженные прилавки кооперативного отдела. Как и в прошлый раз, преступник успел покинуть «гостеприимный» магазин за несколько минут до приезда милиции.

На поиск дерзкого преступника были брошены самые опытные работники. И вскоре он был обнаружен. Им оказался ранее судимый О. Коротков, недавно условно-досрочно освобожденный из мест лишения свободы. Ничто не мешало ему начать новую жизнь. Устроился на работу, да и отец на первые расходы подарил ему по случаю освобождения полторы тысячи рублей. Но честных денег Короткову катастрофически не хватало. Поиздержавшись, он решил пойти на кражу. Коротков знал, что в магазине действует сигнализация, но рассчитывал на стремительность своих действий. И этот расчет оправдался. Просчитался Коротков в другом. Он не учел возможностей уголовного розыска по расследованию преступлений.

И вот закономерный финал: Коротков осужден к 5 годам и 6 месяцам лишения свободы с конфискацией имущества и с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Г. ТАРАСЕНКО,
народный судья

г. КАЛУГА

МУРОМСКАЯ НАХОДКА

Общеизвестно, что цели современной криминалистики состоят в оказании следственным и судебным органам квалифицированной помощи с использованием проверенных научных методов для установления истины по конкретным уголовным делам. Однако разные бывают случаи, не только преступления, погони, выезды на места происшествий. Разумеется, эпизоды, выходящие за рамки обычной работы, в практике экспертов-криминалистов встречаются редко, но за ними, как правило, увлекательный исторический или научный поиск.

Однажды в экспертно-криминалистическом отделе УВД Владимирского облисполкома мне довелось увидеть отношение, поступившее из Муром. На бланке-Завода им. С. Орджоникидзе был отпечатан текст следующего содержания:

«Начальнику областного управления внутренних дел, генерал-майору Долгову В. В. Наш завод 3 июля 1987 года будет отмечать свой 120-летний юбилей. Среди прочих подготовительных мероприятий намечена реконструкция заводского музея, обновление и расширение его экспозиции. В одной из частных коллекций (краевед И. П. Богатов) нам удалось обнаружить две подлинные листовки, которые распространялись в 1905 году партийной группой нашего завода, руководимой известным революционером А. Г. Шляпниковым. Просим Вас оказать помощь в восстановлении текста этих листовок. Для завода и города это уникальные экспонаты, и недопустимо, чтобы они пропадали. Директор завода Н. Г. Лаврентьев. Секретарь парткома К. К. Бычинский».

В верхнем углу отношения вижу поручение В. Долгова начальнику экспертного отдела: «В. Трофимову, к исполнению», а ниже распоряжение полковника Трофимова о поручении задания своему тогдашнему заместителю эксперту-криминалисту В. Кузнецову. К отношению приложены два листа бумаги величиной чуть больше обыкновенных тетрадных. Ветхие и пожелтевшие, с надорванными краями и абсолютно неразличимым текстом. Пытаюсь прочесть хотя бы слово, однако усилия напрасны. Лишь в верхней части первого листа заметны две строки «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Зайдем в здание Владимирского областного управления внутренних дел, где расположен экспертно-криминалистический отдел, коротко ЭКО, так называют его юристы. Обычные, как в любом учреждении, коридоры, на дверях таблички с надписями: «Судебный почерковед», «Судебный химик», «Судебный трасолог». В просторном светлом зале с темными шторами на окнах приборы, которыми пользуются эксперты: различные виды микроскопов, электронные преобразователи, люминесцентные лампы, сложная фототехника. Ря-

дом две большие фотолаборатории — для обычных и цветных работ.

Здесь я встретился с майором милиции В. А. Кузнецовым. Владимиру Анатольевичу еще нет и сорока. По-спортивному подтянутый, он выглядит значительно моложе своих лет. За время службы им выполнены десятки сложных экспертиз, он владеет разнообразными приемами криминалистических исследований. Словом, мастер на все руки.

Интересуюсь, можно ли будет прочесть текст на бумагах из Мурома, прошу моего собеседника хотя бы в общих чертах ознакомить с этапами предстоящей работы.

— Предметами нашего исследования нередко бывают разнообразные документы, чаще всего бухгалтерского содержания. Но поступают и иные бумаги,— начинает Кузнецов.— Конечно, не такой давности, как муромские реликвии. Содержание может быть рукописным, отпечатанным в типографии или машинописью, состоять из связного текста или отдельных фраз. В данном случае мы имеем дело с очень старым, «угасшим» от времени и неудовлетворительных условий хранения рукописным текстом более чем восьмидесятилетней давности. В общем, недели за две попробую справиться...

Поначалу эксперт использовал микроскоп, но даже значительное увеличение не давало должного эффекта: ведь сохранились лишь отдельные, плохо различимые буквы, местами только «тени» букв, которые никак не связывались в единое текстовое содержание. Тогда Кузнецов попытался усилить слабозаметные штрихи и следы специальной фотосъемкой с увеличением контраста изображения по методу Е. Ф. Буринского. К слову, нашего русского ученого, внесшего крупный вклад в развитие не только отечественной, но и мировой криминалистики. После фотосъемки проявились отдельные слова, некоторые буквы.

Получив достаточно четкие фотографии, Владимир Анатольевич на завершающем этапе использовал исследование в инфракрасных лучах с помощью специального прибора — электронно-оптического преобразователя. Оно оказалось наиболее эффективным. Так, комбинируя разные методы, ему удалось восстановить текст более чем восьмидесятилетней давности.

Краткое сопроводительное отношение в партком Завода им. С. Орджоникидзе начиналось словами: «Направляются фотоснимки листовок с текстом, угасшим от длительного времени с 1905 года. Текст восстановлен методом усиления контраста с помощью светофильтров «КС-12» и фотосъемки инфракрасной люминесценции на пленку «Инфра-730».

Содержание строк, рожденных суровой весной 1905 года, эксперт приводит полностью:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Программа для занятий с крестьянами.

Лекция 1-я. 9 января 1905 г. и общий обзор событий последнего времени. Связь этих событий с общим ненормальным экономическим (обнищание народных масс, финансовая и податная система, косвенные налоги) и политическим (самодержавие, сословный строй, правовое положение народа) состоянием страны. Война на Дальнем Востоке, ее причины — авантюристическая политика правительства, где цель: укрепление самодержавия путем отвлечения внимания страны от внутренней политики на внешнюю. Влияние войны на экономическое и политическое положение страны. Ближайшая цель

рабочего движения в России — политическое освобождение. Российская Соц.-Дем. Раб. Партия — единый и истинный вождь народа в борьбе за политическое освобождение.

Лекция 2-я. История освобождения крестьян. Значительность по количеству и важность для хозяйства урезанных у крестьян земель. Насколько освобождение действительно раскрепостило крестьян? Экономическое и социальное положение крестьян в настоящее время (крепостнические формы эксплуатации: польная аренда, отработочная аренда, краткосрочная денежная аренда, зимняя кабальная наемка). Сословное положение крестьян (крестьянство как податное сословие. Выкупные платежи, мирские и волостные сборы). Правовое положение крестьян (волостные суды, общинный строй как тормоз для экономического развития деревни, переделы). Общее обнищание деревни, голодовки, эпидемии.

Лекция 3-я. Характеристика и критика современного политического строя России (образ правления, законодательство, сословный строй, финансовая и податная политика). Правовое положение, суды при закрытых дверях без присяжных, политические, административные суды, положение печати, цензура. Развитие капитализма в России и освобождение крестьян. Необходимость политической свободы. История борьбы за политическую свободу. Примеры: «Декабристы», «Земля и воля», «Народная воля», зарождение массового рабочего движения, Северно-Русский, Южно-Русский рабочие союзы. Стихийное бунтарское движение. Экономизм. Политико-экономическая борьба. Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия — воля рабочих в их борьбе.

Лекция 4-я. Аграрная программа РСДРП. Ее связь с общей программой. Отношение социал-демократов к захвату и разделу земель. Две стороны в этой борьбе: прогрессивная — захват земель, стоящих на пути к экономическому развитию деревни (выгоны, водопой, отрезки земли в краткосрочной отработочной аренде) и утопически-реакционная — стремление созданием мелкой частной собственности задержать общий ход экономического развития. Неосуществимость «черного передела». Программа социал-революционеров, ее авантюристский характер. Вопрос о национализации земель. Возможность осуществления аграрной программы РСДРП только в связи с политической революцией. Как бороться до революции?

Лекция 5-я. Рабочий класс как единственный последовательный борец за демократический государственный строй. Что такое демократическая республика? Характеристика политического строя в других странах (Англия, Швейцария, Австрия, Канада, Новая Зеландия). Пролетариат и крестьянство. Необходимость совместной борьбы за политическую свободу. Образ революций и крестьянских восстаний. Отношение социал-демократии к аграрному террору.

Изд. Вл. Соц.-Демокр. Организация. Апрель 1905 г.»

Сейчас, после восстановления текста, ясно, что листовками этот документ можно назвать лишь условно. Вероятнее всего это краткое изложение тематики тех занятий, которые в Муроме велись среди крестьянства. Поражает обстоятельность и широта подхода к проблеме. Всего за пять лекций-бесед предстояло разобрать и январские события 1905 года, и аграрную политику партии, и международное положение, и кардинальный вопрос — о роли пролетариата в грядущей национально-освободительной борьбе. К программе занятий прилагался список литературы с указанием основных источни-

ков, среди которых ведущее положение занимают работы В. И. Ленина («Аграрная программа», «К деревенской бедноте»).

Теперь, сквозь призму времени, столь повышенное внимание к политическому образованию крестьянства представляется неслучайным. Просмотрев ленинские труды, можно убедиться, что лишь за период 1905—1906 гг. Владимир Ильич десятки раз обращался к вопросам положения крестьян, считая вовлечение их в активную революционную борьбу одной из основных задач партии, залогом победы социалистической революции в России.

На последнем листе графологического исследования, выполненного криминалистом В. А. Кузнецовым, отпечатана красным типографским шрифтом короткая процессуальная фраза: «К уголовному делу не приобщать» — свидетельство необычайности работы, выходящей за рамки повседневного экспертного труда. Теперь подлинник редкого документа с восстановленным текстом занял почетное место на стенде заводского музея, приобщая муромскую находку к истории тех далеких пламенных лет.

М. ФУРМАН

г. ВЛАДИМИР

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Слышал, что сейчас можно получить сведения, в каком состоянии находится природная среда в том или ином районе. Нельзя ли рассказать об этом подробнее и существуют ли какие-либо на этот счет официальные документы? (С. Брагин, Сочи).

Как нам сообщили в пресс-центре Госкомприроды СССР, в этом году заместители председателей Госкомгидромета и Госкомприроды СССР и заместитель министра здравоохранения СССР подписали документ «Об осуществлении тесного взаимодействия по вопросам информационного обслуживания населения».

В нем подчеркнута важность регулярного информирования населения о проводимой природоохранной работе с обязательным анализом причин, вызвавших нарушение законодательства об охране природы, и сообщением о принимаемых мерах. В частности, предложено по всем фактам экстремально высокого загрязнения, поражения растительности, гибели животных готовить и представлять в чрезвычайные постоянные комиссии и средства массовой информации материалы. Первые сведения об аварийных или других крупномасштабных загрязнениях население должно узнавать в возможно более сжатые сроки. Предусматриваются совместные периодические публикации в газетах, сообщения по радио и телевидению сведений о текущей обстановке, обусловленной загрязнением.

Периодичность таких публикаций должна быть, особенно по наиболее загрязненным городам, по столицам союзных республик, по городам с населением более миллиона человек и по курортам, не реже одного раза в декаду; о качестве питьевой воды — раз в месяц; о качестве воды водных объектов в местах рекреации — не реже двух раз в месяц (в купальный сезон).

По итогам года необходимо совместно проводить детальный разбор сложившейся экологической обстановки и сообщать об этом в местной печати.

П. МОРГУНОВ

ЗАЧЕМ СУДЬЕ «УКЛОНЫ»?

Послесловие к приговору

Эксперта-химика Л. Круглий вообще-то удивить трудно, но и она ахнула, когда поняла, из чего состоит продаваемая в магазине аджика: молотый кирпич, сорные травы, чеснок вместе с несъедобной частью — чешуей, просто грязь... А если взглянуть на этот продукт в микроскоп, то обнаружишь клещей, жучков и червячков, именуемых «амбарными вредителями»... Но откуда «амбарным»-то взяться? Там же перец... А то был и не перец вовсе — в основном (90 процентов) подкрашенные непищевым (!) красителем крахмало-содержащие — горчица, пшеница, рожь. В амбарах это раньше держали, потому и вредителей «амбарными» прозвали. Отчего ж им в привычной-то среде не размножаться? Словом, не аджика, а что-то совершенно несъедобное, а возможно, и опасное для здоровья покупателей.

Тысячи людей пробовали и не распробовали? Ну, может, какая хозяйка и догадалась, что вместо аджики потребкооперация Ростовской области подсунула ей какую-то гадость, да рубль — не деньги, выбросила и забыла. А когда следователи следственной группы МВД СССР сложили эти рубли — сотнями тысяч запахло. И хотя делили «барыш» не два, а двадцать два человека, суммы впечатляют: 131 тысяча (Ключников), 645 тысяч (Щирицын), 734 тысячи (Макеев)... Венчает пирамиду некий Гречко — почти полтора миллиона! Ну, ему вроде по рангу положено. Во-первых, закоперщик — это он, будучи директором Таганрогской заготсбытбазы, организовал цех по выпуску перца и аджики. Во-вторых, юрист по образованию, к тому же бывший работник милиции. В-третьих, он и кадровый вопрос решал соответственно — почти половина «работников» уже имели к тому времени судимости. Профессионализм — он всегда дает о себе знать...

На следствие и суд ушло четыре года. В результате знаток советских законов получил 12 лет лишения свободы с конфискацией имущества, в Верховный Совет СССР внесено представление — лишить его медалей «Ветеран труда» и «50 лет советской милиции». По-разному (от «усиленного режима» на несколько лет до наказания условно, а то и полного оправдания) оценил суд действия его приспешников. Так что можно бы поставить на этом точку, если бы не одно обстоятельство: все перечисленные ранее суммы хищения суд под председательством В. Авдеенко из обвинения исключил, определив размер ущерба государству в... 88 тысяч рублей.

Не дело журналиста решать, кому сколько вменить в вину, это прерогатива исключительно суда. Но возникает вопрос, от которого никуда не деться: как такое могло случиться? Гречко, оказывается, брал «по-божески», всего-то 11 тысяч, а ему чуть полтора миллиона не «насчитали». Шутка ли, так ошибиться? И о чем же тогда говорят 150 томов предварительного расследования?

Как о чем? Показания обвиняемых и свидетелей, заключения судебно-бухгалтерских, криминалистических и химических экспертиз,

вещественные доказательства, изъятые в процессе расследования, протоколы очных ставок, подложные документы... Все честь по чести. И, если взять в расчет эти доказательства, то выходит, Гречко и К^о действовали просто, без затей: брали из кассы заготсбытбазы многотысячный аванс на закупку перца у населения, отчитывались за него очередным фиктивным документом и приступали к дележу.

Так сколько же они «хапнули» — сотни тысяч или всего 88? Несравнимые цифры-то. А может, следователи ошиблись?

— Они, — без тени сомнения подтверждает судья Авдеенко. — Прессу читаете? Значит, знаете, на что этот народец способен — сплошь одни недозволенные методы.

Что правда, то правда, следователям последнее время приходится туго. По моим наблюдениям, более половины подсудимых обвиняют предварительное следствие в применении «недозволенных методов», «психологическом давлении». И чем следователь дошнее, чем больше «накопал», тем серьезнее обвинения, тем основательнее его трясут... Первыми не выдерживают классные специалисты. Не желают они, чтобы отребье человеческое, которое при случае и мать с отцом не пожалеет, честь их и достоинство пачкало. И первыми стали «выходить из игры». По сведениям МВД СССР, рапорт с просьбой перевести на другую работу, «не связанную с предварительным следствием», только за шесть месяцев прошлого года подали 500 следователей — в десять раз больше, чем в другие годы!

Но может, по делу работали как раз такие следователи, которых палкой надо гнать из правоохранительных органов? В жизни, к сожалению, и такое бывает. Но что, в частности, показала прокурорская проверка по этому делу? Подтвердились «недозволенные методы»? Судья Авдеенко заметно смущен:

— Нет, не подтвердились. Но сомнения у меня есть.

Виктор Владимирович — юрист опытный, за его плечами еще и более двадцати лет работы в военном трибунале, а ответ — не профессионален, так скажем. Судья-профессионал и поступил бы, и ответил бы по-другому: есть нарушения, значит, надо выносить в отношении следователя частное определение. Авдеенко такого определения не выносил. Почему? Да потому, что понимал: для такого шага нужны основания, а их нет.

— Намеки на «сомнения» не случайны, — дает свою оценку начальник отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Ростовской областной прокуратуры А. Тринитатский. — Они беспочвенны, но хоть как-то объясняют позицию судьи в принципиальнейшем вопросе — как судить. Насколько я знаю стиль и методы Авдеенко, этот судья судит с оправдательным уклоном. То есть особое внимание уделяет преимущественно тем фактам и доказательствам, которые смягчают вину подсудимого.

Гуманный судья? Это прекрасно! По крайней мере его не упрекнешь, что он шагает не в ногу с жизнью. Бытует мнение: лучше оправдать девять преступников, чем осудить одного невиновного.

Насчет невиновного возражений быть не может. Его место только на свободе. А насчет того, что преступника лучше на всякий случай отпустить, есть сомнение. Разве не ясно, что девять нарушителей закона способны на воле сделать несчастными целый полк невиновных? Разве гуманность без объективности возможна?

Конечно, судья — человек. Совестьливого, если перегнул, кошмары по ночам замучают: не только судьба — жизнь порой в его

руках. Поэтому лучше не отклоняться, действовать строго в рамках закона. Учитывать все доказательства: и документы — безмолвные свидетели происшедшего, и показания очевидцев, и, конечно же, профессиональные заключения экспертов. Проанализировать дело, изучить тщательнейшим образом. И оценить. Наряду с другими доказательствами. А как работает Авдеенко?

Заготовитель перца Тюрязев на суде показал: сдатчикам платил наличными, вот в соответствующей графе и подписи. А экспертиза доказала, что почти все они поддельные. Следствие предъявило Тюрязеву обвинение в хищении 24 тысяч рублей, суд его оправдывает, поскольку находит «сомнительной объективность и обоснованность заключения эксперта-почерковеда». Если заключение показалось «сомнительным», кто мешает суду назначить повторное исследование — с другим экспертом? Нет, не назначил, а эксперта даже не допросил! Так сильно не глянулся? Естественно, по этому вопросу мнения суда и следствия разошлись. Следователи считают, что Тюрязев преступил закон, а судья Авдеенко полагает обратное.

Полярные мнения у сторон сложились и об обвиняемом Ступе, которому вменялось хищение 130 тысяч рублей. Ступа твердил: «Не брал». Стало быть, решил суд, так оно и есть. И здесь мнение экспертов не брали в расчет. Таких случаев пренебрежения выводами специалистов в своей области не счесть.

Стремление судьи максимально облегчить участь подсудимого понять можно по-разному. Первое, что приходит в голову, — расчет на «благодарность» обвиняемых. Материальную заинтересованность отмечаю сразу же. Имей я такие основания, тема этой публикации была бы иной. А моральную — допускаю.

Не исключаю тут и особенностей характера. А вдруг это такой судья, у которого сердце, действительно, не камень? Лучше нас с вами знает, что такое тюрьма, вот и жалеет людей... Может такое быть? Почему бы и нет?

Признаюсь, эта мысль мне нравилась больше других. И навел на нее сам Авдеенко. Рассуждения о презумпции невиновности он обязательно завершал напоминанием о детях подсудимых: «Если я ошибусь, у них может сложиться неверное представление о справедливости в нашей стране». Но некоторые факты из этого «дела», откровенно говоря, смущают. Ну хотя бы такой.

Четыре злоумышленника умыкнули 25 тысяч рублей. Один из них, Цецхладзе, был осужден за это и уже отбывал срок. Суду под председательством Авдеенко предстояло лишь выяснить, как действовали остальные трое: Гречко, Василенко и Прокопенко. Первые двое не признали свою вину, суд по этому эпизоду их оправдал. А Прокопенко на суде все выложил, как на духу и... получил «по совокупности» восемь лет усиленного режима с конфискацией. Освобожденная от ответственности Василенко, между прочим, детей не имеет, а у Прокопенко — десятилетний. Не зачлось.

Претензии к суду и у подсудимого Фоменкова: осужден к строгой мере наказания, «потому что честно признал себя виновным. А те, кто отказался от своих показаний либо не признал себя виновным, оказались оправданными или получили мягкое наказание». А у Фоменкова двое несовершеннолетних.

Настаивал на отмене приговора (стало быть, не согласен с мнением суда под председательством Авдеенко) и сам Гречко. «Скостили» ему миллион с гаком — мало, оказывается. Дело надо прекратить, так как он, Гречко, преступления вообще «не совершал».

Не надо улыбаться! Аппетит, как известно, приходит во время еды, но и резон у Гречко был. Сначала, видите ли, «шили» почти полтора миллиона, суд подтвердил лишь 11 тысяч, но прочтите внимательно приговор: там эти полтора миллиона «из обвинения исключаются». За что же, спрашивается, 12 лет усиленного режима?

Семь месяцев длилось судебное заседание под председательством Авдеенко. Итог нам известен. Возмущены следователи и эксперты — пропали два года кропотливейшего труда, требуют отмены приговора осужденные, нельзя сказать, что и покупатели аджики умиротворены. И тогда свое веское слово сказала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР (председатель суда А. Перепеченов, члены суда Н. Белоусова и А. Бурова). Приговор Ростовского областного суда был отменен, и дело направлено на новое судебное рассмотрение.

Когда материал готовился к печати, автору стало известно, что суд в новом составе завершил свою работу. Разница в оценках предыдущего суда и этого сшеломляет. Оправданных и приговоренных к отбытию наказания условно вообще нет. Многим, в том числе и Гречко, срок увеличен.

Теперь мы убедились: Авдеенко вел данное дело с «оправдательным уклоном». И в этой связи он нам интересен ровно настолько, насколько полно отражает такой тип судьи на данном этапе перестройки.

«Суды не судят!» — формально к такой оценке судебной деятельности Авдеенко отношения вроде бы не имеет. И он, по его словам, «мог вернуть дело на доследование», как поступают его коллеги. Но «этого не сделал». Верно, «на доследование» не вернул, так ведь и сам толком не разобрался! Не потому ли, что руководствовался исключительно принципом: приговор можно вынести только в том случае, если обвиняемый признает свою вину. Помните? Признал — виноват, не признал — не виноват. Признание — царица доказательств. Да, да, та самая, только под другой, более современной маской — объективности и гуманности.

Отчего же в наших судьях так живуча «закваска» старой школы? Да оттого, что облегчает судье жизнь, делает ее менее хлопотной. Не надо исследовать тысячи документов, сотни заключений экспертов различных специальностей, анализировать показания обвиняемых и свидетелей, сопоставлять их. Достаточно спросить: «Признаетесь? Ах нет? Вы свободны». Но тогда необходимость в предварительном следствии отпадает. Не нужны и выводы экспертов — они только усложняют ситуацию.

Предвижу реакцию Виктора Владимировича: он — и поклонник «царицы доказательств»? Смею утверждать — да, поклонник.

Конечно, такая позиция судьи развращает преступивших закон, убеждая их в безнаказанности. А когда возмездие все-таки настигает, как в случае с Гречко и К°, очищения через покаяние не происходит — слишком поздно. Убедительным аргументом в пользу такого вывода считаю факт из жизни: за минуту до оглашения нового приговора четверо подсудимых (Экнадиосов, Мордахаев, Тюрязев и Бирюков) попросили разрешения «выйти покурить» — теперь на них объявлен всесоюзный розыск. Так что перевоспитание откладывается.

Л. ЛЯНГЕ

РОСТОВ-НА-ДОНУ

О «СПОРТЕ— НЕ СПОРЬТЕ»?

Когда мы говорим «суд», «судья», то прежде всего подразумеваем процесс или человека, который поможет восстановить истину и справедливость в споре, накажет виновного, защитит потерпевшего. Так в жизни, так и в спорте. Сейчас идет судебно-правовая реформа. От ее результатов во многом зависит судьба перестройки, так как не может быть положительных сдвигов в нашей жизни без создания правового государства. Учитывая особую пропагандистскую роль, которую играет в современной жизни спорт, и в частности футбол, нельзя оставаться безразличным к тому, как идет перестройка в спортивном судействе. Как ни странно, но именно по уровню судейства на спортивных соревнованиях многие люди, особенно болельщики, косвенно судят об уровне справедливости.

А нареканий к судейству, к сожалению, пока было предостаточно, хотя его уровень в футболе значительно повысился в последнее время. С замечаниями аттестовано 22 арбитра, а два года назад этот показатель составлял 67. Всего две «двойки» выставлены судьям по итогам педингов первенства страны среди команд высшей и первой лиг, Кубка СССР и Кубка Федерации. 22 грубые ошибки допущены за сезон, что в три раза меньше, чем прежде. Чаще всего претензии предъявлялись по пенальти. Здесь количество проколов у нас — 15. Несмотря на видимое улучшение качества судейства, многие специалисты нам говорили, что Всесоюзная коллегия судей сделала лишь первые робкие шаги по нормализации положения. Пока по сути дела изменения в судействе не так принципиальны и глубоки, как хотелось бы, осуществлен лишь «косметический» ремонт. А темп реформ нашей жизни требует более радикальных преобразований.

А что такое ошибки судьи в футболе, особенно сегодня, когда многие команды переходят на хозрасчет? Давайте прикинем только денежные потери пострадавших клубов. Итак, из-за ошибки судьи команда проиграла. Футболисты лишились премии. В высшей лиге это примерно 5000 рублей на команду. Кроме того, потеря очков может повлиять на положение клуба в итоговой таблице. Казалось бы, какая разница между коллективами, занявшими пятое и шестое места? Огромная! Пятое место — это гарантированное участие в Кубке УЕФА. Следовательно, престижные игры и дополнительные доходы.

Но куда более значительны потери моральные. Естественно, арбитры — тоже люди. И им свойственно ошибаться. Другое дело — предвзятое судейство, взятки, сговоры. Всего этого пока достаточно в спорте. Футбол ведь развивается не в изоляции от общества. Всеобщие пороки в нем отражаются, как в зеркале. Не только в спорте мы видим коррупцию, протекционизм, некомпетентность. Все эти негативные явления очень трудно доказуемы. И, как ни странно, наказуемы трудно. Арбитра нельзя привлечь к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением. Ведь судейство у нас — дело добровольное. Для многих людей это своеобраз-

ное хобби. И нет пока закона, кроме отлучения от спорта, чтобы наказать взяточника на футбольном поле.

Злоупотребления во многом следствие некомпетентности. А откуда могут взяться специалисты, если футбольных арбитров в СССР не готовит ни одно учебное заведение? Все они, как правило, самоучки, пришедшие к своей профессии случайно.

Единственное место, где арбитров учат уму-разуму, — это предсезонные двухнедельные сборы на Черноморском побережье. Нонсенс: футболисты начинают подготовку к сезону в декабре — январе. Три месяца упорно тренируются, участвуют в контрольных встречах и в весну входят функционально готовыми. А арбитры? Две недели положения не спасают. Разрыв между подготовленностью игроков и судей огромен и очевиден, а с введением хозрасчета у футбольных команд он возрастает еще больше.

Для нашего спортивного судейства характерны беды судейства вообще. Прежде всего это слабое техническое оснащение. О каком резком улучшении качества судейства можно говорить, если арбитры не имеют ни видеомagneтофонов для просмотра матчей, ни кассет по специальным урокам-заданиям, ни достаточного количества гетр, бутс, футболок! Причем, как нам сказали во Всесоюзной коллегии судей, арбитры ничего не просят взаймы у государства, готовы перейти на хозрасчет, в том числе и валютный. Но пресловутый административный пресс и тут мешает развитию самостоятельности и инициативы.

Другая проблема, о которой с горечью нам говорили многие арбитры, — это комплектация состава инспекционной комиссии. Любители футбола знают, что за действиями судьи на поле наблюдает инспектор матча, который после окончания игры выставляет ему оценки. Практически во всех странах мира инспекторская комиссия состоит из бывших судей высочайшей квалификации. А у нас? В инспектора прорываются общественники, которые никогда не были судьями. Инспектирование для многих стало как бы средством их материального поощрения. Не секрет: инспектор получает за матч 50 рублей. Арбитр в поле в высшей лиге — тоже пятьдесят. А судьи на линии — всего семнадцать с половиной. Где же справедливость? Кроме того, судьи на инспекторов повлиять никак не могут, те же выставляют арбитрам оценки, от которых зависит их положение в табели о рангах.

Из разговоров с судьями мы поняли, что их авторитет и компетентность нельзя повысить, пренебрегая материальной заинтересованностью. За последние годы в судейском деле накопилось немало деформаций. Одна из них состоит в том, что по-прежнему почему-то считается, будто честность, совесть не зависят от материального благосостояния человека. На наш взгляд, это глубокое и опасное заблуждение. Чтобы быть действительно независимым, судья должен быть прежде всего независимым материально.

Сейчас же это люди, перебивающиеся от зарплаты до зарплаты. В судьи зачастую приходят бывшие футболисты, которые работают рядовыми инструкторами по спорту с зарплатой 110—120 рублей. И дополнительная тысяча «рэ» в год вовсе не скрашивает их материального благополучия. Но никто и никогда не ставил вопроса о материальном обеспечении судьи всесоюзной, международной категории.

А может быть, именно низкие доходы и подталкивают некоторых

судей на разного рода сделки, взятки, предвзятость? Это очень болезненная и щекотливая тема. Раньше о ней вообще не писали. Гласность приоткрыла и эту запретную зону. Хотя во Всесоюзной коллегии судей говорят об этом по-прежнему неохотно. О какой честности в судействе можно говорить, если, случается, судьи идут на элементарный подлог! Известно, что судить можно до 50 лет. Вот и подделывают некоторые судьи дату рождения. В Управление футбола, например, недавно поступили письма: объясните, каким образом помолодели В. Миминошвили и А. Тимошенко. Миминошвили сначала был 1939 года рождения, а потом оказался на три года моложе. Такая же ситуация и у Тимошенко. 1941 год рождения он превратил в 1944-й.

Проверили и других арбитров. Выяснилось, что Анвар Салиджанов из Ташкента уже давно пишет во всех документах 1946 год рождения, хотя на самом деле он старше на три года. И тем не менее узбекская республиканская коллегия судей продолжает настойчиво рекомендовать Анвара в судьи высшей лиги. Как же можно доверять судейство такому человеку?!

Недавно Всесоюзная коллегия судей провела любопытный эксперимент. Старшим тренерам команд высшей лиги предложили список из 35 лучших арбитров страны и попросили их отобрать судей для заключения контрактов. Появилась уникальная возможность составить двадцатку арбитров, устраивающих и мастерством, и личными качествами. Увы, ответы пришли только из шести команд. Значит, остальным выгодны слабенькие судьи? На них ведь можно списывать и собственные просчеты.

Как же повысить правовой статус арбитра, его социальную защищенность? Судья сегодня — абсолютно бесправное лицо. Любой тренер может опротестовать его действия в матче, любой журналист — оскорбить в газете, любой начальник на основной работе — не отпустить на судейство. У специалистов есть мнение. Необходимо создать Союз футбольных судей на правах самостоятельной хозрасчетной структурной единицы.

— А не возникнет ли при такой системе клановость арбитров? — спросили мы у ответственного секретаря Всесоюзной коллегии судей Сергея Хусаинова.

— Хуже, чем сейчас, не будет, — последовал ответ. — Сегодня выдвижение судей идет втайне от общественности. Республиканские коллегии судей присылают в ВСК свои предложения. В их заявках, как правило, одни и те же лица, исходят они из своих интересов, чаще всего местных. Из года в год, к примеру, заявляют В. Миминошвили, М. Ступара, А. Горинаса, то есть тех, кто не раз и не два уже компрометировал себя грубейшими ошибками. Принцип выдвижения в арбитры высшей лиги возможен только один: спортивный. Поэтому настораживает безответственность товарищей из Грузии, рекомендовавших на 1989 год М. Кобиашвили, отстраненного от судейства всесоюзных соревнований еще пять лет назад. Контракты на судейство в высшей лиге будем заключать лишь с лучшими из лучших. Отрадно, что ведущие тренеры придерживаются этих же взглядов.

Конкурс на право судить матчи высшей лиги Всесоюзная коллегия судей планирует проводить ежегодно. Так что ротация арбитров гарантирована. Не будет и уравниловки в оплате судей, так как платить им будут по конечному результату. Провел сезон без ошибок — получай больше! Ошибся — меньше!

Планы, как видим, у специалистов интересные. Остается только удивляться, кто конкретно сегодня тормозит перестройку спортивного судейства.

Процесс перестройки в спортивном судействе, как мы поняли, направлен на то, чтобы сделать наших судей независимыми и подотчетными, а не зависимыми и неподотчетными, как было до сих пор. Только в таком случае атмосфера во время спортивных состязаний существенно улучшится.

Пока этот материал готовился к печати, была создана Ассоциация футбольных арбитров. Надеемся, новая организация решит, наконец, старые проблемы.

**Ю. БЫЧКОВ,
А. ЧУРКИН**

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

СПАСИБО ЗА ЧУТКОСТЬ

Сразу хочу предупредить, что обращаюсь к вам не с жалобой и не за помощью, а с просьбой, причем довольно необычной.

Работал вахтовым методом на Севере в городе Новый Уренгой, и при увольнении мне не выдали ни заработную плату, ни отпускные, ни даже проездные. Бухгалтерия сослалась на то, что в банке нет денег. Меня заверили, что, как только поступят деньги, мне их сразу перечислят. Это было 19 апреля 1989 года. После возвращения домой до октября 1989 года я дважды обращался в бухгалтерию СУ-27 УСГС города Нового Уренгоя, напоминая им о «долге», но увы...

Тогда решил обратиться в прокуратуру Нового Уренгоя.

И вот 24 октября получаю ответ от советника юстиции, прокурора города Новый Уренгой Ю. А. Бедерина, в котором он сообщает, что мое заявление направлено в трест УСГС. А по истечении некоторого времени на мое имя оттуда пришел перевод. Хотя я считаю, что не все положенные деньги выплачены, но это уже другой вопрос. Главное — лед тронулся.

Обращаясь к вам, убедительно прошу поблагодарить от меня лично товарища Бедерина Ю. А. через ваш журнал за его чуткость, отзывчивость и, если хотите, добропорядочность.

Вот уж поистине человек находится на своем месте. С помощью таких людей мы сможем быстрее одолеть бюрократизм, черствость.

Надеюсь, это послужит уроком и руководству СУ-27 УСГС. Ведь не один я был не рассчитан.

**С уважением
И. ТИМОНИН**

г. СЕВАСТОПОЛЬ

Валерия ГОРДЕЕВА

„НЕ ЖДИ МЕНЯ- МНЕ НЕТ ВОЗВРАТА“

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Воспитанница двух монастырей: православного и католического...

Комсомолка в предвоенном — тогда советском — Белостоке...

Участница Берлинской подпольной организации, известной всему миру как «Красная капелла»...

Узница одиночки в Моабите, где до нее содержался Муса Джалиль...

Заключенная № 23320, отсидевшая три года в Равенсбрюке...

Заключенная № Щ-270, отбывшая десять лет в сталинских лагерях...

Подруга Шарлотты Борман, жены могущественного гитлеровского рейхсляйтера...

Сокамерница по карцеру Елены Семеновой, разведчицы белых, дочери атамана Семенова, повешенного в 1946 году...

Правнучка Валерия Врублевского, личного друга Маркса и Энгельса, легендарного генерала Парижской Коммуны...

Все это вехи судьбы одного человека: Евгении Врублевской, о которой и рассказывает документальная повесть.

І. УЗНИЦА № 23320, ИЛИ НЕСКОЛЬКО МЕКЛЕНБУРГСКИХ СЮЖЕТОВ

*«Я знаю ад, была в нем,
Познала ада муки
Под синим небом, на земле,
В фашистском Равенсбрюке» *.*

— Что случилось, Люц? — Геринг, вяло вскинув в ответном приветствии пухлую руку, пошел навстречу подтянутому офицеру, замершему перед рейхсмаршалом по стойке «смирно».

Это была, конечно, великая честь для такого сопляка, но чего не сделаешь ради старшего сына Бормана! Пришлось не только сразу же откликнуться на его экстренную просьбу о приеме, но и даже вытащить с великой неохотой огромное, тучное тело из просторного кресла.

Хоть Мартин с Шарлоттой давно в разводе, Люц по-прежнему носит фамилию могущественного рейхсляйтера, начальника партийной канцелярии Гитлера. И с этим нельзя не считаться...

— Почему вы так бледны, мой юный друг? Что произошло?

— Нашлась наша с Хельгой мать. Мы наконец получили от нее

* Здесь и далее — фрагменты из лагерных стихов Е. Врублевской.

письмо. Ее похитили прямо на улице Берлина. Долго пытали. Потом полумертвую привезли в Равенсбрюк. Сейчас она в его филиале — в Нойебранденбурге. Я требую с ней свидания. Мы с сестрой должны немедленно ее видеть. — Люц все так же стоял навытяжку, но говорил резко, короткими властными фразами, как равный с равным, без заискивания.

«Требую. Всего-то... Щенок!» — Геринг внутренне вспыхнул, но бульдожье лицо его по-прежнему выражало высшую степень сочувствия.

— Я постараюсь что-нибудь сделать для вас, — с раздумьем произнес он. — И не волнуйтесь так! Думаю, это удастся. Я вас извещу.

Когда дверь за сыном Бормана закрылась, участливое выражение тотчас сошло с лица Геринга — становилось ясно, что его впускают в непростую ситуацию.

Верхушка рейха знала: Шарлотта, которой претило все, что было связано с наци и фашистами, еще до войны сама оставила Мартина и уехала сначала, кажется, в Англию, а потом в Париж. Значит, после его оккупации доблестными войсками фюрера она все-таки вернулась в Германию...

Очень, очень похоже, что арестовали ее не без ведома Мартина! Он всегда был злопамятен. Поэтому действовать нужно крайне осторожно. Тем более что может вылезти наружу и его, Германа, собственный грешок: от Ольги, своей надоевшей любовницы, он избавился точно таким же путем. Ему, создателю в стране системы концлагерей, сделать это было совсем не сложно.

Через несколько дней утренний Appel* в Нойебранденбурге проходил не совсем так, как обычно: на плацу суетилось непривычно много начальства, а среди него молча стояли двое незнакомых людей — девушка в цивильном платье и подтянутый офицер в военной форме.

Они рассеянно следили за происходящим — построением, переключкой, рапортами, — неотрывно глядя лишь на одну изможденную седую женщину в полосатом платье: их мать. Шарлотте тогда было всего сорок шесть лет. Но выглядела она совсем старухой...

Лагерное начальство в те дни не знало предела своей любезности: разрешило детям и матери провести несколько дней вместе, за зоной, в гостинице. Разумеется, под охраной. Но и это было для них великим счастьем!

А потом оно кончилось. Шарлотта вернулась с свой барак, а Люц и Хельга отправились в Берлин — хлопотать.

Но хлопотали не только они. Хлопотало и гестапо: нужно было срочно выяснить, как попало на волю злополучное письмо-разоблачение, кто этому так удачно поспособствовал.

Ну и радовалась же на том необычном аппеле заключенная № 23320! Ведь это было делом ее, Эрики Врублевской, рук!

Почему она так взволновалась, когда узнала, что в лагерь привезли новую пленницу: фрау Шарлотту Шуппе? Не в этапе, как всех... Не поездом, как обычно... А одну. В легковой машине. Об этом девушке шепнула блоковая — полька Ядвига Хойнацкая.

— Она вся изувеченная... Двадцать пять плетей получила, представляешь? — тихонько рассказывала Ядя. — Мышцы просто разрублены...

* Appel — в фашистских концлагерях сбор на плацу, по сирене, всех заключенных дважды в день: утром и вечером.

«Двадцать пять плетей! — ужаснулась про себя Эрика. — Как после такого можно выжить? Да, эта женщина, конечно, антифашистка... Обязательно нужно с ней познакомиться».

До того девушка знала лишь одну представительницу Сопротивления: Мильдред Харнак, стройную, изящную даму средних лет, с которой ранней весной сорок второго года ее свела судьба в берлинской овощной лавке, где они покупали зелень.

Там были в основном постоянные клиентки, и Мильдред вскоре обратила внимание на прислугу фрау Кикебен-Шмитт, девятнадцатилетнюю Эрику.

Хотя многие принимали ее не за служанку, а за младшую сестру Марги, настолько они были похожи: обликом, статью, настолько уважительно относилась интеллигентная хозяйка, имевшая высшее образование и знавшая несколько языков, к своей добросовестной старательной помощнице. Называла только на «вы»... Никогда без стука не входила в ее комнату...

Что же привлекло к девушке Мильдред? Ведь в отличном немецком той не было никакого акцента: ни польского, на котором она говорила и училась с детства, ни тем более русского... И все же что-то остановило на ней внимание многоопытной фрау Харнак, которая объездила с мужем полмира, а по дороге из Японии, в 1932 году, даже жила какое-то время в Москве, в «Метрополе».

И вот когда — слово за слово — она узнала историю девушки, напрямую спросила:

— Неужели тебе не хочется хоть чем-то помочь своей стране?

Белосток, где Эрику застала война, с тридцать девятого года был советским. Впрочем, как и ее родная Беловежская пуща.

— Что же я могу сделать тут, в Берлине? — удивилась девушка.

— У твоего хозяина есть радиоприемник? — Мильдред пытливо смотрела в темные, всегда печальные глаза.

— Да, «Телефункен».

— Прекрасно! Когда никого не будет дома, лови Москву и записывай сводки «Совинформбюро». Потом я тебе буду говорить, кому их передавать. Тут немало девушек с похожей на твою судьбой. Они распространят эти сведения дальше: люди должны знать, что делается на фронтах не только из «Берлинер Цайтунг», где служит твой хозяин, но и из русских источников...

Так в жизни Эрики появилась цель. Так она познакомилась с Надей из Смоленска, с Полиной из Орла, с Яниной из Западной Украины. В свои законные выходные — через воскресенье или вечерами по четвергам — она тайком встречалась с ними и передавала записи.

А вот на Марии Тутай девушка, как говорится, споткнулась. Да так, что оказалась... в тюрьме.

В тот августовский полдень в кухню, где Эрика готовила обед, вошла белая, как мел, хозяйка и еле вымолвила:

— Пришли за тобой... Гестапо...

А через пару минут девушка, прямо в том, в чем была, уже сидела в легковой машине, мчавшейся по направлению к печально известному берлинцам зданию на Александерплац. Еще через десять минут за ней захлопнулась дверь одиночки.

Эрика в отличие от Марги, конечно, поняла, в чем дело, поняла, что случилось непоправимое. Но не могла догадаться, как произошел провал и почему вышли именно на нее. Она же была так аккуратна, так осторожна!

И когда — очень коротко — общалась с соотечественницами... И когда, стараясь не отставать от Левитана, записывала за ним сводки... И когда крошечным фотоаппаратом, полученным от Мильдред, переснимала отпечатанные на машинке листки очередного репортажа о Севастополе, который подготовил для своей газеты только что вернувшийся с фронта хозяин...

Лишь на допросе все, наконец, прояснилось. Следователь — пожилой, в мундире — не скрывал от Эрики причину ареста.

— Что же ты наделала, киндхен? — сочувственно глядя на милостивую девушку, присевшую в книксене и поздоровавшуюся на чистейшем берлинском, с раскатистым «р», диалекте, удивленно спросил он.

По всей вероятности, не ожидал, что «русская шпионка», к встрече с которой готовился, выглядит именно так. Совсем ведь ребенок! «Деточка», как у него невольно вырвалось. К тому же хорошо воспитанный ребенок...

— Ну зачем ты слушала по радио Москву?

— О, господин следователь, это же мой родной язык! Муттершпрахе! Я по нему очень соскучилась, поэтому и решила чуть-чуть послушать.

Теперь все ясно. Эрика поняла, что у немцев есть и подслушивающие и записывающие устройства. А она этого, конечно, не знала. Иначе никогда не сделала бы того, что сделала. Да еще не посоветовавшись с Мильдред...

Когда ей позвонила из автомата Мария, чтобы договориться о встрече, Левитан как раз читал очередную сводку. И Эрика, не долго думая, прибавила звук, шепнув Маше:

— Послушай-ка сама! — Ей очень хотелось, чтобы и та услышала русскую речь, доносящуюся из далекой Москвы.

В это время в квартире раздался звонок, и Эрика, положив телефонную трубку на приемник, пошла открывать. Это был знакомый почтальон, регулярно приносивший хозяину прессу, обильную корреспонденцию.

Передача вскоре кончилась, и, намеками договорившись с Машей о встрече, Эрика повесила трубку. Но свидание их не состоялось: гестаповцы действовали оперативно.

На допросе девушка не юлила и ничего не выдумывала. Да, слушала иногда радио... А вот в последний раз позвонила такая же прислуга, как и она, почти незнакомая, чтобы немного поболтать. Тут как раз почтальон. Вот и положила, не задумываясь, телефонную трубку на приемник, когда пошла открывать...

— Все было именно так, господин следователь. — Эрика говорила очень убедительно. — Вы проверьте!

Они, конечно, проверили. Без ее просьбы. Все совпало: аккуратный почтальон подтвердил время своего визита — вплоть до минут. Хозяин письменно дал ей отличную характеристику: порядочная, честная, работающая, чистоплотная... Но, увы, чистоплотность ее, как и уникальные кулинарные способности не помогли.

— Я бы отпустил тебя, киндхен, — сказал ей с сочувствием следователь при очередном свидании. — Ты, конечно, ни в чем не виновата. Но не могу этого сделать. У меня семья, и она тогда страдает.

Так Эрика оказалась в Равенсбрюке, женском концентрационном лагере, что вольготно раскинулся неподалеку от города Фюр-

стенберг, на прекрасной земле провинции Мекленбург: в библейских кущах и прозрачных озерах.

Ей еще сильно повезло: следователь поверил девушке, оказавшейся на чужбине, и не стал докапываться до истины! Но проведай он о работе Эрики на Мильдред, а значит, на антифашистскую подпольную группу Шульце-Бойзена — Харнака, названную самими гитлеровцами «Красной капеллой» («Красным оркестром», где радисты-«пианисты» не знают устали), Эрике не избежать бы судьбы членов этой легендарной организации, которая имела филиалы по всей Европе и о которой она, естественно, ничего тогда не знала: пули, петли, ножа гильотины.

А так — всего два допроса. Но зато пять тюрем. Ее почему-то постоянно перебрасывали с места на место. Но и тут судьба улыбнулась девушке. Только перевели из тюрьмы Шёнеберг в тюрьму «Ам Берлинер Банхоф» — «У Берлинского вокзала», как предыдущий застеноч разбомбили: летчики метили в завод Опеля, но чуть промахнулись...

Ничего не знала в то время Эрика не только про «Красную капеллу», но и про известного татарского поэта Мусу Джалиля, плененного фашистами и казненного после того, как им не удалось сломить его и завербовать.

Поэтому, когда попала в Моабит, в очередную одиночку, и увидела выцарапанные на стене два слова — «Муса Джалиль», не оценила должным образом историчности этого события. Поняла лишь: надо на всякий случай и свое имя запечатлеть.

Но как это сделать? Нет ведь ничего острого! Тут она заметила свежую замазку, которой, видно, недавно укрепили стекла в зарешеченном окне камеры: приближалась осень, осень сорок второго года. И девушка, ногтем, оттиснула на еще не застывшей желтоватой поверхности: «Эрика Врублевская».

Эрвин Кикебен-Шмитт, фундаментально образованный журналист, имевший прекрасную библиотеку, однажды спросил ее:

— А генерал Парижской Коммуны Валерий Врублевский не родственник вам?

— О, нет, господин Кикебен! Очевидно, однофамилец. А что, разве был такой генерал?

И пока хозяин подробно рассказывал любознательной девушке о человеке с мятежной душой, который боролся сначала на своей родине, в Польше, против самодержавия русского царя, а потом, когда восстание 1863 года было задушено, эмигрировал во Францию и там стал на защиту простого люда, Эрика заворуженно слушала, а сама, по-немецки и с немецкими оборотами, думала:

«О, добрый мой господин, как жаль, что я не могу признаться вам в том, что Валерий Врублевский, друг Маркса и Энгельса, похороненный с почестями в глубокой старости на кладбище Пер-Лашез, у «Стены Коммунаров», — мой прадед... Что он, в гриме и под чужим именем, пробрался через границу на родину лишь для того, чтобы взглянуть на своего первенца-внука: Дмитрия, моего отца... В скромном французском коммивояжере, предлагавшем местным хозяйкам рекламные проспекты новейших швейных машинок, царские жандармы никак не могли заподозрить человека, принесшего столько хлопот правительствам нескольких стран...»

Нет, не надо этого знать ее хорошему хозяину! Как и того, что она совсем даже не Эрика, а Евгения. Так получилось, и ничего теперь не изменить. А виноват во всем милейший старый Отто,

«фатти» — «папочка», как она сразу же его окрестила, которого никогда не забудет. Такими людьми просвещенная Германия может только гордиться.

К тому времени, как они с «фатти» встретились, девушка уже почти два года жила в советском Белостоке, имела паспорт гражданки СССР и даже вступила в комсомол.

Родилась она неподалеку, в небольшом местечке Смоляной садок. Там стояло уже много домиков с воробьиной быстротой разросшегося семейства Врублевских (врубель по-польски — воробей). А началось все со старшего брата Валерия — Игнатия, перешедшего из католичества в православие и получившего за это от русского царя приличный надел земли и право строиться. Благо, кругом лес: почти непроходимая в то время Беловежская пуща.

У первого внука опального генерала было одиннадцать детей. Женья — самая младшая. В десять лет девочка осталась без матери и была помещена в Зиминский женский православный монастырь, что находился неподалеку от Владимира Волынского.

Когда Женья окончила там семь классов, начальную школу, игуменья мать Мария написала в Варшаву, митрополиту Дионисию, о необходимости дальнейшего образования для одаренной сироты. Так Женья оказалась в гимназии при католическом монастыре сестер эльжбетанок.

Новая настоятельница, монашки (все с университетским образованием, а кое-кто с Сорбонной, впрочем, как и в Зиминской обители), подружки-пансионерки очень надеялись, что Женья в двадцать один год, после совершеннолетия, примет католичество.

Но ни этим мечтам, ни мечтам самой девушки, страстно хотевшей, окончив гимназию, выучиться на врача, не суждено было сбыться: Гитлер напал на Польшу, и надо было срочно возвращаться домой.

Несколько десятков девочек из центральной и восточной частей страны в сопровождении трех монашек с трудом добрались на поезде до Варшавы и разместились в какой-то школе.

Город уже бомбили, но все в полной неопределенности чего-то ждали. Лишь сестры эльжбетанки и тут не сидели сложа руки: учили девочек, как можно уберечься от газов, если немцы начнут химическую войну: мочили водой полотенца, натирали их мылом, по команде прикладывали к лицу...

А потом, пошушукавшись друг с другом, отпустили своих подопечных на все четыре стороны: пусть каждая уж как сможет добирается до дома. Ждать помощи неоткуда.

И пошла шестнадцатилетняя Женья в своем сером пансионерском пальтишке и синем беретике пешком по шоссе Варшава — Седльце. По дороге заходила в села. Ее жалели: обогревали, кормили, оставляли на ночлег. До Седльца было километров десять, когда девушка узнала, что ее родные места стали территорией Советского Союза.

Повидавшись с замужней сестрой Ефросиньей, немного отдохнув у нее, Женья отправилась в Белосток: нужно было начинать самостоятельную жизнь.

К счастью, работу нашла довольно быстро — в артели «Коллективный труд». Чем она только не занималась в ней! И ячменный «кофе» приготавливала... И клюквенное вино... И всевозможные колбасы... Дело, конечно, было незнакомое, но монастырский опыт помогал. Там ведь в праздности не проходил ни один час: если не мо-

лились, то учились, работали. Если и после этого оставалось время, то пели, танцевали, устраивали спектакли и разные торжества. И тут уж Женя, отличавшаяся неизбывным желанием по любому поводу сочинять стихи, была незаменима. Ни один праздник не проходил без «поэтки».

В артели особой поэзии не было. Зато была привлекательная новизна незнакомой жизни, которая манила оптимизмом, безапелляционностью лозунгов, постоянными начинаниями и бесконечными призывами. А главное, полной независимостью. Женя, хоть и была подростком, получала какую-никакую зарплату и имела свой угол, который снимала у разных старушек.

По двенадцать часов в день девушка трудилась, а затем мчалась к девяти своим ученикам в разные концы города. Чтобы вступить в комсомол, куда Женя искренне рвалась, она должна была «нести нагрузки». Вот и решилась ликвидировать неграмотность среди взрослых уже людей.

...Позже, в Равенсбрюке, случилось непредвиденное: девушку опознала бывшая хозяйка реквизированного доходного дома, куда Женя регулярно приходила на занятия.

— Это же советская активистка! — со злорадством объясняла всем женщина. — Комсомолка!

Если бы с очередным этапом в лагерь не доставили Цилину, с которой они вместе были у «эльжбетанок», дело могло бы кончиться очень плохо. Но когда вновь прибывшая обо всем узнала, пошла в наступление:

— Да что вы такое говорите? Мы же с этой девушкой вместе были в монастыре!

К счастью, тогда пронесло...

Город бомбили ранним утром, двадцать второго июня. Но как только стихли разрывы, девушка побежала по развороченным дымящимся улицам на службу: в закусочную при артели, в которой последнее время работала официанткой, и где уже все собрались. В том числе и руководство: секретарь партийной организации «товарищ Баков» и комсомольский секретарь — «товарищ Левина». Их называли именно так: с почтением.

— Женя, немцы напали на Советский Союз, — специально для нее растерянно пояснил Баков.

— Что же теперь с нами станет? — невольно вырвалось у девушки.

— Только без паники, — взяв себя в руки, твердо произнес парт-орг. — Армия будет делать свое дело, мы — свое.

Когда на следующий день, ровно в семь тридцать утра, как и положено, Женя пришла в закусочную, там почему-то никого не оказалось. Все было нараспашку, все перевернуто, ни одной живой души... Тогда она вдруг вспомнила, что улицы тоже были абсолютно пустынные.

А вскоре от какого-то одинокого прохожего узнала, что вся власть, большая и малая, даже такая, как «товарищ Баков» и «товарищ Левина», ночью, тайком покинула город. Брошенные же на произвол судьбы люди, расхватав мгновенно бесхозные товары, спрятались кто куда.

Оказывается, только одна наивная Женя, приученная в монастырях держать слово и верить слову других, побежала утром по вымершим улицам на службу — «делать свое дело» — и нашла там...

лишь кастрюлю подсолнечного масла да корзину яиц, которые еще не успели стащить!

Совершенно убитая, брела она к себе, в свой угол. Тут ей встретилась такая же подавленная девушка по имени Даша. И вот неожиданно для себя Женя очутилась в доме главного инженера мясокомбината коммуниста Георгия Георгиевича Романчука, не успевшего эвакуироваться.

Люди эти были «восточниками». Так здесь называли приехавших из России. Значит, им грозила встреча не только с гитлеровцами, но и с местными националистами: те и против немцев, и против русских...

Среди членов этой семьи Женя увидела своего участкового, который ее прописывал. Он оказался братом инженера — Василием Романчуком. А третий брат — Константин — тоже милиционер, спокойно удрал, бросив семью. И такое, значит, бывает...

С первых же минут появления восемнадцатилетней Жени в доме Романчуков она невольно стала лидером в этой абсолютно растерявшейся семье: и от природы решительной была, и обычаи местные, всю здешнюю расстановку сил знала лучше, чем эти люди. Поэтому, что бы девушка ни сказала, ее слушались беспрекословно, мгновенно выполняли каждое указание.

Именно по ее подсказке все тщательно резали на мелкие кусочки толстенную шинель Василия... А затем кинули сукно в огонь и сварили на нем обед... Потом Женя сама осторожно зарыла в сарае сверток с партбилетом и пистолетом своего участкового... Потом решила сходить с Дашей в закусочную и принести оттуда то, что там еще оставалось: яйца и масло — у Романчуков не было никаких припасов... Уходя, она приказала братьям ни под каким видом не покидать дом, а в случае тревоги немедленно спускаться в погреб...

Так, в нервном напряжении и полной неясности обстановки прошло пять дней. А на шестой, на рассвете, послышался оглушительный треск мотоциклов, и в Белосток въехала немецкая моторизованная часть. Была пятница. Начинался шестой день войны.

Вскоре Женя собралась на разведку. Ее не пускали, но девушка решила твердо: надо сориентироваться, понять происходящее. Да и кому она опасна — безоружная мирная жительница? А вот ее отличный немецкий вполне может пригодиться при встрече с оккупантами... И та не замедлила произойти.

Когда Женя увидела в распахнутом окне старинного особняка фигуру фашистского офицера, сердце у нее замерло и куда-то ухнуло: это был первый в ее жизни враг.

— Фройляйн, ком гир! — поманил тот пальцем.

Ноги у Жени стали ватными от страха. Немец, видно, понял это и расшифровал свой приказ:

— Иди сюда, барышня, и все здесь убери!

Когда девушка кончила работу, офицер снова скомандовал: «Пошли!» Сердце опять екнуло: теперь, наверное, расстреляют. Но немец привел Женю в комнату, служившую столовой, и велел накормить. А вскоре опять: «Следуй за мной!» — и вышел на улицу.

«Сейчас — точно все...» — с тоской подумала девушка и обреченно двинулась за офицером. А тот перешел улицу, миновал школу и вошел в сарай, где расположилась солдатская полевая кухня.

— Вот вам помощница, — бросил он двум немолодым поварам в белоснежных халатах, Отто и Вальтеру, колдовавшим у котлов

с герметичными крышками: в них уже варилось что-то ароматное, а вверх уютно пыхали гейзерочки пара. Таких котлов-скороваров, в которых все готовилось буквально за полчаса, Женя раньше никогда не видела.

Вот как произошла ее знаменательная встреча с «фатти» и «он-келем» — «папочкой» и «дядюшкой». Так девушка сразу же стала называть этих двух пожилых людей: они оказались очень внимательными, заботливыми, приняли ее словно родную.

А когда увидели, как она тонюсенько, непрерывной ленточкой, мгновенно очищает картофелину, восторгу их не было предела. Монастырская школа!

— С кем ты живешь, деточка? — поинтересовался старший «фатти».

— С тетей и двоюродной сестрой, — тотчас нашлась Женя. — Мы украинцы.

Романчуки действительно были с Украины. Ну, а раз она назвалась их родственницей...

— Вот и хорошо. Приводи, детка, их завтра с собой. Будете сыты, и нам полегче станет. — Отто щедрой рукой дал Жене хлеба, колбасы...

Со следующего дня Анна Филипповна, жена Георгия Георгиевича, и Даша тоже стали помогать поварам. Работали женщины споро, честно и поэтому не только ели вместе с «папочкой» и «дядюшкой», но и уносили немало вкусных вещей домой, которые тщательно сортировали вечерами: что съесть раньше, а что оставить на совсем уж «черный день».

Все было бы вполне сносно, если бы однажды «фатти» не спросил:

— Да, а как вас зовут? — и задумался, услышав ответы. — Анна? Анна — гут. Дарья? Кайне Дарья. Дора! Еугения? Кайне Еугения. Эрика! — И стал мурлыкать под нос любимую солдатскую песенку про девушку, которую, словно сорт вереска, зовут Эрикой:

— Унд зи гайст — Эрика...

Так, милейший этот человек, поленившись произносить непривычные имена, одним махом, сам того не ведая, серьезно осложнил Женино будущее. Он ведь сумел потом организовать им пропуска, аусвайсы. В ее — черном по белому было написано, что она, Эрика Врублевская (хоть настоящую фамилию удалось сохранить), украинка. Но о завтрашних сложностях никто еще не догадывался...

Месяца два спустя, придя как всегда на работу, женщины удивились: оба повара были словно в воду опущенные.

— Что случилось, фатти? — первая задала вопрос Женя: она и тут верховодила.

— Ой, детка, все очень плохо — нас отправляют на фронт...

Как ни горевали повара, все же не забыли торжественно проститься со своими полюбившимися помощниками. Вместе сфотографировались у котлов. Потом принесли им со склада много всяких нужных продуктов. Достали откуда-то мармелад... Каждой подарили по отрезу на платье...

Вскоре Отто и Вальтер уехали, а на их место прибыла другая бригада. Вот когда женщины впервые узнали, кто такие настоящие фашисты! Никаких продуктов с собой. Никаких совместных трапез. Позволялось лишь выскребать стенки котлов, чтобы пообедать. А что после таких наскребешь?

Но все бы еще ничего: кое-какие запасы дома уже имелись.

Если бы не старший повар. Он с первой минуты просто возненавидел энергичную Женю, угадав в ней главную среди трех женщин.

И вот однажды, посреди рабочего дня, резко передвинув пистолет с бока на середину живота и процедив: «Собирайся! Пошли!», он куда-то повел девушку через весь город.

И Женя, и замершие в страхе «родственницы» поняли все однозначно: на расстрел. Каково же было радостное удивление девушки, когда они вскоре оказались на Бирже труда. Думая, что Женя не знает немецкого, повар, кивнув в ее сторону, пренебрежительно кинул старичку, прямо божьему одуванчику, сидевшему за пишущей машинкой:

— Я привел вам кадр... Слышал, что нужны люди на шахты...— И, довольный собой, удалился.

Старичок внимательно посмотрел на девушку, о чем-то подумал, потом с сочувствием произнес:

— Работа на шахтах очень тяжелая. А вы, фройляйн, случайно не знаете немецкий?

— Знаю.

— Очень хорошо! А не хотите ли работать в немецкой семье — помогать по хозяйству? У меня как раз есть такая заявка...

Женя недолго колебалась и ответила утвердительно.

— Тогда я заведу на вас карточку. Будьте любезны, ваш аусвайс,— и в новый документ с пропуска были переписаны фамилия, имя «Эрика» и адрес Романчуков.— Да, сегодня можете переночевать дома, но завтра я жду вас с самого утра. Не подведите, пожалуйста!

Женя шла с Биржи, не чуя под собой ног: неужели жива? А когда первая радость от встречи с «семьей» схлынула, погрузилась: старичок объяснил, что жить придется в Германии.

— Беги, Женя! — уговаривали ее все.— За ночь ты далеко уйдешь...

Но она только печально улыбалась. Убежать ей, и вправду, ничего не стоит: все и в городе, и в округе знает наизусть. Но что вот с ними будет? «Божий одуванчик», конечно, придет по этому адресу людей. А тут мужчины — «восточники», коммунисты... Стоило ли так упорно спасать их, чтобы самой же погубить?

Утром в назначенный час Женя была на Бирже. Вскоре за ней приехала «работодательница». Так девушка оказалась в услужении у преуспевающего журналиста, жившего в Кенигсберге, на улице Фогельвайде, что означает «Птичий простор».

Может быть, для птиц какой-то простор там и был... А вот ей ближе и понятнее оказались всякие зверушки в клетках, на которых она с тоской смотрела из своей комнатки: прямо под ее окном находился зоопарк — «Цоо».

Осенью сорок первого года хозяин получил повышение, и Кикены переехали в Берлин в восьмикомнатную квартиру на Каролинер-плац, которую девушке приходилось тщательно убирать. А еще готовить еду, ходить в магазины... А еще ухаживать за трехлетним сыном Марги и Эрвина, носящим старогерманское имя — Детлев.

День шел за днем, и вот настало время, когда Эрике — ее, естественно, называли только так — пришлось отправиться в «Украинше Фетраунштелле» — постоянное представительство в Берлине «самостийной Украины».

Дело было в том, что девушке для получения продуктовых и

промтоварных карточек нужен был «вид на жительство». Он очень отличался в лучшую сторону от того, что полагалось, скажем, «восточным рабочим», носившим на груди знак «Ост» и не имевшим права появляться на улице без «работодателей», ездить в городском транспорте: на трамвае, в метро, в двухэтажных омнибусах. Даже от поляков, для которых обязательна латинская буква «Р...» Украинцы стараниями Бендеры, а потом Мельника были уравнены здесь в правах с немцами.

Но загвоздка посещения здания на Марианен-плац, 14, была в том, что Эрика еще из Кенигсберга послала туда по просьбе фрау Марги чудом уцелевшую метрику, свой единственный подлинный документ. А там написано, что она Евгения. Никакой Эрики не было и в помине... Так что шла девушка на этот разговор, уже попрощавшись со своим нынешним положением.

И вдруг небывалая удача! Она узнает, что метрика потерялась. И тут же идет «ва-банк».

— Как это так? Я же именно вам ее выслала — вот квитанция. Значит, вы ее потеряли...

Спектакль пришлось продолжить у начальства.

— Слава Украине! — девушка резко подняла вверх ладонь в традиционном приветствии. И, услышав «Слава героям!», увидев ответный жест, продолжала:

— Я панночка Врублевска... Насчет посвितчения...

— Зараз! Сейчас! — в том, что она действительно украинка да еще такая симпатичная, начальство ничуть не усомнилось (Зиминский монастырь находился в Западной Украине, и язык просительницы был безупречным), тотчас дав указание выписать документ. В него тут же, со слов самой «панночки», было занесено, что она Эрика-Евгения.

Так наконец-то зафиксировались оба ее имени. На всякий случай... Вдруг всплывет затерявшаяся метрика? Вдруг встретится кто-то, знавший ее как Женю?

Теперь в семье Эрвина Кикебена появилась еще одна порция цельного молока и приличное количество белого хлеба: «югендлихе», подросток Эрика сравнялась в правах с маленьким Детлевым. Все детишки в Германии (до двадцати лет!) обеспечивались именно так. А в праздники получали даже по коробке конфет. Шла пока лишь первая зима войны...

А весной сорок второго Эрика повстречала в овощной лавке элегантную строгую женщину, удостоившую ее, «югендлихе», своим вниманием. Они каждый раз очень хорошо разговаривали в ожидании, пока хозяин на своей мотоколяске привезет с рынка свежую зелень, а хозяйка разложит ее на витрине. И никто из них не мог предположить, чем кончатся эти разговоры! Для Эрики — Моабитом, Равенсбрюком, Нойебранденбургом... А для Мильдред — и того хуже...

Но все-таки какое-то предчувствие трагедии, видно, жило в девушке. Иначе, чем объяснить, что буквально за неделю до ареста она вдруг — впервые! — решила сфотографироваться и отправить снимок Ефросинье?

Как ни старалась фрау Клинке, хозяйка мастерской на Рейхштрассе, 3, развеселить Эрику, у нее ничего не вышло. Так и запечатлела она «барышню Кикебен-Шмитт»: грустные карие глаза, обиженная верхняя губка, трогательный крестик на груди, скромная белая блузка... Только у сестры и сохранился этот снимок.

Зыбкий миг человеческой жизни, остановленный фрау Клинке в столице фашистской империи в самый разгар войны.

Попав в Равенсбрюк, Эрика стала нащупывать тех, кто сопротивлялся гитлеровцам. Девушка знала, что в лагере существует подпольный комитет — «Зелена гура»: во главе его стояли польки. Но это было не так-то просто! Равенсбрюк существовал с тридцать девятого года и уже имел традиции, в основе которых в первую очередь осторожность. Эрика почувствовала это особенно остро, когда в один из дней староста барака объявила:

— Сейчас к нам придет фрау Тельман. Все по местам!

Вскоре появилась ничем не примечательная пожилая женщина и села в центре прохода за стол. Сидела она абсолютно молча, и так же молча на нее смотрели со своих нар сотни узниц.

Это длилось не меньше часа. Потом Роза Тельман, жена Эрнста Тельмана, находившегося, как и она, в фашистском застенке, встала и, по-прежнему не сказав ни слова, ушла. А Эрика вдруг осознала, что можно, оказывается, общаться... безмолвно. И все прекрасно понимать! Так было не раз, и не только в их бараке.

Худая, в «гольцпантынен» — деревянных сабо, наголо остриженная в первый же день, Эрика выглядела совсем ребенком.

— О, где же твоё лёчки? — встретив девушку в блоке № 18, горестно воскликнула полька из Люблина Гелена Микляшевская, с которой они совсем недавно спали в обнимку на нарах «У Берлинского вокзала». Прямо по проповеднику Екклесиасту: «Если лежат двое, то тепло им; одному как согреться?» Геля еще в тюрьме восхищалась пышными каштановыми локонами Эрики, которые та, чтобы не было лишних хлопот, закалывала на затылке. И вот от бывшей красоты остался лишь колючий ежик...

Работали в Равенсбрюке, как в аду: много и бессмысленно. Рыли, но сразу же закапывали никому не нужные ямы... Туда-сюда таскали огромный каток... Фашисты знали, что от такого труда люди не только выматываются, но и быстро тупеют, что им как раз и требовалось.

Но попробуй возрази! Неподалеку совсем добродушно пыхает «гейзерочек» крематория, напоминая котлы «фатти» и «онкеля». Чуть что «ин люфт» — «в воздух» или в барак для «кроликов», подопытных людей...

Никто не мог понять этой зависимости, но отчего-то чаще других туда брали полек, красивых, светловолосых. Когда Эрика однажды повредила себе катком лодыжку и ее направили в ревир, она увидела на его крыльце знакомую — пани Янину, по-прежнему интересную, но очень бледную. Она была из тех, из «кроликов»... Немцы вырезали у нее из икры какую-то мышцу, и теперь вот она грела на солнышке изуродованную, плохо заживающую ногу.

Фашисты в то время почему-то особо интересовались мышцами. Хотя и почки отнимали... И кровь выкачивали... В основном у детей, для которых был отведен специальный барак — восемнадцатый. Эрика одно время вместе с Геленой ухаживала за ними.

Таких ребятишек девушка в жизни не видела! Они никогда не смеялись, не плакали, не шумели, ничего не просили. Ничто не могло вывести их из почти летаргического оцепенения. Даже кровь сдавать не боялись. Боялись одного — крематория.

В Нойебранденбурге, куда примерно через год отправили Эрику, жизнь была совсем иная. Там работали по-настоящему: собирали

детали для боевых самолетов. Вот когда девушке удалось основательно навредить фашистам...

Но пока она работала в цехе «файнмонтажа», мелкого монтажа, где за длинными столами сидело очень много людей, саботировать было сложно: надзирательницы не спускали с них глаз.

Правда, если дежурила «Алеша» — так они прозвали очень высокую, как парень, стройную эсэсовку, которая не слишком вредничала, — еще что-то сделать удавалось. Но вот если «Крыса» или «Корова» — тогда берегись! Чуть что — кулак, а то и сапог в ход пускали.

Поэтому, когда потребовались женщины для постоянной работы в ночную смену, чего все старались избегать, Эрика тотчас согласилась. Одна на своем участке, почти без присмотра, да еще в роли ОТК!

Ей была поручена оценка уже собранных дневной сменой узлов. Но качественных, на которых она ставила свою подпись: «Гепрюфт. Эрика» — «Проверила. Эрика», у нее почему-то набиралось крайне мало: в основном оказывался брак...

Вольнонаемные инженеры, принимая от Эрики продукцию, недоуменно переговаривались между собой: что это происходит? А девушка по-немецки спокойно объясняла им:

— Ну как я могу пропустить такую мембрану? Обратите внимание на амплитуду ее колебаний. Меня же обучили и проинструктировали...

— Доннер ветер! Какие у этой фройляйн чуткие пальцы, — услышала она случайно комплимент в свой адрес. И усмехнулась: знали бы господа инженеры, что именно этими «чуткими» пальцами она нарушает амплитуду колебаний мембран. Самую малость. Именно настолько, чтобы со спокойной совестью можно было отправить детали в брак и в то же время не вызвать никаких подозрений. Еще бы не таких чертей помянули!

Выпуск многих вражеских самолетов отсрочила или даже сорвала в те ночные смены Эрика...

А днем она могла отдыхать. Могла загорать летом в высоченной траве, за бараком. Но привезли фрау Шуппе, и девушка стала проводить много времени с ней — и в реви́ре, и в третьем бараке, где содержались француженки и куда Шарлотту после выздоровления направили блоковой: та в совершенстве знала французский.

И вот однажды, когда у обеих оказалось немного свободного времени и они сидели в тенечке, прислонившись к барачной стене, женщина вдруг сказала Эрике:

— Взгляните, моя юная подруга, на это чудесное синее небо, на эти золотые облака и запомните, что я сейчас вам скажу. Никакая я не Шуппе. Это фамилия моего школьного приятеля: он решил помочь мне и вступил со мной в фиктивный брак. Я — Борман, первая жена Мартина Бормана, которого давно оставила по идейным соображениям.

Эрика еще в Берлине слышала и читала о всеильном рейхслайтере. Поэтому оторопев смотрела на хрупкую измученную собеседницу во все глаза.

— Я уже смирилась с тем, что не выйду отсюда: бывший муж сделает все для этого. Одно не дает покоя — мои дети ничего обо мне не знают. И я день и ночь терзаюсь: как сообщить им о том, что еще жива?

Тогда-то Эрика и поклялась себе помочь несчастной матери. И

вскоре организовала так, что ее письмо — на восемнадцать папиросных страницах, исписанных мельчайшим почерком, — было вынесено из лагеря и брошено в Берлине в почтовый ящик. Это сделала вольнонаемная, фольксдойч с Украины Клара Кульвич.

Когда Эрика узнала, что та в очередной выходной собирается в столицу на свидание с женихом, то, потупив глаза, робко спросила:

— А не могла бы ты отправить письмо? У меня ведь тоже есть жених!

И Клара, симпатизировавшая скромной интеллигентной заключенной, без колебаний взяла у нее пухлый конверт.

А потом был тот необычный аппель... То неправдоподобное свидание детей с матерью... А потом лично к Эрике приехал из Равенсбрюка следователь в штатском — неторопливый, вежливый, без особых примет.

— Рамдор, — поклонился он девушке и попросил подробно рассказать о ее дружбе с фрау Шуппе, о письме.

О дружбе Эрика рассказала, а вот о письме — «ничего не знала».

Гестаповец не стал настаивать и уехал. А через некоторое время ее вызвали в Равенсбрюк, где тот же Рамдор задал ей те же самые вопросы. И получил, конечно, те же самые ответы. Он опять не стал настаивать, и девушку под охраной отвезли назад.

Третье их свидание снова было в Равенсбрюке. И когда все повторилось, следователь, задумчиво глядя в окно, неожиданно сказал сам себе:

— Что же, такая дружба мне даже нравится... Украинка помогает немке!

Потом, спохватившись, вздохнул:

— Но пора идти... Думаю, что после этого вы мне все расскажете... — И повел Эрику по стерильно чистому коридору, где — узницы это хорошо знали — находились камеры пыток. Открыв одну, он впустил туда девушку, а сам, заперев дверь снаружи, ушел.

И тут Эрика разглядела бессильно распростертое на полу окровавленное тело. А присмотревшись, холодея, узнала... «фрау Шуппе».

Та, услышав скрежет замка, открыла глаза и, увидев перед собой свою «юную подругу», прошептала разбитыми губами:

— Простите меня... Я не выдержала истязаний и во всем призналась... Они мучили меня каждый день... И каждый раз — иначе...

«Вот теперь точно конец», — поняла девушка.

Когда дверь камеры снова открылась, Евгения Врублевская и Шарлотта Борман сидели на цементном полу, тесно обнявшись, и беззвучно плакали. Обе знали, что видят друг друга в последний раз...

Окончание следует.

Лариса ЗАХАРОВА,
Владимир СИРЕНКО

РОМАН *

11

Воздвиженский поджидал Никонову возле дома, где она жила. Увидел ее издали. Она понуро шла, руку оттягивала сумка с продуктами. Воздвиженский подошел, поздоровался, взял сумку... и удивился затравленному, перепуганному, даже мертвенному взгляду Татьяны Ивановны.

— Что с вами?

— Зачем... зачем... вы... пришли?.. — судорожно сорвалось с побелевших губ женщины.

Воздвиженский растерялся. Остановился невольно.

— Я хочу поговорить с вами, Татьяна Ивановна. Вполне дружески,— поспешно добавил он.— Клянусь, наш разговор, если вы, конечно, согласитесь, останется между нами. У вас неприятности? Что в МВД? Взяли подписку о невыезде?

Губы женщины изогнулись горестно:

— Если бы... Если бы...— повторила она, глядя поверх лица Воздвиженского.— Может, это было бы лучше, понятней... Я виновата, конечно. А что вы, Вадим Федорович, хотите от меня? Вас Арбузов прислал?

— Нет. Но нам нужно с вами поговорить. Хотя бы для того, чтобы выжить в складывающейся ситуации.

Никонова взглянула диковато, кивнула и тихо проговорила:

— Хорошо. Пошли. Второй подъезд.

— Значит, для ОБХСС секретов нет,— задумчиво и печально проговорил Воздвиженский, столь скорое прозрение органов не входило в его планы.— Тогда почему они медлят?

— Да если за фактическое сокрытие доходов арестовывать председателей правлений, почти все кооперативы придется закрыть. Известно, кооператоры не всегда умеют вести бухгалтерское хозяйство. Мы, например, как проверяем? Берем декларацию о доходах, смотрим объемы производства, их соответствие с документацией. ОБХСС ничего нового пока не изобрело, так же поступает. Ну и что? Декларация о доходах — это своего рода сочинение на вольную тему...— она усмехнулась.— И вообще я зареклась, если история с «Элладой» для меня закончится более-менее спокойно, уйду из инспекции. Хоть в сберкассу, деньги выдавать. Иной раз погово-

рю с сослуживицами... Что мы, бабы, можем против этой рати? Да на наше место надо дюжих мужиков с охраной! Как-то делается у нас не по уму... Приняли закон о кооперации. Хорошо. Но уж тогда дайте подзаконные акты, все, вплоть до формы отчетности и учета.

— Да что вы хотите, Танечка,— вздохнул Воздвиженский.— Когда разрешили кооперацию, имелось в виду, что заниматься этим делом будут студенты, домохозяйки, пенсионеры, совместители...

— Да, а пришли здоровые лбы и бывшие акулы теневого бизнеса. По-моему, они только того и ждали. Неужели непонятно? А те, кто кооперацию пропагандирует, нас, инспекторов, послушали бы. Да и народ говорит — он же видит. Между прочим, ходят слухи, что ваш Арбузов — подставная фигура. Есть некто, кто дал ему средства на пай.

— То есть Арбузов практически отмывает чьи-то деньги?

— Такие ходят разговоры. Я верю, что наш разговор останется между нами, поэтому и говорю вам откровенно, что знаю, что слышала. Эти разговоры пошли из нашего исполкома, где, как вы понимаете, Арбузову и выдали разрешение на организацию «Эллады». Да я и сама порой думаю: откуда у работника министерства, даже очень солидного министерства, даже при высоком должностном окладе, выискалась сумма, чтобы сделать взнос и открыть такой огромный кооператив, как «Эллада»? Наследство от дядюшки получил из штата Мичиган?

— Я бывал у него дома. Богатая обстановка...— проговорил Воздвиженский, угадывая, к чему клонит Никонова.

— Ну и что? Сейчас у всех шикарная обстановка. Я из последнего тянулась, алименты откладывала, чтобы мебель купить.

«Она меня не поняла,— подумал Воздвиженский.— У нее о шике даже представления нет. Богатство богатству рознь. Но с другой стороны, действительно, откуда у Арбузова могло быть так много денег? Даже сейчас я бы не смог накопить сумму достаточную, чтобы внести пай и пройти в правление. А я получаю больше, чем прежде получал Арбузов в своем министерстве. Да у него еще и склонность жить на широкую ногу!»

— Все эти ваши «Афродиты», «Амуры», «Меркурии», ей-богу, это бывшие подпольные цеха, а их руководители — легализировавшиеся цеховики. Об этом никто не задумывается всерьез, вслух никто не говорит, вот что я вам скажу.

— И Ламко из бывших «цеховиков»?

— Откуда я знаю! Я с ней плохо была знакома. А вот с документами покойница умела обращаться. Пожалуй, у нее я никогда не находила прорех, в которые можно было бы спрятать деньги.

— У других находили?

— Конечно, вы это сами знаете. А что я могу сделать? Только закрыть глаза. И не потому, что что-то с этого имею... Я знаю, иные инспектора берут. Может быть, и я брала бы, если бы не боялась за дочь. Если я сяду...— Татьяна Ивановна всхлипнула. Воздвиженский погладил ее по руке:

— Ну что вы, что вы... Ведь вас не подозревают.

Она замотала головой:

— Подозревал.... Полковник этот... Но, наверное, убедился, что я... Никак не мог понять, почему я запуталась именно в феврале... Я объясняла, стало сложнее, предприятие все время растет... Но

я не брала! — Она посмотрела на Воздвиженского глазами, полными муки.

— Вам угрожали?

— Нет. Поверьте, нет. — Она отвернулась, поправила диванную подушку, а потом, внимательно посмотрев на Воздвиженского, осторожно спросила:

— Вадим Федорович, кто такой Макс?

— Не знаю. А что?

— Когда утром восьмого Галина Алексеевна скандалила с Арбузовым, я совершенно случайно подслушала, как ваш математик сказал тому парню, что возит обеды из пиццерии, Валера его зовут: «Этот скандал прекрасный повод положить Макса под каток МВД». И смотрите, этот каток действительно двинулся на «Элладу». Кто этот Макс?

— Может быть, это чье-то прозвище? — сказал оторопело Воздвиженский.

Да, каша заварилась, видно, неспроста. И тогда Чернов причастен к чему-то? К чему? А Горохов? Стало быть, придется внимательно приглядываться не только к Гришке. А при чем тут парень из пиццерии?

— Вы говорили Быкову о своих соображениях насчет Арбузова, денег, которые он отмывает, насчет бывших «цеховиков», которых поставили во главе цехов кооператива?

— Нет, конечно. Думаю, в милиции такие вещи должны знать. Или хотя бы догадываться, как оно может быть. Что ж они на другой планете обитают, совсем не знают нашей жизни, что в ней почем? А что мне лезть? Страшно, Вадим Федорович. Увязнешь, не выберешься. А у меня девочка и совсем никаких родственников.

— Ну, а для меня вы не могли бы узнать подробнее, как Арбузов стал председателем правления «Эллады»?

Никонова покачала головой:

— Нет. Этим я заниматься не буду.

В ее усталом, поблекшем лице проступило что-то щемящее. Воздвиженский сразу почувствовал, что уговаривать, настаивать нет смысла.

12

Парня с глазами дикого кота Лена вдруг увидела в троллейбусе. Одет он был уже не во все белое, а в серый костюм, югославский или финский, в руках — кейс. Глянешь — приличный человек! Он заговорщицки подмигнул Лене и вышел на ближайшей остановке, быстро смешался с толпой на тротуаре. Скрылся с глаз. Лене стало нехорошо. Целый день ждала, вот-вот что-то случится. Думала позвонить Валентине Михайловне, рассказать. Но... что рассказывать? В колебаниях Лена пребывала весь рабочий день. А к концу работы Нина Бойцова предложила:

— Лен, надоело все к той самой матери. Пойдем в кино.

Лена обрадовалась. Сейчас — в кино, а там видно будет...

И они пошли на «Маленькую Веру».

Домой Лена приехала к одиннадцати и, торопливо шагая по Яузской набережной, думала, что эта Вера просто зажавшаяся дура. Отец, конечно, у Веры тоже пьющий, но ведь не так... И мать есть, и брат. Живи да радуйся.

Лена вошла в свой подъезд, поднялась на три ступеньки к лиф-

ту. Спinoй к ней стоял мужчина в кожаной куртке и кожаной кепке. Лена видела, лифт идет вниз. Кабина остановилась. Мужчина взялся за ручку двери, отворил ее, посторонился и, пропуская Лену, как и положено, вперед, сказал:

— Давай, подруга, действуй. Говорят, фоторобот похожим вышел.

Это был тот же самый парень с глазами дикого кота.

И хотя с минуту казалось, подошвы приросли к полу, Лена бросилась бегом по лестнице через две ступеньки на третью. Она не слышала за собой мужских шагов, она ничего не слышала, но ей чудилось, она чувствует затылком его горячее дыхание, и она ждала, вот-вот он схватит ее... Припрет к стенке или запихнет в лифт... А потом все будет, как показывают в телепередаче «600 секунд».

Пробегая через площадку третьего этажа, Лена нажала на кнопки всех четырех квартирных звонков. И добравшись на свой четвертый, она услышала доносящиеся снизу возбужденные голоса соседей. Ругали хулиганов. Зато Лена спокойно открыла свою дверь.

Зажгла свет в передней. Отца дома не было. Но видно, он заходил. На мытом, натертом паркете — черные следы. Что с него взять, когда пьяный, ему все равно. Протрезвеет, начнет вспоминать, какая чистота стояла при маме, — заплачет... Но что странно, заметила Лена, следы к отцовской кровати не вели, исчезали возле стола в большой комнате. Снял ботинки, догадался.

Лена подошла к окну, выходящему на набережную. Пусто. Только фонари покачиваются, и вода в речке блестит. Куда же делся этот тип? В подъезде дежурит? А она не дура, дверь не откроет. И отцу не станет открывать. Он с ключом даже пьяный справляется. А сердце все бухало, бухало, никак не унималось. Голова разболелась. Лена заварила пустырник, выпила и легла спать.

Резкий, пронзительный звонок в дверь заставил ее вскочить. В первую секунду она не поняла, что это — будильник? Сколько времени? Звонок повторился. Долгий, требовательный. Отец ключи потерял?

Набросила халат, пошла к двери. Опять зазвонили.

— Кто?

Ни звука в ответ. Нет, это не отец... Он сразу отвечает, даже если язык не ворочается. С порога прощения просит.

— Кто там?

Молчат. Стало страшно. И все-таки Лена подошла к двери и заглянула в глазок. Никого не видно. Стоят, значит, в углу. И вдруг ключ, вставленный в замочную скважину, начал медленно вращаться. Лена как зачарованная глядела на дергающийся брелок. Она даже дышать перестала. Чувствовала, у нее на голове зашевелились волосы, будто кто-то сзади взъерошил их рукой. И она закричала громко, протяжно. Упала. И опять показалось, ее трогают. Она дико завопила. Потом потеряла сознание.

Очнувшись от голоса соседки: «Лена, Лена, открой!..» — И опять звонки, дробные, мелкие, осторожные. Знакомый с детства голос тети Ани.

С трудом встав на ноги, Лена повернула замок. Дверь открылась, она упала на плечо соседки, разрыдалась... Обняв Лену, та увела ее к себе.

— Батяка твой небось в вытрезвителе ночует. Квартиру меняй, Ленка, хоть по суду. А то он тебя до психушки доведет.

Мать тети Ани протянула Лене чашку горячего чая.

— Ложись у нас, — сказала. — Ну их к ляду...

Кого именно послала старушка подальше, Лена не поняла. Но первый же глоток крепкого и очень сладкого чая вернул ей способность соображать.

— Можно я позвоню от вас?

— Звони. Только куда? Полшестого.

— В милицию...

Так с чашкой и пошла звонить.

— Сейчас приедем, давайте адрес, — ответили Лене.

13

Вадим Федорович получил продукты в столе заказов Елисеевского и шел по Пушкинской вниз к метро. Когда-то, молодым человеком, когда жил в Козицком переулке, а не в пятиэтажке стиля «ранний Хрущев» на полувыселках (сейчас-то уж развелись и настоящие выселки, «спальные районы»), Вадим Федорович заглядывал в Елисеевский за хлебом и разной мелочью и всегда с волнующим чувством посматривал на лакированную дубовую дверь со строгой черной табличкой «Стол заказов». Из этой явно не магазинной, а скорее департаментской двери выходили солидные люди, в которых порой Вадим узнавал знаменитых артистов, писателей или академиков. И несли они коробки. Всегда было страшно интересно — казалось, из-за заветной двери выносятся нечто необыкновенное. И всю жизнь Вадим Федорович мечтал стать клиентом стола заказов Гастронома № 1. Пока в руки не пошли деньги, эта мечта была такой же призрачной, как мечта и потаенная надежда выстроить хорошую зимнюю дачу на шести сотках, полученных от завода, где прежде Воздвиженский служил юрисконсультom. Хорошая зимняя дача и сейчас оставалась мечтой, потому что в доме оказалось немало прорех, требующих немедленной штопки, а вот возможность покупать продукты по заказу в Елисеевском стала относительно доступной. И разочаровала. Мало того, что нужно являться к открытию, к восьми, так ведь к тому же ничего необыкновенного стол заказов уже не предлагал. Редко — сырокопченую колбасу по 11—40. Так ее у нас можно купить и в центросоюзском...

Полчаса назад Вадиму Федоровичу вручили два килограмма говядины в упаковке, килограмм сосисок по два восемьдесят, балык натотении — вот это действительно современный деликатес. Но в нагрузку сунули банку морской капусты. Говорят, она полезная. И разор не велик, можно сразу выбросить. На углу Столешникова Вадим Федорович свернул — надо было еще заглянуть в «Кулинарию» на Петровке: там порой продавали отличные пирожные — для внучки, для Настеньки. Но «Кулинария» почему-то не работала, и Воздвиженский пошел в обход Большого театра, продолжая ранее намеченный маршрут. Невольно остановился под сенью колоннады. «Легенда о любви», «Золотой век», «Жизель», «Снегурочка», «Лебединое озеро» — от одних названий сладко кружилась голова. Лет тридцать назад можно было прийти сюда, на площадь Свердлова, и купить билет за десять дней вперед, предварительно рассмотрев макет за стеклянной витриной, выбрать себе место. И не обязательно на галерке — на балконе первого и второго яруса, всего пятнадцать рублей, рубль пятьдесят, значит. Все в прошлом. «Интерес-

но,— подумал Вадим Федорович,— наверное, теперь даже на галерке нет мест по такой цене...» Он уже лет двенадцать, а то и больше не ходил в Большой. Как и все коренные москвичи, которые раньше считали правилом регулярно бывать в театре.

— Странно,— вдруг произнес за спиной очень знакомый голос,— Семеняка не танцует всю декаду...

Воздвиженский обернулся. Рядом с ним стоял Саша Чернов.

— Добрый вечер, Вадим Федорович, а вы знаете, это кстати, что мы одной дорожкой сегодня с вами двинулись. Но это сегодня, а вообще,— Чернов замотал головой, поморщился,— бр... это ни вам, ни мне не нужно... О чем я и хочу с вами побеседовать.

Воздвиженский удивленно взирал на молодого человека.

— Вы плохо отработываете задание Олега Александровича,— хмыкнул Чернов.

У Воздвиженского вытянулось лицо.

— Вам неудобно говорить здесь? Пойдемте в сквер, присядем. Фонтан уже работает, журчит успокаивающе, вам будет легче говорить со мной.— Чернов взял Воздвиженского под руку, почти насильно потащил по ступенькам вниз, к скверу. Вадиму Федоровичу стало худо. Чего ждать? Что усадит его Чернов на скамейку, где уже будет сидеть молодая образина, неопределенного рода занятий, каких по Москве миллион развелось, и пока Чернов отвлечет разговорчиками, образина точно рассчитанным движением сунет нож под седьмое ребро. И останется Вадим Федорович сидеть на скамейке с застывшим взором. И с заказом от Елисеева. А эти двое пожмут учтиво его остывающую руку и смоятся из сквера под равнодушными взглядами гостей столицы и влюбленных, неизвестно зачем толпящихся возле фонтана Витали. О чем Чернов догадался? Каким образом?

Не выпуская локтя Воздвиженского, Чернов подвел его к скамейке и усадил. Скамья, однако, оказалась пустой, и это вселяло надежду.

Чернов сел рядом, Воздвиженский осторожно отодвинулся — этот тоже может всадить нож. Чернов сказал:

— В принципе наши задачи могут совпасть, Вадим Федорович, в противном случае я не начинал бы беседу.

— Какие задачи? Какие у нас с вами могут быть общие задачи?

— Вам не нравится шум вокруг «Афродиты». Это понятно. Мне тоже не нравится. Разве не человеческое это желание — жить спокойно? Самое обычное, элементарное. А вы, дорогой, принялись осложнять мою жизнь. Мне этого не надо. Что вы от меня хотите? Что вам во мне не нравится? Что у меня дядя сидит? Так он сидит по хозяйственному делу. Он не рецидивист, уголовных задатков генетически мне не передал. И вообще, я считаю, Ламброзо не прав. Министры сидят по хозделам, а их племянники остаются порядочными и обеспеченными людьми. Ну, а кто нынче не жулик в душе? Время такое, Вадим Федорович. Каждый ждет от него многого, думает, как выкрутиться всеми правдами и неправдами. Жизнь-то пошла тяжелая... Так что если вас смущает приобретенная мной автомашина или небольшая дачка... Так не я их покупал, моя бабушка. Поэтому не стоило наводить справки о моих родителях. Ну, где я получаю деньги, на которые за год можно стать владельцем «совминимума»? Так ведь я работаю, а мои мама, папа и бабушка вообще всю жизнь провалялись во славу Советской власти, которая дала людям, как известно, все... Еще вас очень волнует такой

Рис. В. Родина

момент: не я ли звонил Ламко в день ее смерти, не я ли сидел с нею в ресторане «Будапешт», не меня ли она отmaterила по телефону? Вы скрупулезно собирали информацию, надо отдать вам должное. В МВД, кажется, до этих мелочей еще не докопались. Так ведь их очень умно отвлекают, не правда ли? Все верно, кто-то звонил Ламко, кто-то пригласил ее отобедать, кого-то она послала подальше. Но это был не я. И даже не Гриша, хотя он, как и я, один из тех, кто знает истинную причину скандала и всех остальных скандалов между Арбузовым и Ламко. Вы-то хоть знаете, что им никак не удавалось поделить?

— Нет,— соврал Воздвиженский. Он молчал и думал, где и как он засветился перед этим молокососом. Как же это он так, старый пень, оплошал?.. Ах, как досадно!.. А ведь этот... эта сволочь завтра же пойдет и скажет Арбузову, что Воздвиженский работает против их команды, против вас, Олег Александрович... И все. Где гарантия, что удастся избежать судьбы Галины? Не уносить же ноги из Москвы...

Чернов словно прочел его мысли:

— Знаете, почему я до сих пор не пожаловался, а если хотите, не донес на вас Олегу Александровичу? Да потому, что вы не одного меня норовите потрошить. Если вы всерьез решили играть роль Мэгре, вам нужен Горохов и только Горохов. Кстати, вы беседовали с Никоновой. Беседа, видимо, была доверительной. Она призналась, что ее зимой изнасиловали? И знаете, кто руководил операцией? Гриша.

Воздвиженский не поверил. Да нет, такого не может быть! Неужели Татьяна могла бы и дальше работать в «Элладе», пережив и кошмар, и позор насилия, зная, кто ее оскорбил? Даже не рискуя заявить, что, понятно, она бы немедленно отказалась от сотрудничества с кооперативом — нашла бы предлог, она умная женщина. А Горохов...

— Им даже МВД не интересуется,— глухо уронил Воздвиженский, чтобы дать понять Чернову, насколько сомнительна его информация.

— Ах, так! — проговорил Чернов с испугавшим Воздвиженского значением. — Не заподозрило... — И Чернов замолчал.

Они сидели молча, журчал фонтан, в странную музыку сливались голоса находившихся поблизости людей.

Вдруг Чернов что-то подкинул на ладони, засмеялся и протянул руку Воздвиженскому. Тот интуитивно отпрянул.

— Берите, Вадим Федорович, не побрезгуйте. Это вам пригодится. Но уговор, вы продаете свою информацию не Олегу Александровичу Арбузову, а Вячеславу Ивановичу Быкову. Хотите быть предкооператива? У вас получится, подготовка подходящая. Ну, берите же!

Воздвиженский смотрел на раскрытую ладонь Чернова и никак не мог понять, что там лежит. Это были ключи — самые обычные, стандартные металлоремонтные ключи от двери с брелоком-штамповкой.

— И не спрашивайте, откуда они у меня,— хмыкнул Чернов. — И поторопитесь, пока Гриша не укрепил дверь своей хаты чем-нибудь заморским сейфового образца. До свидания, Вадим Федорович. Идите первым, чтоб вам спокойнее было. Можете даже оглядываться. Я буду сидеть здесь, в той же позе — у меня тут свидание. И никого за вами не пущу. До свидания,— повторил Чернов и бросил в сумку с заказом ключи от квартиры Горохова. — Идите, что же вы...

Воздвиженский пошел. Он вошел в метро, спустился вниз, бросил монетку в прорезь турникета, сел в поезд... Его толкали, ему предлагали пройти в вагон или сесть... Он воспринимал действительность как-то странно, будто на него надели некий стеклянный колпак. Подходя к дому, он ни с того, ни с сего запел: «Я долго буду гнать велосипед...» — нелепый, привязчивый мотивчик... Его сделали марионеткой, ему предложили провести у Горохова обыск, изобличить Горохова перед Быковым и даже посулили вознаграж-

дение в виде почетного места сговорчивого председателя кооператива — вот что он теперь понял. И как же ловко, почти не угрожая, с ним проделали сию манипуляцию! Но кто будет держать в руках ниточки? Кто теперь будет его хозяином? Не Чернов ли?

И вдруг Вадиму Федоровичу все стало предельно ясно. Макс — это тот, кто дал Арбузову деньги, чтобы открыть «Элладу». Соответственно Арбузов выплачивает Максу долги, небось и с процентами. Значит, свои условия устами Чернова продиктовали те, кто хочет Макса убрать, подложить под каток МВД, как было сказано, и, естественно, заставить Арбузова уже с ними расплачиваться. А если он заартачится, убрать и его — замена вот она, уже готова... А почему решили подставить Горохова? Он был исполнителем? От изнасилования до убийства — один шаг, не надо долго готовиться. Или безразлично, кого отдавать милиции, кого сделать ответчиком, мальчиком для битья и казни, лишь бы следствие не пошло дальше, остановилось, получив свое. Стало все ясно, стало очень противно, но страх исчез. К тому же Воздвиженский понял, как ему увернуться от мафиози и их боевиков, не поступаясь собственными интересами, и это его вдохновило. В молодости он любил острую игру и лихо закрученную интригу. А это всегда приятно — вспомнить молодость...

14

Осмотрев квартиру Фроловых, Левченко невольно выругала Лену. Зачем мыла пол, зачем уничтожала следы?.. Потом пожалела девочку — отец-то домой так и не явился. И подбодрила — теперь-то бояться нечего — за квартирой и «Афродитой» ведется наблюдение, считай, приставлена персональная охрана. Пообещала немедленно сообщить, если только появятся какие-то конкретные сведения об отце — скорее всего где-то крепко он загулял. Ведь такое и прежде бывало? — задавала успокаивающий вопрос, заранее зная ответ. А что еще могла сделать майор Левченко? На всякий случай посоветовала ночевать у соседей. А как розыскник она была почти бессильна. Кроме показаний Лены и рассказов соседей о леденящих душу ночных криках, никаких данных она не имела. Человека с глазами дикого кота или кого-либо еще после одиннадцати вечера никто на набережной или в подъезде дома не встречал. Не нашла Валя ни свидетелей, ни вещественных доказательств его пребывания.

Непосредственно поиском Фролова Василия Михайловича, 1937 года рождения, уроженца деревни Вялкино Московской области, грузчика станции Москва-товарная Киевской железной дороги, в прошлом мастера участка той же станции, занимался капитан Сиволодский.

— И что тебе удалось узнать? — спросила его Левченко, вернувшись в министерство. На пятнадцать Быков назначил пяти минутку.

— В вытрезвителях, больницах, моргах не обнаружен. На работе нет, домой не возвращался. Если не гудит вторые сутки у друзей-собутельников...

— Лена надеется именно на это.

— А я, Валя, не надеюсь даже на то, что нам удастся найти труп. Труп — тоже улика. Не зря же этот, с глазами дикого кота, сказал Лене про схожесть фоторобота. Надо подумать, кто из тех,

кому мы этот фоторобот успели показать, связан с этим парнем. Старик Акимов... Он у меня на подозрении, вполне может быть связан с бандой, куплен ею, опоен... Горохов... Чернов... Все отказывались признать в парне знакомого. Да, практика показывает, преступники умнеют. Чище работать стали.

В комнату влетел Быков:

— Куда вы все смотрите! Кто возглавлял группу, которая приезжала по вызову? Почему дальше двора никто не двинулся? На Яузе, в трех шагах от дома! Сидел, будто спал на солнышке... На ступеньках, ведущих к воде!..

Левченко и Сиволодский переглянулись. Неужели найден труп Фролова? Оба боялись, не хотели поверить...

Быков выругался и продолжил спокойнее:

— Тонко сработали, мерзавцы. То ли убийство, то ли нет, думай, как хочешь. У Фролова в крови огромный процент алкоголя с большой примесью веществ, содержащихся в клофелине. И пачка клофелина в кармане. И еще кое-что.

Быков присел на угол стола, раскрыл портфель и выложил на стол мятую записочку и золотые серьги с изумрудом в бриллиантовой осыпи.

— Валя, подними показания. Кто-то говорил, что в день убийства Ламко на ней были похожие серьги. А в записке телефон. Чей, неизвестно. Как только наши службы определят, сразу ко мне. Серьги после опознания тоже отдайте на экспертизу...

Слезы застилали глаза Лены, переполняли их, и глаза все больше и больше краснели. Рыдания Лена сдерживала, только шептала:

— И получается... Я — наводчица. Я, получается, наводчица...

15

Решить-то Вадим Федорович решил. А вот решиться не мог. Для этого, как он понимал, нужно переступить через те устои, на которых зиждилась вся его жизнь. Но... новые времена — новые песни. Не он это выдумал. И не он переиначил в один момент все так, что в наступивших временах оказалось необходимым либо срочно в них вписаться, либо... вылететь за борт, как теперь говорят, за черту бедности. Ведь любому мало-мальски неглупому человеку ясно — начинается имущественное расслоение, следом за ним пойдет социальное. А это процесс акулий. Как говорил Маркс, нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал ради трехкратного умножения. Вот и придется действовать по-акулий. С волками жить, по волчьи выть, — и это уже устарело. Волки — нежнейшие родители, а акулы, бывает, собственных чад заглатывают.

Вадим Федорович наивно считал, что вписался в новую жизнь...

Конечно, не случись общественных перемен, он по-прежнему бы ходил в заводоуправление, получал сто восемьдесят рублей, разбирал трудовые споры, в углу садово-ягодного участка, отведенном под фундамент его будущего дома, продолжал бы сажать клубнику и чеснок, считая свою судьбу вполне нормальной, не сетуя, не уходя в бесплодные мечтания. Вадиму Федоровичу легко давалось сведение жизненных обстоятельств и своего «я» под общий знаменатель. Потому что однажды, когда ему было лет эдак тридцать восемь, далось ему свершить для себя нравственное открытие. Вадим Федорович, правда, никогда особенно не интересовался ни богословием, ни православием, хотя и был обязан происхождением быв-

шему духовному сословию. Да и в церкви Воздвиженский был всего трижды — когда отпевал родителей и еще когда ставил свечку, в надежде на помощь в острой, как ему тогда казалось, ситуации — поступила разнарядка на прием в партию, и Вадим Федорович увидел возможность немного улучшить жизнь свою, карьеру двинуть. Но разнарядка его не коснулась — видимо, все-таки Всевышний узрел неискренность душевного порыва раба своего. Но, наказав, просветил ему разум: Вадим Федорович с неожиданной ясностью понял, что есть христианское смирение. Нет, это не покорность судьбе. Это предельное осознание себя в этом мире. Я таков, каков есть, и таковым должен себя принять, ибо другим не буду. Открытие это избавило Вадима Федоровича от зависти к более удачливым, устранило из души наносные амбиции, суетные сетования на бытие.

Однако всеобщая переоценка ценностей заставила Воздвиженского стать критичнее. Сам удивился, когда почувствовал, что в нем забились деловая жилка. Какое смирение, когда надо проявлять инициативу, а то опоздаешь. Он исходил из того, что сам умел и знал. Идея родилась. Он пошел в исполком райсовета по месту жительства с очень дельной идеей — открыть юридическую кооперативную консультацию. Никакой маниловщины или амбициозности в своем стремлении Воздвиженский не усматривал. Его желание было искренним, почти бескорыстным. Он думал, что поправленный десятилетиями данный человеку от Бога движитель, стремление к лучшей жизни, к богатству, к собственности, действительно заработает и сделает богаче всю страну. Ну, точно так, как это происходит там, где никогда не знали уравниловки, не взрывали соборов и не раскрестьянивали фермеров. В самой же глубине души Вадим Федорович и скорбел, и радовался. Саднило, что вот так или иначе, а вернулись к началу начал. За что ж тогда страдали в страхе поколения? За что оказался на улице его дед с отцовской стороны, настоятель храма в российской глубинке? За что сослали справного крестьянина, отца матери, обозвав кулаком? Костя, сын, уже узнает иное. Так ведь для того и надо работать!

Но в исполкоме Воздвиженского не поняли. Видно, до адвокатских контор еще нужно созреть чиновничьему сознанию. Из кабинета расстроенный отказом Воздвиженский вышел в коридор, куда из другого кабинета вышел другой человек — но весьма довольный, разрешение получивший. Они разговорились. Олег Александрович Арбузов пригласил Вадима Федоровича Воздвиженского на должность юрисконсульта открывающегося производственно-торгового кооператива «Эллада». О чем тогда думал Воздвиженский? Ни о чем. Он радовался. Ему с ходу предложили четыреста пятьдесят рублей. О чем после этого думать? А потом он думал о том, как хорошо и легко работается среди этих на удивление симпатичных и заинтересованных людей...

Первое прозрение наступило, когда обратил внимание на манипуляции сырьем. Получая его согласно договору с госпредприятия, сырье перепродавали в провинцию, провинциальным кооператорам — навар был велик. Раньше это деяние квалифицировалось бы как спекуляция, а теперь стало называться посреднической деятельностью — никакого криминала. Вадим Федорович усек, что на этапе становления, когда самое главное — сделать копейку и пустить ее в оборот, это ерунда. Даже не махинация. Так, взаимопомощь. И стал даже думать, что власти тоже все это понимают и потому не вмешиваются и по рукам не быют. Но вот время становления

прошло, прошли и все этапы роста, утверждения, укрепления, а вот тяга к разного рода фокусам с живой копеей осталась. Воздвиженский закрыл глаза на это, хотя уже знал, как филигранно Мария Сергеевна и Арбузов надувают фининспекцию, пайщиков, уж не говоря о приглашенных сотрудниках, проще говоря, наемной рабочей силе. Но молчал. Не рубить же сук, на котором так уютно устроился. Мысль о том, что можно невзначай пересечь на нары, не приходила. Чем больше Воздвиженский взирал окрест себя, чем больше общался с другими кооператорами, тем меньше верил в печальную перспективу.

Прежде случались с ним грехи. Из милиции, как ни обидно вспоминать, по сути дела, выгнали. Но тут не выгонят. Он ведь знает не мало. Одно беспокоило. Понимал Вадим Федорович, что только в толпе не страшно. А он собирался ступить на путь одиночки. Одиночки уголовного, ни больше и ни меньше. Кодекс-то знал. Но за это падение, мнилось, он должен быть вознагражден.

Дом. Человеку обязательно нужен свой дом. Квартира — это не то, это всего лишь жилплощадь. Ста тысяч будет довольно, и они у Арбузова есть. Так прошли последние колебания, Вадим Федорович решился и начал действовать.

...Вадим Федорович положил в портфель тонкие хирургические перчатки, фотоаппарат и дождался, когда на службе появится Горохов.

Вот так стала понятна психология преступника. И хотя Вадим Федорович, когда входил в чужой подъезд, оглядывался и у него от страха ноги подкашивались, выходил оттуда он уже вполне спокойно. Укажи, куда еще раз вот так зайти — зашел бы. Главное, что не зря. Удалось найти записочку и деньги в конверте. Он их сфотографировал, номера сотенных банкнот — их оказалось пятьдесят штук — переписал. У Вадима Федоровича сложилось убеждение, что и адрес в записочке, и деньги в конверте имеют самое прямое отношение к убийству Ламко. Собственные деньги вместе с чужими адресами не хранят. Долги с курьерами обычно не отправляют. Значит, эти деньги Горохов должен кому-то передать...

Чернов забрал адрес, пообещал узнать, чей он, к концу дня. Деловито добавил:

— Я не успел вам утром сказать, Вадим Федорович. Они убили отца Лены Фроловой. Нагло работают, в открытую. С этого алкоголя взять нечего, а чтобы закрыть дело, милиция, пожалуй, согласится чего доброго с версией ограбления, даже если не удастся доказать причастность соплюхи-швей... Так что нам надо торопиться.

А вечером Чернов сообщил с улыбкой:

— Это адрес Малышева Кима Анатольевича, бывшего мужа Ламко.

У Воздвиженского отвисла челюсть:

— Неужели он?..

— Очевидно, его хотят подставить. Видимо, версии с ограблением, в котором можно обвинить отца и дочь Фроловых, им мало. Другого объяснения у меня нет. Если бы я сам этим занимался, я, может быть, пошел бы той же дорогой. Кстати, у старика Фролова нашли серьги Галины Алексеевны. Кто их мог подкинуть, убив старика, если не убийца Ламко? Думаю, надо спасать этого парня, Малышева. Надо к нему идти и предупредить его, более того, посоветовать загодя обратиться к Быкову. Пусть Гришку возьмут с

поличным, когда он будет подкидывать деньги. Вадим Федорович, лучше вас этого никто не сделает. Малышев вам поверит, у вас внешность...— Чернов поискал слово,— божеская...

Вадим Федорович грустно улыбнулся, помня о мыслях последних дней. Все течет, все меняется, и внешность, как говорится, обманчива.

— Да, я пойду к Малышеву...— согласился.— Вы хорошо придумали, Саша, благородно... В такие минуты не подумаешь, что вы связаны с...— он осекся.

— С рэкетом? — усмехнулся Чернов, — Господь с вами, Вадим Федорович. Вы ведь толком и не знаете, что такое рэкет. Вы думаете, это та шелупонь, которая за наркотики, «капусту», девок палит на улицах, насилует, жжет, пишет подметные письма, шантажирует... Это шестерки, которые ничего не значат. И если нужны, то лишь для усиления общей дестабилизации. Когда хорошо поработаем вместе, если будете послушны до конца, я объясню вам, что такое контроль с большой буквы...

— Я ничего не хочу слушать,— испугался Воздвиженский.— Понимаете? Мне не надо этого знать! И если сейчас я ваш друг, то это не значит, что мы останемся...

— Не зарекайтесь, Вадим Федорович, не зарекайтесь... Кстати, рвать со мной просто глупо.

16

Под золотой лапкой, удерживающей в серье камень, эксперты обнаружили ворс белой суровой нити типа «джинс». Теперь можно с достаточной определенностью допустить, что все тот же «мальчик в белом», шантажировавший Лену Фролову, причастен к убийству ее отца и, возможно, к убийству Ламко.

— Нам дали два «адреса»,— рассуждал Быков.— Серьги указывают, что дело касается Ламко. На что указывает записка? Какое отношение к Ламко, Фролову, к «Элладе» имеет школа № 122, телефон которой тут записан? — И тогда Быков вернулся к части свидетельских показаний, касающихся телефонных разговоров Ламко с неизвестным мужчиной, с которым она сначала вела себя весьма грубо, но потом согласилась пообедать в ресторане — не то в «Бухаресте», не то в «Будапеште».

Антонина Васильевна Горохова настаивала, что и разговор, и встреча в ресторане у Галины Алексеевны могли быть только с ее бывшим мужем, с Кимом Малышевым. А Малышев заявил, что бывшую жену видел последний раз в конце апреля.

Полковник Быков направил Левченко в рестораны, а также в школу № 122. Левченко эта работа не улыбалась, она не слишком любила искать иголку в стоге сена, но, подумав об участии капитана Сиволодского, засевшего за изучение возможных связей целого круга подозреваемых с миром организованной преступности, решила, что ей досталось задание куда конкретнее.

У Сиволодского еще мало что вырисовывалось. Городницкую он исключил из списка подозреваемых практически сразу. Жена крупного функционера, не работает лет двенадцать, занята домом и собой, связи чрезвычайно ограниченные и все на виду. Хотя мысль, что род деятельности мужа Городницкой мог вызвать интерес мафии, Сиволодского не покидала. Так же легко из списка подозреваемых исключились Воздвиженский, старик Акимов, Фролова, Бой-

цова, Никонова. Остались Арбузов и Горохов. Задумываясь над переплетениями их судеб с судьбами всех, кто оказался с ними связан общим делом, Сиволодский то и дело спрашивал себя, а не была ли связана с мафией сама Ламко?

Узнав, что Левченко отправляется по ресторанам искать спутника Галины Алексеевны, Сиволодский попросил ее захватить с собой фотографии пока гуляющих на свободе, но уже известных органам «деловых людей». Они ведь почему неуязвимы, потому что сами в конкретном уголовном преступлении никогда не участвуют.

А вообще, дни шли, ничего не прояснялось — плохо работалось группе полковника Быкова. Гибель Фролова точно почву из-под ног выбила, уверенности в себе лишила. Ведь могли бы и предусмотреть, и предотвратить...

В «Бухаресте» Ламко не опознали.

Метрдотель «Будапешта» собрала в своем кабинете официантов, работавших в зале 8 мая с 14 до 22 часов. Фотография Ламко переходила из рук в руки, пока пожилой с элегантной седой шевелюрой официант не сказал:

— Андрей, а ведь это твоя клиентка.

Молодой человек, к которому обратился старший коллега, пожал плечами:

— Не помню... Я в лица не заглядываю.

— А я ее запомнил,— заговорил пожилой.— У нас в зале нельзя курить. Она же то и дело вытаскивала сигарету, причем не из пачки, а прямо из сумочки, которая лежала у нее на коленях, прикуривала и тут же поспешно гасила ее. И так несколько раз. Видимо, она сильно нервничала.

— Она было одна?

— Не знаю. Андрей, вспомни.

Молодой человек привычным жестом тронул фатоватые усы, еще раз взглянул на фотографию Ламко и сказал:

— У меня пустых мест не бывает. За столом сидело четверо. А вообще, да, это она. Насчет курева Альберт Альбертович тонко заметил, я даже делал ей замечание,— Андрей покосился на метрдотеля,— и запрещающую табличку на стол поставил, чтобы видела. Думаю, с ней никого не было. Во всяком случае, расплачивалась она сама.

— За сколько обедов она платила? — вмешалась метрдотель,— За один или за два?

— Я что, заказ помню? — поморщился Андрей.— Скажите спасибо, дамочку не забыл...

— Мы сейчас посмотрим копии счетов, товарищ майор,— успокаивающе сказала метрдотель,— и все станет ясно.

Пересмотрели счета за 8 мая. Выяснилось, что никто в тот день в ресторане не обедал в одиночестве.

После этого Левченко показала фотографии сотрудников «Эллады», Малышева, фоторобот «мальчика в белом», и те снимки, которые передал ей Сиволодский. Официанты и метрдотель внимательно всматривались в разные, непохожие лица. Метрдотель взяла в руки одну из фотографий:

— Вот этого товарища я запомнила. Уходя, он купил с лотка две плитки импортного шоколада, знаете, мы столик возим по залу.

Это была фотография Воздвиженского.

— Точно, точно, он,— словно уговаривала она Левченко.— Бородка, лицо благостное, немолодой, одет шикарно...

«Воздвиженский обычно одет так себе,— подумала Левченко.— Странно...»

— А что вы скажете? — спросила она молодого официанта.— Сидел этот человек за вашим столиком? Что скажете вы, Альберт Альбертович?

Молодой официант кивнул:

— По-моему, действительно, этот клиент сидел за моим столом рядом с этой женщиной.

Альберт Альбертович ответить что-то определенное не мог, поскольку предполагаемого спутника Ламко видел только со спины, но подтвердил, что пиджак сидел на нем идеально.

Вызвали буфетчицу. И та опознала Воздвиженского.

Левченко недоумевала. Воздвиженский по показаниям всего коллектива «Эллады» целый день был на службе, не выходил из здания. Все время был на месте. Обедал со всеми, привозят же еду в кооператив из пиццерии. Никаких намеков на его отношения с Ламко нет. Еще раз проверить? Или сразу искать человека средних лет, с бородкой, внешне похожего на юриста «Эллады»?

17

Вера попросила пить. Гриша только что задремал, поэтому нехотя вылез из-под одеяла. Они поздно вернулись с третьеразрядного концерта, организованного ее папашей совместно с какой-то западной фирмой. Никакого смысла в выступлениях этих ободренных, невымытых и нечесанных рок-мэнов с сиплыми голосами Гриша не нашел. И удовольствия от музыки не испытал. Так, одна спесь на сцене — наша молодежь, мол, теперь развлекается на высокозападном уровне цивилизации. Впрочем, дураков много, коль Максудается на этом безобразии делать деньги и валюту. И как только могло Вере понравиться? А говорила, у нее абсолютный слух, ее в детстве музыке учили!

Кажется, в холодильнике есть яблочный сок. Придется подержать бутылку под краном с горячей водой. У Веры и так часто садится голос. Фарингит — профессиональная болезнь учителей. А она ведь нетерпелива, наверное, здорово орет на своих второклашек.

Оставив бутылку в мойке, Гриша полез за чашкой. И удивился. Посуда стояла в навесном шкафчике совсем не так, как он привык. Он начал придирчиво осматриваться. Беспорядка не было, но это был не тот порядок, который он наводил сам, собственными руками. Сердце екнуло, и Гриша решил осмотреть все. Он открывал шкафчик за шкафчиком, ящик за ящиком. Совершенно очевидно — лазали. Вере его хозяйство до фонаря, она своим-то не занимается. Ждет, когда придет мать или Гришенька и перемоют всю посуду и полы. Вот эта коробочка итальянских спагетти стояла по-другому, другим рисунком к дверце. Гриша помнил преотлично.

Очень не хотел тревожить Веру, но пришлось в комнате зажечь люстру. Вера заворчала, зарываясь лицом в подушку. Он и забыл, что она проплакала воды. Разозлился — не надо было жрать в антракте дурной бутерброд со старой чавычой. Он ей говорил... Не голодная, авось, приехала в спорткомплекс из приличного кафе. Но надо же отметить, устойчивая жлобская привычка — быть на концерте и не зайти в буфет!

Да, да и книги трогали. И хрустальную посуду, Верин подарок на новоселье... Воры или менты? Дрожащими руками Гриша выдвинул ящик, где лежали деньги и адрес. Конверт оказался на месте. Не воры... Менты. Вот уж воистину: промедление смерти подобно. Любое промедление. Что теперь делать? Деньги надо поменять. Они ж наверняка записали номера купюр. Плохо, что видели адрес Малышева. А может, внимания не обратили? Лежит бумажка, и лежит... Им же главное — бабки, если по логике... И еще, если рассуждать логично: ведь узри они адрес, тут же бы носом ткнули на допросе.

Целый день Гриша радовался. Утром так удачно, казалось, вернулся из истории со стариком Акимовым. Быков, конечно, прижимал вопросом: «С какой целью вы склоняли Акимова к даче ложных показаний?» Но Гриша держался непоколебимо: «Я, как сотрудник «Эллады», которую всю трясет после преступления, из которой люди вот-вот побегут, крайне заинтересован, чтобы все скорее выяснилось. И вот я встречаю человека, который заявляет мне, что знает, как было дело. Рассказывает. Да я готов был сам под руки его тащить к вам! Конечно, я ему сказал, что он должен, обязан рассказать все, что знает, органам следствия. А разве нет, товарищ полковник?»

Быков потискал свой огромный подбородок и, отведя глаза, заявил, что в этих рассуждениях есть своя правда, концы с концами сходятся.

И вдруг — явные следы обыска... Не поверил, значит, полковник... Не все концы с концами у него сошлись. Впрочем, Гриша сознавал, так и должно быть, никуда не денешься. Но с другой стороны, полковник ведь нарушил соцзаконность! Надо немедленно писать жалобу прокурору. Да, дела... Вообще-то Быков не дурак, чтобы в наше время, когда на одних жалобах любой преступник из-под любой статьи выползет, проводить незаконный обыск. Нет, торопиться не надо. Надо еще посмотреть, выждать. С жалобой успеется.

Вера заныла:

— Я пить просила, а ты и спать не даешь... Боже мой, мне ведь к восьми на работу...

«Слушала бы поменьше отца, вышла бы за меня замуж, давно б не работала», — мысленно огрызнулся Гриша и вернулся на кухню за забытым соком.

Протянул чашку Вере и сказал:

— Похоже, у меня был шмон...

— Господи, кому ты нужен?.. Почему сок горячий? Выключи свет, — сонным голосом пробурчала Вера и снова бухнулась в подушки.

Чего она так напирала на чавычу? Уж не беременна ли? Это было бы неплохо. Макс бы перестал упираться. Он не только жестокий, он ведь еще и сентиментальный, Макс... Верка родит, и перестанет этот леший на ней строить свои расчеты. Надо ей сказать, решил Гриша, если «влетела», чтоб кончала со своим дурацким каратэ. От одних воплей «йе-ей!» может выкидыш случиться.

«И все-таки я кому-то нужен, — думал Гриша, маясь бессонницей. — И, видимо, не милиции и не воришкам-домушникам. Макс? Что-то задумал Макс? Послал разведчиков? Веру спрашивать бесполезно — она может не знать. А вот ее ключами могли воспользоваться», — уснуть Гриша уже не мог.

Вера внезапно проснулась среди ночи в тревоге. Она вдруг вспомнила, как после уроков случайно зашла в канцелярию. Вот где, действительно, был обыск. За столом сидела женщина, майор милиции, и перед ней лежала гора папок — личных дел учителей. Да, да, именно учителей! Если бы ребят, то это было бы нормально. Чтобы в огромной школе кто-то из учеников не попал на заметку в милицию, такого практически не бывает. Но при чем тут учителя?

Вера попыталась расспросить завуча, та отделалась загадочной улыбкой. И Вера затихла, чтобы не привлекать к себе внимания. Она заволновалась, хотя понимала, что у нее-то в личном деле все чисто. Какие к ней могут быть претензии? Мама у нее — скромная медсестра, папа — бывший работник Госснаба, ныне концертный администратор, и вообще — она уже третий год живет вполне самостоятельно, отдельно от родителей. У нее, таким образом, собственное имущество, свой образ жизни. Гриша в ее личном деле вообще не фигурирует. А с кем она спит, это никого не касается. Да и в школе никто не знает о существовании их с Гришей отношений. Ну, скажет кто-то, что видел, как Вера Максимовна садилась в современные «Жигули». Так таких «Жигулей» в Москве и области — пересчитаться, как говорят дети. Но в принципе это все плохо пахнет. Обыск у Гриши, если ему, конечно, не пригрезилось сонная, сыск в школе... если ей тоже не почудилось с перепугу, что запылала именно ее шапка...

Вера приподнялась на локте и обнаружила, что и Гриша, как она сама минуту назад, напряженно всматривается в потолок.

— Слушай, отец, — она села на постели. — Не бери в голову. Но, по-моему, мое личное дело из школьной канцелярии могло тоже перекочевать на Петровку или куда там... Ну и что? Что они докажут?

Гриша вскочил. Она погладила его по голове, как ребенка, утешая:

— Кто замочил Ламко, неизвестно. Ведь не ты.

— Не я, клянусь тебе, Вера, не я... Любовью нашей, детьми будущими, не я... Но страшно, понимаешь, страшно... Ведь я... — он захотел ей рассказать, как собирается взвалить убийство на Малышева, потому что ее отец строго-настрого приказал сделать все, дать милиции убийцу на блюде с голубой каемочкой, лишь бы никто не ковырялся в делах «Эллады». А ведь так можно добратся и до дел самого Гриши Горохова, коих немало... А там потянется нить к Максусу. Крах Макса убьет все. Разрушит их любовь. Разметет все надежды. Но язык не поворачивался признаться Вере.

«Как я люблю его», — думала Вера, рассматривая Гришино лицо в слабом свете весеннего предраассветного часа, — и она испытала горделивое чувство, знакомое всякому, кто, отстояв очередь, испереживавшись, что не хватит, все-таки стал обладателем желанного и долгожданного дефицита. Она была абсолютно уверена: ей удалось воспитать из нищего студента свою опору и поддержку, каменную стену, за которой она укроется от жизни, когда уже не сможет прятаться за великой стеной, воздвигнутой отцом.

Чтобы достичь эффекта, нужно произвести эффект. Чернов даже не догадывался, что к Малышеву Воздвиженский вовсе не собирался. На это воскресное утро Вадим Федорович запланировал куда

более интересный визит. И точно так же он в милиции даст только интересующие его самого сведения. Ну, какая ему, Вадиму-то Федоровичу, корысть, если арестуют Горохова? Поэтому о нем в МВД он будет молчать. А расскажет все, что знает, о Чернове. Надо же избавляться от его ярма! В том-то и вся изюминка комбинации. А если и пришлось с помощью Чернова набрать компромат на Гришу, так опять-таки вовсе не в интересах следствия.

Воздвиженский злорадствовал — Арбузову он позвонит так же рано, в половине восьмого, пусть барин вспомнит свой звонок две недели назад. Ну, а то, что он выложит ему при личной встрече, должно произвести на барина куда большее впечатление, чем на Вадима Федоровича известие о гибели Гали Ламко.

Однако невзирая на ранний час Арбузов сразу отреагировал на звонок, встревожился:

— Что-нибудь случилось? Вас вызывали?

«Это плохо,— думал Воздвиженский, отвечая ему.— Взять врасплох, вот что я хотел»,— и сказал с нажимом:

— Надо поговорить. Я сейчас приеду.

Это была все та же комната с баром, видеотехникой, мягкой мебелью, югославским торшером у окна, многочисленными картинами на стенах.

Арбузов плотно прикрыл дверь, потирая руки, вопросительно уставился на Вадима Федоровича:

— Ну, так что?

— Малоприятный разговор,— начал Воздвиженский, стараясь расположиться вольготнее, чтобы не так давила обстановка.— Я просчитал все пути, которыми милиция двигается к цели, и пришел к выводу, что, даже отталкиваясь от нелепого мертворожденного заявления Городницкой, Быков придет к нашему сподвижнику Григорию Борисовичу Горохову.

— Не понял...

— Гриша — убийца. Разве нет?

— Нет. Вы же это знаете,— твердо и раздраженно ответил Арбузов.

Воздвиженский будто и не заметил его раздражения, принялся неспешно, издалека развивать свои мысли — пусть барин потерпит и послушает:

— Что вас убеждает в невинности Горохова? Мы мало знаем друг друга. Чаше нам только кажется, что рядом друзья, честные, откровенные... вполне порядочные люди. Но однажды вдруг что-то начинает настораживать. А потом настороженность превращается в горькое разочарование. И вдруг — открытие, разящее наповал. Мне, не скрою, пришлось пережить тяжелые минуты, когда я столкнулся вот с этим документом. Посмотрите, Олег Александрович.— Воздвиженский протянул доверенность Коваленко на имя Горохова.

— Господи, да что тут такого? — Арбузов не глядя отложил документ.— Я прекрасно...

— Прежде всего, Олег Александрович, «такого» здесь вот что: это ксерокопия. Оригинал я не рискнул бы отдать вам в руки при сложившихся обстоятельствах.

— Вы говорите загадками, дорогой Вадим Федорович! — напряженно усмехнулся Арбузов.

— Если загадки, то легкие. Не волнуйтесь, вам не придется долго ломать голову. Прочитайте тогда вот это, тоже снято на ксероксе...— заявление Коваленко должно дать нужный эффект.

— Ну как? — не терпелось Вадиму Федоровичу увидеть поверженного Арбузова, но тот отозвался легко, пренебрежительно:

— Почему я должен верить этой бумажке?

— Потому, Олег Александрович. Моделей-то не было, нет и не будет, а денежки уплачены. И уплачены не этой даме, а Грише. Конечно, за убийство это не цена...

— Какая-то галиматья...

— Не скажите, Олег Александрович. Эта галиматья доказывает, откуда вы берете средства для расчета с рэкетирами. А рэкетеры не могут оставаться на простое, им же деньги идут. Вот они и убили Ламко. Потом Фролова. Галина вам мешала. А за что ж несчастного алкоголика-то? Неужто лишь устрашения ради? Ладно, можете не отвечать. Вот почитайте, — Воздвиженский похлопал по толстой папке с документами. — Вам сразу все будет ясно. А Быкову тем более.

Лицо Арбузова стало холодным, злым, надменным.

— Я не знал, Вадим Федорович, что вы столь наивны, — он бегло просмотрел схваченные скоросшивателем бумаги. — Неужели вы полагали, что мне неизвестно о некоторых нарушениях? Сейчас так, потом прикроем, все в своих руках, закон позво...

— Ничего вам не позволяет закон! — оборвал его Воздвиженский. — По закону — вы спекулянт и расхититель!

Арбузова передернуло, он оскорбился:

— В свой карман я не положил ни копейки... И потом... Быков занимается убийством, а не финансами.

— Но ваши с Гороховым аферы и открывают глаза на причину гибели Ламко. Неужели не ясно? В таком случае — вот, — Вадим Федорович положил перед Арбузовым черный пакет. — Не скрою, эти фотографии я сделал в квартире Горохова. Он неаккуратен, ваш друг, последователь и продолжатель. Зачем он дома хранит улики, которые выдают с головой? Деньги, адресок?.. По этому адресу Гриша должен был отправить деньги за убийство? Следовательно, на роль наемного убийцы вы пригласили бывшего мужа Ламко? Это же его адрес. Тот не согласился, пришлось пачкать руки самому? А деньги подкинуть, подбросить, прислать все же Малышеву — чтобы им, а не Гороховым занялось следствие? На какой из этих вопросов вы беретесь ответить, Олег Александрович?

Арбузов задрожал. Воздвиженский сказал убежденно:

— Да, вы ее убрали, потому что знали, Ламко способна на донос.

— Это шантаж! — выкрикнул Арбузов. — Никаких рэкетиров!.. Да вы, оказывается, чудовище, Воздвиженский!

— Я не все сказал. Не так уж я и страшен. Со мной можно договориться. Я решил использовать свой шанс. Доказательное стремление оклеветать Малышева я могу представить в МВД так, что тут же станет рельефнее сговор Гришки с лжесвидетелями, которые распространяли версию об избиении Ламко подростками. Тем более, лжесвидетели опознали Гришку и отказались от своих показаний, назвав их ошибкой, заблуждением. Но стремление обелиться видно. Кто, как не убийца, возьмется за подобные грязные дела? Такие дела по личной инициативе не делаются. Вы дали Горохову руководящие указания. Как дали их мне. Повторность действия является системой. Но все останется между нами, если... Я тоже не хочу быть благородным, но бедным, — у Воздвиженского вырвался истерический смех, он расхохотался, не выдерживая своей ро-

ли.—Дудки, я решил не отставать, ничуть.— И спокойно пояснил: — Я хочу совсем немного в вашем масштабе цен. Мне нужно всего сто тысяч. Я должен наконец выстроить дом. Ваша свобода и жизнь Григория стоят больше.

— У меня таких денег в наличии нет,— помолчав, сказал Арбузов.

— В таком случае все документы и фотографии я передам Быкову. Быков сразу поймет, как вы намерены его провести, и сделает соответствующие выводы. По-моему, Малышев не слишком подходит на роль злодея. И даже если бы по ложному доносу Быкову пришлось провести в его доме обыск, даже если бы он нашел эти деньги, вряд ли бы он так быстро поверил, что Ламко убита бывшим мужем с целью ограбления, и закрыл бы дело. Он начал бы искать провокатора, непременно начал бы искать. Но я ему помогу. Правда, дачи у меня не будет. Зато я очищу совесть, и возмездие воздастся.

— Нет у меня таких денег! — Вдруг заорал Арбузов, из белого став пунцовым.

— Обратитесь к друзьям. Продайте что-то,— Воздвиженский обвел глазами комнату.— Видеосистемы, персональные компьютеры нынче в цене. Обратитесь к Максу, он вам не откажет...

— Не знаю никакого Макса! Кто это? Как его фамилия?

— Не знаю фамилии. Знаю только, что однажды он вас уже субсидировал.

Арбузов не сдержал отчаянного стога, но все же упрямо ответил:

— И я не знаю, я в долг денег никогда не брал. Перестаньте, Вадим Федорович. Вам все это не... не к лицу! — с неподдельной горечью закончил он. Тяжело поднялся с кресла, прошелся по комнате, неловко натыкаясь на мебель, подошел к окну и раздвинул тяжелые портьеры. Блеснул солнечный свет.

— Хорошо,— глухо сказал он.— Вы загнали меня в угол. Завтра приходите в «Элладу» к восьми, пока никого нет, но учтите, вы заберете у меня последнее. Я это говорю, чтобы предупредить дальнейший шантаж, он бесполезен, мне нечем будет расплачиваться...

Только отойдя от дома Арбузова на приличное расстояние, Воздвиженский понял, чего все время подспудно боялся — вдруг Арбузов схватит какую-нибудь бронзулетку или тяжелую хрустальную вазу и разmozжит ему голову...

А потом вошел в будку телефона-автомата, позвонил в справочную МВД. Да, по-прежнему, как и двадцать лет назад, министерство работало и по воскресеньям. Вот только жаль, что полковник Быков отдыхает. По его группе дежурит капитан Сиволодский. «Ну, что ж,— сказал себе Вадим Федорович,— выбирать не приходится. Да и Сиволодский мальчик сообразительный».

Арбузов заметался. За такое сто тысяч — не цена. Этот прохиндей не только знает Макса, он знает... все! И он с досады, со злобы, от нищеты своей донесет. Они же все, бездельники, нищие, завистливо ненавидят каждого, кто живет хоть на йоту лучше, богаче. Раньше ненавидели аппаратчиков, хозяйственников, торгашей — теперь ненавидят кооператоров. Это все понятно, объяснимо. Но и прощать нельзя. Надо пресечь. Где Гришка? Где он, сукин сын!

И надо выходить на Макса — ситуация чрезвычайная, да и в конце концов пора познакомиться. Не то время, чтобы сидеть по углам. Обороняться придется вместе.

Адрес Горохова Арбузов знал. Но где искать эту улицу, этот дом в новой Москве, представления не имел. Поэтому Арбузов позвонил Антонине. Гриши у нее не было. Но она пообещала его найти.

Горохов позвонил только в половине четвертого.

— Гриша, я должен тебя видеть. Откладывать нельзя. Дело серьезней, чем ты думаешь. Вадим решил дачу строить — понимаешь?

— Пусть строит, — хмыкнул беспечно Гриша.

— Не понял? Ему нужны деньги. Большие деньги. И он продает...

— Ничего не понимаю... — честно признался Гриша. — Завтра, Олег Александрович. Мне к вам такого киселя хлебать...

— Нет. Я сейчас поеду тебе навстречу. Где мы можем встретиться? Давай у Мухинской статуи.

...В маленький бассейн под статуей Рабочего и Колхозницы уже налили воду, и Арбузов понуро рассматривал в ней свое отражение — оно рябило, как только налетал ветерок. Горохов окликнул его из машины. Арбузов на удивление Гриши быстро подбежал и плюхнулся рядом с ним на переднее сиденье.

— Гляжу я на этих веселых гегемонов, — кивнул Гриша на статую. — У-у-у — монстры! Но их надо сохранить, как памятник нестигаемому духу времен ошибок...

— Гриша, мне не до общих вопросов, — перебил его Арбузов. — Скажи честно, как выйти на Макса? Я должен с ним встретиться.

«Олежка много захотел», — подумал Горохов и ответил:

— А он вовсе не Макс.

Затем резко повернулся к Арбузову и с вызовом спросил: — А собственно, в чем дело? — Пусть знает свое место, производительник!

— Подожди, не ерепенься. В руках Воздвиженского доказательства, что Ламко убил ты. Судя по всему, ему помогали Мария Сергеевна и Никонова.

— Никонова? — изумился Гриша. — С ума сошла, дура!

— Но он не донесет, если мы откупимся. Сто тысяч!

— Он считает, значит, что убил я... — Гриша зло прищурился. — И подтасовал фактики... Приемчик знакомый, проверенный, сами умеем. Ладно. Что ж, придется откупаться. Заткнем ему рот. Воздвиженский не оригинален. В нашем деле все стоит на подкупе, откупе, шантаже. Неужели новость? Но он, однако, далеко пошел... Я — убийца! — Гришу задело, он возмутился.

— Но у меня нет денег... — жалобно проговорил Арбузов. — Ты близок с Максом... Ты можешь с ним объясниться, хотя мне хотелось бы самому переговорить с ним. Но если ты... — Увидев выражение Гришиного лица, Арбузов осекся. — Хорошо, я не буду с ним говорить, но ты же не оставишь меня...

— Не в деньгах счастье, Олег Александрович, — зловеще процедил Горохов сквозь зубы, — дураков учить надо...

— Надо, надо... Но ты понимаешь, это же не все. Он знает о Максе, о нашем договоре. Он знает про операцию с Малышевым. У него откуда-то фотографии конверта и денег, где ты хранил адрес Малышева.

Такого поворота Горохов не ожидал.

— Убить его мало!

Арбузов запричитал:

— Только не это, только не это! Мало нам одного убийства?

— Он будет завтра в восемь? — жестко спросил Горохов и приказал: — Главное, сами не проспите.

— Но, Гриша, это же замкнутый круг. Вы его прижмете, он побежит в МВД, — осторожно заметил Арбузов, поняв ход Гришкиных мыслей. — Он так и так нас посадит...

Горохов вдруг почувствовал отвращение к Арбузову.

— Слушайте, Олег Александрович, вот объясните, отчего, попав в лапы Макса, вы не побежали в райотдел? Не посадили меня, и может быть, его? Вы предпочли принять мои условия. Помните?

— Не надо, Гриша, — вымученно прошептал Арбузов.

— Отчего же не надо? Отчего же? Вы поняли, не Макс, так другой. Думаете, у Воздвиженского мозги иначе устроены? Значит, так. Сейчас из ближайшего автомата мы ему позвоним. И вы скажете, что мы даем сто двадцать пять тысяч. Сто за молчание, двадцать пять — за оригиналы всех документов, негативы и отпечатки снимков.

— Ужасно, что он знает Макса...

— Не знает. На понт берет, — уверенно сказал Гриша. — Слышал звон, не знает, где он. Фамилии он не знает, не знает адреса, имени-отчества. А Макс? Что такое Макс? Комик Линдер был Максом, и Штирлица Максом звали... — Гриша успокаивал Арбузова, но в его собственную душу при этом закрадывалось ужасное сомнение — не Макс ли запустил Воздвиженского обследовать квартиру, устроить шмон? «Если не воры, не ментура, а Воздвиженский, то... зачем? И почему Вадиму вдруг выгодно превращать меня в убийцу? — Не понимал Гриша. — Чушь, чушь...» Но он знал одно: замыслы Макса не просчитаешь. Он помнил, что Арбузов взял Воздвиженского буквально «с улицы», не проверив, не обкатав. Уж не Макс ли подsunул Вадима для двойного контроля? И кто мог дать Воздвиженскому ключи от квартиры, если не Макс, не его дочка?

20

Олег Александрович всю ночь промаялся. Только к утру нервы не выдержали, он забылся. Снились ему тигры с птичьими головами. Один из них вдруг пронзительно закричал прямо в лицо. Это сработал поставленный на половину седьмого будильник.

Не помнил, чтобы когда-то так рано приезжал на службу. Машину поставил прямо у входа в особняк, чтоб Воздвиженский сразу понял, что он на месте, готов выполнить договоренность.

Как во сне отпер своим ключом дверь с вывеской «Эллада». Как во сне открыл кабинет, прислушиваясь к каждому шороху. Ровно в половине восьмого он услышал шаги. Шел один человек, бесспорно, один, но сердце Олега Александровича заколотилось, зашлось, в висках застучало. Если бы сейчас в руке оказался пистолет, он наверняка всадил бы всю обойму в неспешно раскрывающуюся дверь.

Воздвиженский улыбался.

— Вы молодец, Олег Александрович, я был в вас уверен, и все же боялся, что вы в последний момент пойдете на попятный. А вы джентльмен...

— Оригиналы верните... — плохо слушающимся языком проговорил Арбузов.

— Только после того, как получу деньги.

— Я чек выпишу...

— Нет, давайте наличность. Я знаю новые правила сбербанка. Не тяните время. Если наличности нет, считаю разговор оконченным.

— Да, нет, сейчас, конечно...

И вдруг, словно продолжение давнишнего ночного кошмара: из-за спины Воздвиженского появились какие-то фигуры. Они множились — сероватые, блеклые, ирреальные, очень страшные. У Арбузова подкосились ноги, он не мог и не хотел видеть и знать, что произойдет дальше. Опустился на стул, цепляясь пальцами за край столешницы. Резкой болью ударил по нервам сломанный ноготь.

— Вот, Вадим Федорович, к чему привело ваше... ваше... ваша настойчивость, — Арбузов полуприкрыл глаза, чтобы уйти от загоревшегося ненавистью взгляда Воздвиженского. Он был готов поклясться — сам впервые видит этих людей, все на одно лицо, одинаковые, джинсовые, кожаные.

Воздвиженский, казалось, был больше удивлен, чем испуган, и не понимал, что происходит. Ему бы скорее бежать отсюда с воплем ужаса, с криком о помощи!

— Вадим Федорович, — услышал Арбузов неторопливый, мягкий, хорошо поставленный голос, — мы просим вас отдать ксерокопии и подлинники присвоенных вами документов.

— Кто вы? — с вызовом спросил Воздвиженский.

У Арбузова не только сердце — печенка сжалась. Неожиданно погас свет в неоновых трубках.

— Нас много, с кем именно вы сейчас говорите — неважно. Я прошу от имени всех нас — верните.

Где Гришка нашел этого диктора? Неужели бывают такие ровные, нечеловечески ровные, до жути лишенные окраски голоса? А Воздвиженский, дурак, хорохорится. Или у него это такая истерическая реакция? Бывает же у некоторых.

— Нет, — ответил Воздвиженский. — Извините, кто бы вы ни были, с вами я дела не имел.

«О, да он, оказывается, не трус», — отметил про себя Арбузов.

Это было для него открытием. Ему всегда казалось, что все люди такие, как он. Или, что естественно, приятнее сознанию — он такой же, как все люди. Не струсил, это же надо — не струсил!

— Вы поступили подло, выкрад документы. Вы противопоставили себя сообществу, членом которого стали добровольно. И вы надеетесь, с вами поступят честно? Отдайте все Олегу Александровичу. И обо всем забудьте. Закон омерты, то есть молчания, действует не только на Сицилии. Мы тоже подвластны этому закону. И мы тоже все забудем. Если вы не повинуетесь немедленно, мы накажем вас. И знайте — убить человека еще не значит его наказывать. Мы заставим вас всю жизнь казниться. Мы знаем, вы любите свою жену. Неужели вы хотите ее внезапной смерти? От удушья отравляющими газами в загоревшемся лифте?

В глазах Арбузова поплыли оранжево-зеленые круги. Ему казалось, все то же самое в один миг может произойти и с ним... Он почему-то подумал, что больше никогда в жизни не сможет зайти в лифт, отныне и навеки к себе на восьмой станет подниматься

только по лестнице. Воздвиженский и шеренга за его спиной стали маленькими, узенькими, куда-то поплыли...

— Вадим, верните...— выдавил из себя Арбузов и почувствовал, как что-то липучее сковало всю правую сторону груди, не вздохнуть, не перевести дыхания, не набрать воздуха, чтобы заговорить громче.

— А что я с этого буду иметь?..

Ну и наглец Воздвиженский!

— Главное, ничего не потеряете,— проговорил тот же голос.

И вдруг, без всякого замаха, без шума, стоящий ближе всех к Воздвиженскому выбросил от бедра ногу вперед, ударил Воздвиженского в живот. Тот издал нутряной металлический звук и согнулся пополам. Его подхватили с двух сторон и потянули за руки. Воздвиженский стоял на полусогнутых.

— Только без рук! — заорал Арбузов.— Только не здесь!

Воздвиженского обыскали.

Что-то зашуршало. Арбузов увидел, как на его столе появились бумаги — те самые. Все. О Боже, все...

Засквозило. Противно зашелестел перекидной календарь на столе. Неужели не заперта парадная дверь? Лицо Воздвиженского было серо-зеленым, как у утопленника.

На улице в толпе Воздвиженский пришел в себя. Каждый шаг болью отзывался в солнечном сплетении, как кариесные зубы, ныли ребра, но он шел и шел — вниз, к бульвару, размышлял, прикидывал, что делать дальше. Он заставлял себя думать и двигаться, чтобы забыться.

Да, он сам все испортил. Старый дурак! Но кто, кто мог подумать...— И Воздвиженский понял, почему просчитался: не мог, мыслитель старозаветный, до конца поверить и осознать, что за спиной Арбузова действительно может оказаться мистическая, но реальная мафия, та самая странная, интригующая, жестокая и потаенная сила. А может быть, все это инсценировка и его просто провели как мальчишку? Все вроде знают про эту чертову мафию, кое-кто без дураков всерьез ее боится, и на вот, поди, поверь, что действительно оказался лицом к лицу именно с ней.

— Я бегу за вами от самого рынка! — раздался сзади голос Саши Чернова.— Вадим Федорович, почему не посоветовались? Хотели убить двух зайцев? Отскрести свое, потом только отдать их в руки правосудия? Да так же это не делается...— В голосе Чернова осуждения не было — было понимание и сочувствие.— Больно? Сильно они вас?

Он критически оглядел Воздвиженского, нахмурился и озабоченно заключил:

— Считайте, повезло. К вам применили четверть мощности.

— Вы подслушивали? — старался понять Вадим Федорович.

— Нет. Подсматривал,— добродушно засмеялся Чернов.

И дальше по бульвару, удаляясь от Сретенки и от «Эллады», Чернов и Воздвиженский пошли вместе.

Быков слушал доклад Сиволодского и поражался, до чего результативным оказалось у капитана воскресное дежурство. Прямо как по заказу. У следствия объявился еще один добровольный помощник.

— Слеза умиления тебя не прошибла от такого доброхотства? — поинтересовался полковник, когда Сиволодский закончил рассказывать про визит Воздвиженского и его новые показания, про то, как легко согласился Вадим Федорович поехать в ресторан «Будапешт» на опознание.

— Не понимаю вас, Вячеслав Иванович, — осекся Сиволодский.

— А вчера ты не понимал, что Воздвиженский действительно с Ламко в ресторан не ходил?

— Доверяй, но проверяй, сами любите говорить. Короче, тот человек, который сидел с Ламко в ресторане, выше ростом, немного сутулится, а чертами лица похож...

— Как похожи друг на друга бородачи с общим цветом волос... Все это несущественно. А вот понял ты, зачем Воздвиженский льет грязь на Чернова? Кто еще слышал эту фразу Чернова про Макса и «каток МВД»? Получается, если верить Воздвиженскому, что Ламко убили, чтобы свести счеты с неким Максом.

— Воздвиженский ссылается на Никонову. Она якобы случайно услышала. Пересказала ему, поинтересовавшись, кто такой Макс. Разговор между Черновым и парнем из пиццерии мог кто-то еще слышать, конечно. Надо будет заняться.

Быков потер подбородок и, задумчиво глядя на Сиволодского, проговорил:

— Миша, ты оценил, что произошло? Прежде задача была проста. Ламко знала о махинациях, препятствовала, казалась опасной, ее убрали. Все. Нужно только изобличить убийцу, который при таком раскладе так или иначе связан с «Элладой». Теперь же получается, если мы получим подтверждение слов Никоновой, Ламко убили, чтобы нашими руками убрать с дороги некоего Макса, видимо, конкурента. По логике, Макс связан с «Элладой», а вот убийцы Ламко находятся вне сферы деятельности кооператива.

Сиволодский присвистнул:

— Выходит, Чернов и парень из пиццерии и есть те люди со стороны... Но внедренные в «Элладу»!

— Что мы знаем про контакты Чернова? — спросил Быков.

— В «Элладе» Чернов дружен только с Гороховым. Студенческая компания, членом которой в вузовские годы был Чернов, в какой-то степени распалась. По сей день он поддерживает отношения только с некими Сергачевым и Тимониным. Эти молодые кибернетики, видимо, окончательно распрощались с инженерными дипломами и открыли кооперативную автомастерскую. Чернов там часто бывает, это за городом, в Люберецком районе. Как сообщил мне тамошний участковый, малый вьедливый, настоящий службист, — Сиволодский улыбнулся, — автосервис этот настораживает.

— Что, вместо машин там чинят стрелковое оружие?

— Нет, чинят машины. Но... Не как обычно, принимая в ремонт, а приобретая побитые, чтобы потом продать их по договорной цене. Ну, а что у нас сейчас творится в торговле автомашинами, вы лучше меня знаете, Вячеслав Иванович.

— Ну и что? Ребята обогащаются. Работают своими руками. Это теперь даже поощряется. Твой службист перебдил.

Зашла майор Левченко. Быков кивнул ей.

— Ребята делают лихую, как выразился службист, аховую деньгу, — продолжал Сиволодский, стоя на своем. — Какой интерес к данной точке обогащения у Чернова, неясно. В принципе все его друзья москвичи. Он мог бы общаться с ними, не выезжая за го-

род, вот что меня заставляет пристально присмотреться к тому кооперативу. Может быть, помимо всего прочего через Чернова и «Элладу» идет сбыт машин?

— Мысль, имеющая право на существование, — кивнул Быков. — Сегодня же начинай ее разрабатывать и, помимо парней из автосервиса, займись этим коробейником из пиццерии, который возит в «Элладу» обеды. Он-то чем дышит, ему-то какое дело до автосервиса и кооперативных шмоток? Макс, Макс... И не упускай из виду этого Макса. Это может быть и прозвище. — Быков быстро взглянул на Левченко. — Телефон школы — «липа»?

— Да. Родственников, связанных с «Элладой», у кого-либо из школьного коллектива и членов родительского комитета нет. Знакомых проверить невозможно, вы сами понимаете, Вячеслав Иванович. Люди, с которыми я говорила, о кооперативе «Эллада» впервые слышат. Другой район. Да и не с учительскими окладами интересоваться кооперативной продукцией.

Быков хмыкнул:

— Дай-ка мне глянуть список работников этой школы. Подсывая нам телефон, конкуренты Макса знали, что делали. Они же стремятся вывести нас на Макса. Или на кой черт эта записка?!

Быков принялся изучать фамилии, имена, отчества педагогов и работников школы № 122.

— Вот, пожалуйста, — сказал наконец он, — учитель математики. Максимов Валерий Дмитриевич. Чем не «Макс»? Ты его видела, Валя?

— Да. Эдакий добродушный толстяк, лет под шестьдесят.

— Как одет?

— Вполне прилично. В разговоре со мной дважды повторил, видимо, свою любимую фразу: «Истинная ученость всегда великодушна».

— Миша, в какой школе учился Чернов?

— Не выяснял.

— Выясни. И заодно — не работал ли когда-либо в той школе, если это не сто двадцать вторая, учитель математики Максимов. Может, он и внушил Саше Чернову любовь к точному знанию и тайным интригам. Так... — Вячеслав Иванович снова начал читать список. — А кто такая Гурьева Вера Максимовна?

— Учительница младших классов.

— Я вижу, что она учительница младших классов. Ты с ней встречалась?

— Нет. Она на бюллетене.

— Отправляйся к ней домой. Поинтересуйся ее папой. Посмотри на нее внимательнее.

— Про папу я сейчас скажу, — Левченко порылась в своей папке. — Я на всякий случай сделала выписки из личных дел. Гурьев Максим Максимович. Администратор Москонцерта. До 1983 года — ответственный работник Госснаба.

— Странный кульбит, — проворчал Быков, — наделал дел в Госснабе и слинял, пока за руку не схватили? Запроси характеристику.

Левченко ответила на телефонный звонок — звонили из бюро пропусков.

— Еще один гость, Вячеслав Иванович. Содействовать милиции решил товарищ Малышев Ким Анатольевич.

— Хорошо. Я с ним поговорю. Мне крайне любопытно, что поделывают сейчас Воздвиженский и Чернов. И я бы хотел лично

познакомиться с Максимовым, Верой Максимовной и ее отцом. Вы меня поняли?

— Служим Советскому Союзу, Вячеслав Иванович,— отозвался Сиволодский с покоробившей Быкова иронией. Ох, уж эта молодежь...

Инженера Малышева полковник Быков наблюдал дважды. И кроме того, что бедняга инженер явно несчастлив, ничего про него, пожалуй, сказать бы не мог. Больная мать, погибшая жена, осиротевшая дочь... И он — вечно взвинченный, не устроенный по-людски, плохо одетый, кругом в долгах.

Малышев смотрел на Быкова с каким-то сумасшедшеньким огоньком во взоре. Он улыбался. Его улыбку Быков видел впервые, и от нее, признался вдруг себе Вячеслав Иванович, оторопь брала.

Торжествующая и злорадная, жалкая и радостная...

Малышев сел, огляделся, хотел что-то сказать, но вдруг в его глазах блеснули слезы. Он быстро махнул по лицу рукавом пиджака, и Быков заметил, как обтрепан край манжета. Да неужели так скудно живет этот человек, что не может и костюма нового себе позволить? А ведь на нем еще и алименты... И он платил их женщине втрое, вчетверо состоятельнее его. Закон есть закон, но в таких случаях всегда думаешь об истинной справедливости...

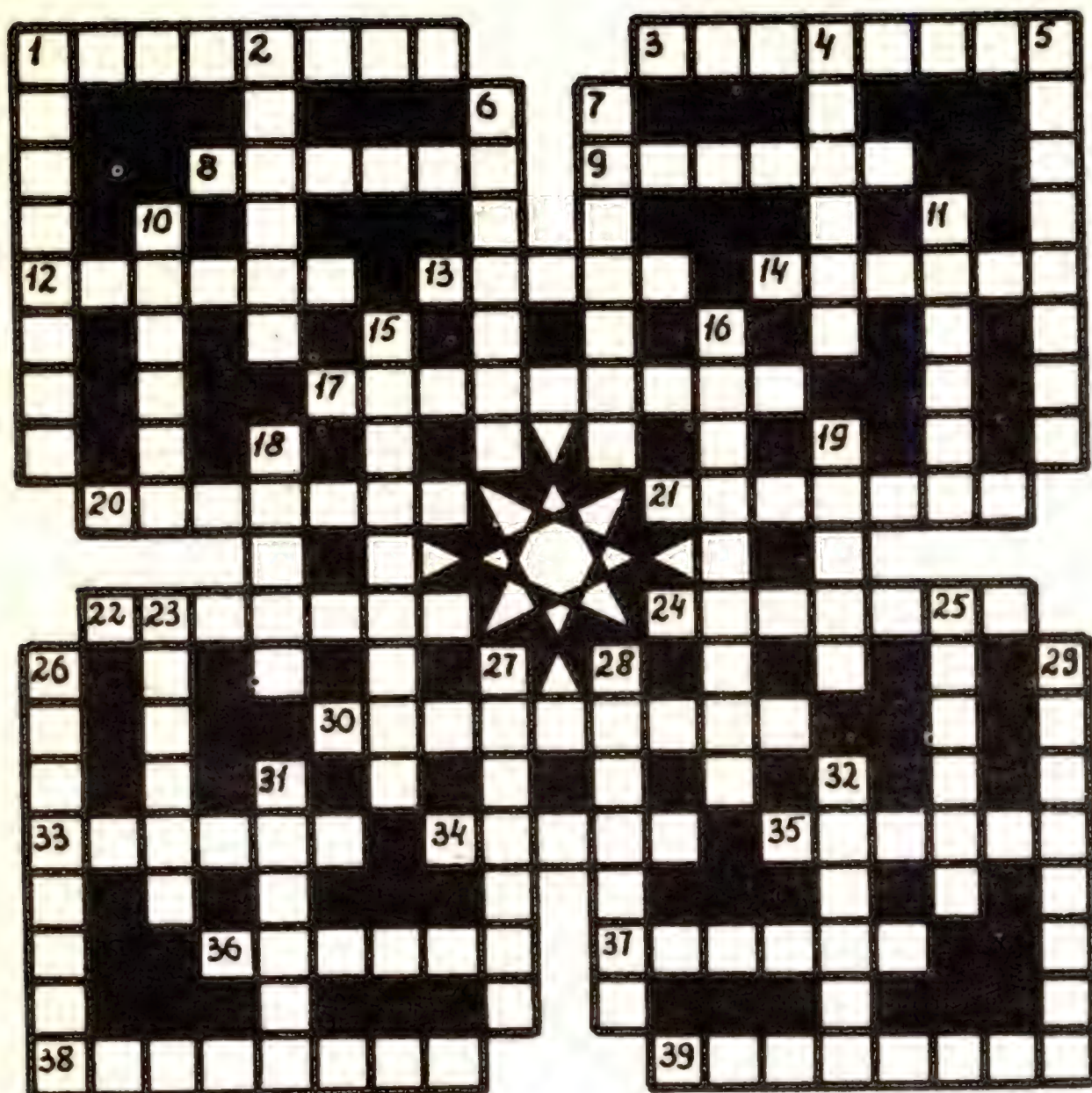
Малышев запустил руку во внутренний карман пиджака и достал конверт, сложенный вдвое. Толстый, большой конверт.

— Вячеслав Иванович,— хрипло заговорил он.— Наверняка на конверте и некоторых купюрах, которые лежат в нем, вы обнаружите мои отпечатки пальцев. Я брал в руки это, ничего не подозревая, я просто не знал, что это такое и как попало в мою кухню. Но, конечно, вы найдете отпечатки и других рук. Рук тех людей, которые решили вывернуться за мой счет, упечь меня и остаться безнаказанными. Это заговор, Вячеслав Иванович, заговор... Против всех честных людей... Против меня, против Гали, против вас... Они умеют, они изощрены... Я не взял отсюда ни копейки,— продолжил он без всякого перехода.— Ни копейки, хотя сто, двести рублей мне были бы кстати. Но как мне иначе доказать, что я честный человек? Пожалуй, они же и дали мне эту возможность, те страшные люди, которые подкинули мне деньги... Вячеслав Иванович, их надо остановить. Ведь они правят бал — вы заметили? А будет еще хуже, еще страшней. Вот деньги, я принес их вам. Я не имею с ними ничего общего.

Быков смотрел на толстую пачку пятидесятирублевых купюр. «Видимо,— думал он,— случилась накладка. Кто-то должен был донести на Малышева, вынудить нас провести у него обыск. А Малышев их обштопал невзначай. Нашел сам предназначенное нам». Быков не сомневался в искренности инженера. Бедность и честность — почему истари эти слова ставятся рядом? И ведь что поразительно — верно ставятся!

Окончание следует.

КРОССВОРД

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 1. Переводчик при дипломатических представительствах. 3. Название суда для государственных крестьян в Российской империи в 1775—1796 годах. 8. Заседатель участкового суда в ФРГ, участвующий в рассмотрении дел о значительных уголовных преступлениях. 9. Русский правовед, историк философии и педагог. 12. Надпись на векселе или каком-либо другом документе денежных расчетов, удостоверяющая, что оплата этого документа должна быть произведена по его предъявлению. 13. Советский военачальник, генерал армии, дважды Герой Советского Союза. 14. Должностное лицо, назначенное в качестве постоянного представителя в каком-либо городе или районе другого государства для защиты юридических и экономических интересов своего государства. 17. В средние века итальянский юрист, комментировавший и толковавший римское право путем составления заметок на полях текста законов. 20. Распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. 21. В феодальном буржуазном праве форма наследования недвижимости, при которой она переходит полностью к старшему из наследников. 22. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. 24. Следователь в повести Б. А. Можая «Пропажа свидетеля». 30. Распоряжение гражданина относительно своего имущества на случай смерти. 33.

Показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, ложно изобличающие другое лицо в совершении преступления. 34. Молдавский поэт, один из авторов текста Государственного гимна Молдавской ССР. 35. В некоторых буржуазных государствах документ на занятие определенной должности. 36. Должностное лицо при французском парламенте или суде, составляющее официальные отчеты, редактирующее документы. 37. Процессуальная деятельность судов по проверке законности и обоснованности приговоров, решений. 38. В Древнем Риме демонстративный выход плебеев из состава римской общины и уход за черту города. 39. Система органов, в функции которых входит удостоверение сделок.

По вертикали: 1. Антифашистская пьеса немецкого писателя П. Вайса. 2. Предложение заключить гражданско-правовой договор, содержащее все его существенные условия. 4. Принудительное препровождение к следователю, в суд лиц, не явившихся по вызову без уважительной причины. 5. Лицо, подающее жалобу, обращающееся за советом, поддержкой в суд. 6. Вид банковской операции. 7. Высший орган судебной и политической власти в Древних Афинах. 10. Служащий для надзора за деятельностью государственных учреждений и должностных лиц в России в 1711—1729 годах. 11. Вид уголовного наказания. 15. В международном праве — порядок, регулирующий очередность подписания текста договора его участниками. 16. Отсрочка исполнения каких-либо обязательств, устанавливаемая правительством на определенный срок. 18. Извещение об изменениях в состоянии взаимных расчетов, посылаемое одним контрагентом другому. 19. Массовое представительное собрание, съезд. 23. Герой повести П. Нилина «Испытательный срок». 25. Холодное оружие. 26. В некоторых зарубежных государствах правовой акт высшего органа государства. 27. Разница между оценкой имущества и страховой суммой, оставляемая на риск страхователя. 28. Государственное учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 29. В ряде зарубежных стран административный, судебный или избирательный округ. 31. Получение устных сведений в ходе следствия от обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. 32. Обращение граждан в государственные органы или к должностным лицам по поводу нарушения прав и охраняемых законом интересов конкретного лица.

Составитель В. ИВАНОВ

МОРДОВСКАЯ АССР

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Педагог. 6. Карьера. 9. Богомоллов. 12. Пират. 13. Вотум. 14. Обыск. 17. Сенат. 18. Мафия. 19. Залог. 20. Истец. 25. Режим. 26. Арест. 27. Тиран. 30. Макаренко. 31. Награда. 32. Плагиат.

По вертикали: 1. Дефицит. 2. Донос. 3. Басов. 4. Протест. 7. Донор. 8. Досуг. 10. Завещание. 11. Обвинение. 15. Запой. 16. Касса. 21. Депутат. 22. Орган. 23. Аскет. 24. Каземат. 28. Банда. 29. Школа.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

В гражданском законодательстве действительно существует правило об обязательной доле в наследстве.

Согласно статье 535 ГК РСФСР (соответствующие статьи есть в гражданских кодексах других союзных республик) несовершеннолетние или нетрудоспособные дети умершего (в том числе усыновленные), а также его нетрудоспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы наследуют независимо от содержания завещания не менее $\frac{2}{3}$ доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Однако статья 561 ГК РСФСР предоставляет гражданам, имеющим вклады в Сберегательном банке СССР, право сделать распоряжение банку о выдаче вклада в случае своей смерти любому лицу. При наличии такого распоряжения вклад не входит в состав наследственного имущества и на него не распространяется правило об обязательной доле.

Однако согласно статье 20 Кодекса РСФСР о браке и семье вклады в сбербанке, внесенные супругами в период совместной жизни на имя одного из них, являются их общей совместной собственностью. Поэтому если Иван Семенович положил деньги на сберкнижку в то время, когда состоял в браке с Анной Михайловной, то половина вклада является ее собственностью. И лишь вторая половина перейдет к сыну Федоренко от первого брака.

Задача 2

Установление попечительства над совершеннолетними лицами, которые по состоянию здоровья не могут самостоятельно защищать свои права и выполнять свои обязанности, допускается только по их просьбе и не влечет за собой ограничение их дееспособности (статья 125 Кодекса о браке и семье РСФСР и соответствующие статьи КоБС других союзных республик). Другими словами, они самостоятельно совершают все юридические действия (в том числе и распоряжаются имуществом), никакого согласия на это от попечителя не требуется. Попечитель же совершать сделки от имени подопечного без его согласия не имеет права. Поэтому продать дом Левикова Фролов не может.

Признать недееспособным в судебном порядке можно только гражданина, который вследствие душевной болезни или слабоумия не может понимать значения своих действий или руководить ими. Над такими лицами устанавливается опека, и сделки от их имени совершает опекун.

Сдано в набор 26.02.90. Подписано в печать 26.03.90. А 07438.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Зак. 1987. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.)
с фотоформ ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»
в типографии издательства «Уральский рабочий». Свердловск, про-
спект Ленина, 49. Зак. № 669.

— Хотела бы участвовать в борьбе с коррупцией и
рэкетом...

Рис. Н. Щербакова

60 коп.

Индекс 71075

145

